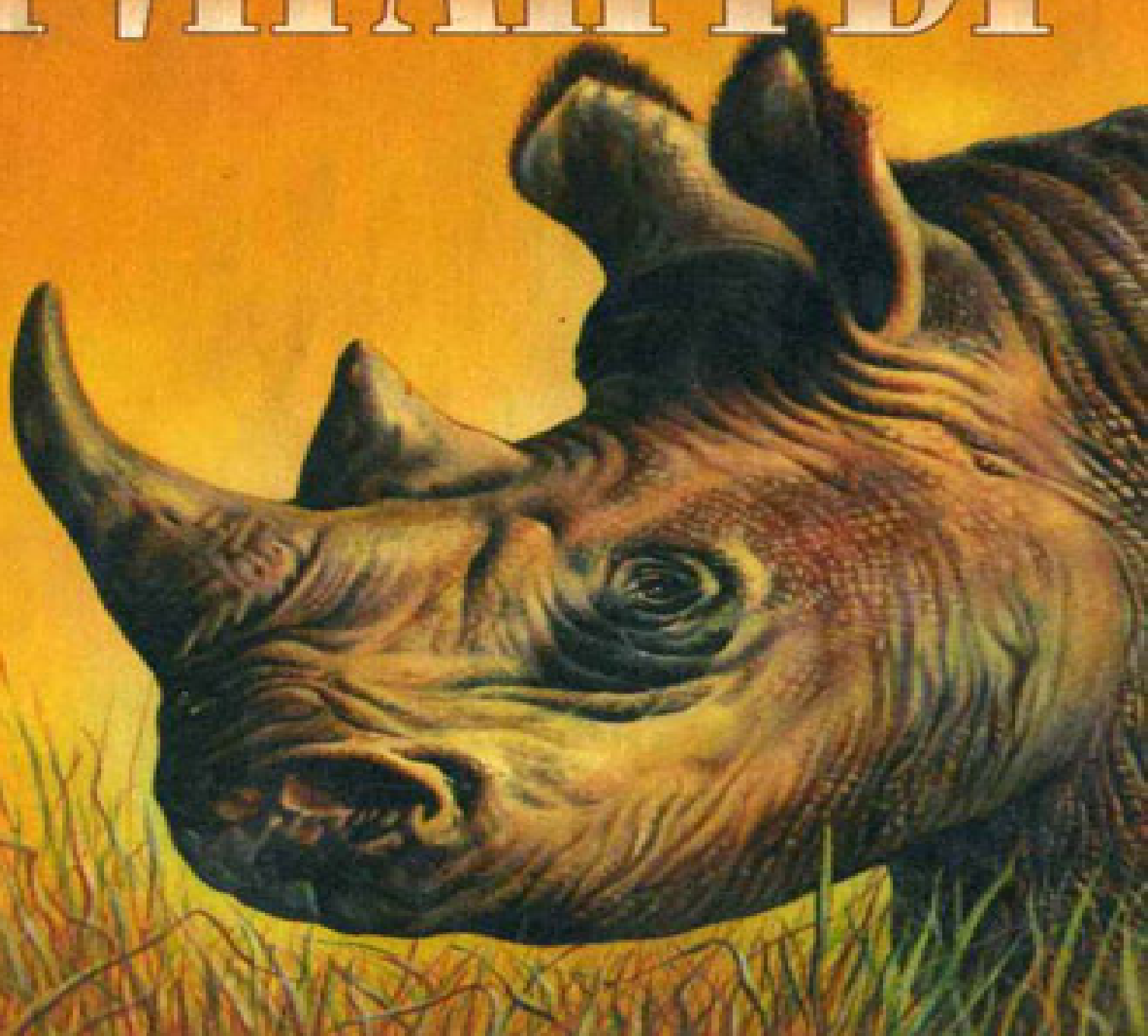

Королю твое

ИМАБИ

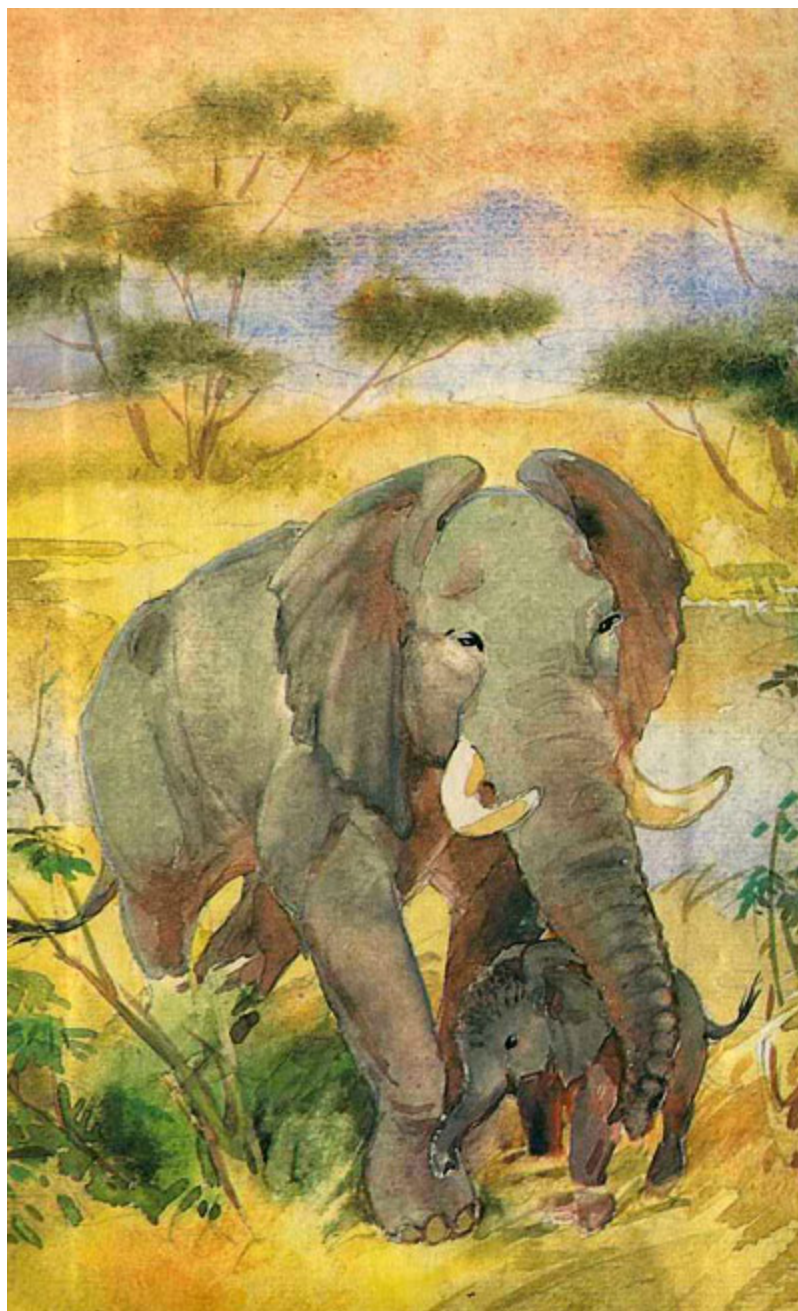
Annotation

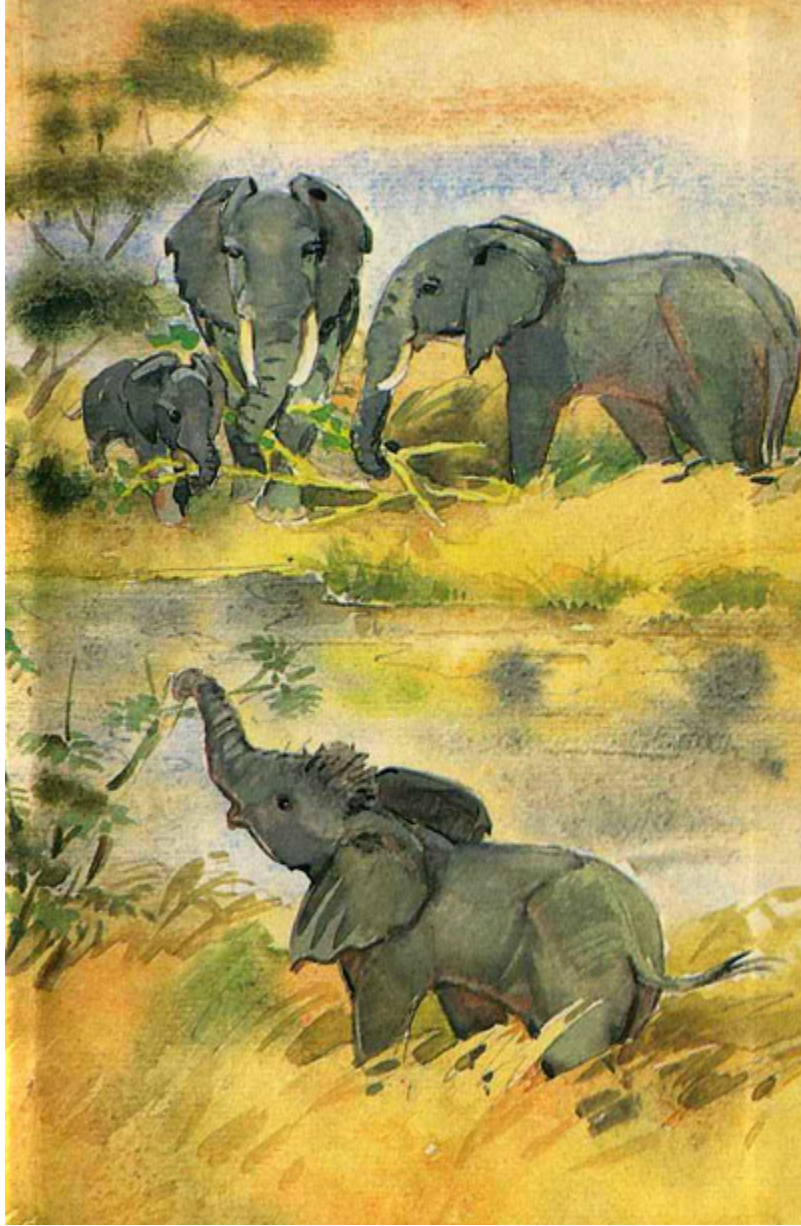
Хищническое истребление животных — тема, которая сегодня тревожит многих людей на Земле. Английские защитники природы Торнтон и Кэрри, зачастую с риском для жизни, провели собственное расследование незаконной торговли слоновой костью и написали об этом книгу.

- [Дейв Кэрри](#)
 -
 - [Слова признательности](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Дэйв](#)
 - [Эллан](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Эллан](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Эллан](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава восьмая](#)

- [Эллан](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Эллан](#)
 - [Дейв](#)
 - [Эллан](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Постскриптум](#)
-

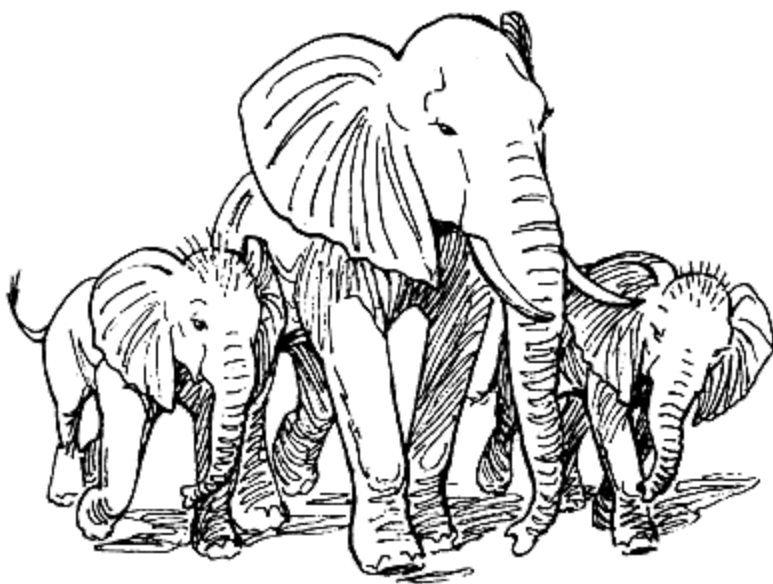
**Дейв Кэрри
Эллан Торнтон
Спасти слона!**

Счастья слона!

Перевод с английского
С. ЛОСЕВА

Слова признательности

Прежде всего, приносим самую сердечную благодарность Пэм Кокерилл, проявившей необыкновенное терпение при работе над рукописью. Не будь ее преданного отношения к нашему труду, эта книга не увидела бы свет.

Приносим самые искренние слова благодарности Кристине Стивенс, оказывавшей нам всестороннюю помощь и поддержку. Без ее вдохновенной преданности делу спасения слонов нам бы не удалось осуществить ни одного из наших исследований.

Сожалеем, что не можем поблагодарить многих наших помощников персонально: всех тех, кто, рискуя должностным положением, а то и жизнью, добывал для нас бесценную информацию: документы и звукозаписи. В этом случае пришлось бы рассекретить их имена. Отдаем должное их огромному вкладу в наше исследование. Особая благодарность тем нашим помощникам, кто добывал для нас живые свидетельства в виде интервью, записанных на пленку.

Нам посчастливилось работать с дружной командой людей, преданных делу Агентства по исследованию природы (ЕИА). Это чета Дженни и Клайв Лонсдейл,

Чармиэн Гуч, Сьюзи Уоттс, д-р Рос Рив, Л. А. Ник-Картер, Морен Плантагенет, Лорна Мак-Киннон, Паула Уайтинг, Стив Трент, Питер Найтс и Тайна Харпер.

Обращаемся с благодарной признательностью к Обществу сохранения живой природы Танзании, убедившему танзанийские власти выступить с предложением внести слоновую кость в Приложение I, что означает полный запрет на торговлю ею. Особенно благодарим супругов Лиз и Нейла Бейкер, Сидни Мабавика, Косту Млэ, Нэда Китомари. Благодарим также Мартина Лумбангу, Пола Саракикья, Джеральда Бигаруби и г-на президента Танзании Мвиньи, покровительствующего обществу.

И еще адресаты наших самых сердечных благодарностей:

Джорген Томсен, а также:

Джим Экхерст; Нэтэн Адамс; Бриджитт Элбрехт; Джордж Элексю; Сью Эллен; Тор Эллен; Кэрри Бэрд; Джон Бэллард; Алекс Барбур; Джоун Барздо; Дункан Бакстер; Рей Болзе; Ричард Бонэм; Питер и Джейн Букет; Стивен Броуд; Джон Колдуэлл; Джефф Кэнин; Хуанита Карберри; Филипп Кэйфорд; Ж.-Ф. Шаврье; Билл Кларк; Стив Кобб; Женевьева Купер; Тим Корфилд; Джозеф Л. Кульман 3-й; Пол Дэвис; Моиндер Диллон; Энн Дингуолл; Йен и Ория Дуглас-Гамильтон; Дейв Драммонд; Мэгги Илс; Стив Эллис; Брайан Эммерсон; Джой Флетчер; Кэтрин Фуллер; Полли Гейзи; Ник Гордон; Марк Грэм; Десмонд Хэмилл; Патрик Гамильтон; Гэри Оджес; Клайв Холланде; Брайан Джэкмен; Катя Кэнас; Микки Кауфман; Роз Кидмэн Кокс; Питер Найт; Рон Лэмберстон; Сэнди Лэминг; Ричард Лики; Джоффри Лин; Джон Леджер; Джерд Лейполд; Сью Либерман; Кэти Лисс; Сью Льевеллин; Джон Ловелл; Кентин Льюк; Симон Листер; Жанна Марчиг; Элке Мартин; Эсмонд Брэдли Мартин; Майк Мак-Картни; Исабел Мак-Кри; Кэсси Мак-Илвэн; Стив Мак-Илвэн; Диана Мак-Микин;

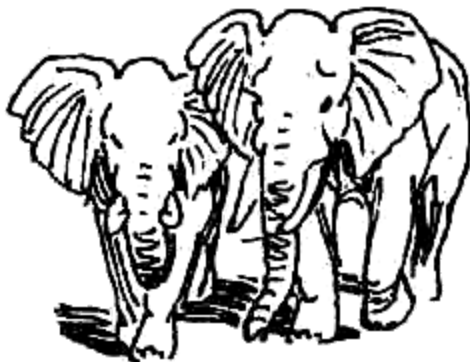
Йан Мак-Файл; Джон Меррит; Синтия Мосс; Симон Мучиру; Джек Мэрри; Грег Нил; Крэг ван Ноут; Перес Олиндо; Билл и Лидия Пейс; Пьер Пфейфер; Джойс Пул; Петер Пюшель; Трисия Пай; Йан Редмонд; Джо Ревилл; Холли Рейнолдс; МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ; Неэмия Арап Ротич; Лисса Рубен; Маркус Рассел; Шон Райан; Пол Шиндлер; Вирджиния Швайн; Дафна Шелдрик; Цань Шук Ва; Роджер Стивенс; Гэри Стрейкер; Майк Саттон; Эйлин Б. Трейн; Уилл Трэверс; Симон Тревор; Йен Уолкер; Джилл Вудли; Билл и Рут Вудли; Хиткот Уильямс; Роджер Уилсон.

Отделение «Гринпис» в Германии и «Эммерсон-пресс» (Ковентри) удостоены нашей самой искренней благодарности за жизненно важную поддержку и помощь. Мы благодарны также следующим группам:

Фонду живой природы Африки; Американской гуманитарной ассоциации; организации «Амнистия слонам»; Институту защиты животных; Фонду бельгив; организации «Элефрэндз» — «Друзья слонов»; Агентству по исследованию природы — ЕИА Лимитед; Британскому отделению «Гринпис»; отделению «Гринпис» США; Обществу живой природы Восточной Африки; Гуманитарному обществу США; Независимой телекомпании новостей Ай-ти-эн; организации «Монитор Консорциум»; Фонду защиты животных «Сент-Эндрю»; Фонду борьбы за охрану природы «Дэвид Шепэрд»; Обществу борьбы за законодательство, покровительствующее животным; организациям «Трэфик Интернэшнл» и «Трэфик Ю-эс-эй»; Отделу управления торговлей дикими видами; Всемирному фонду природы (Великобритания); Всемирному фонду живой природы (США).

Тем не менее, вышесказанное ни в коей мере не предполагает, что содержание в целом и любой материал, представленный в этой книге,

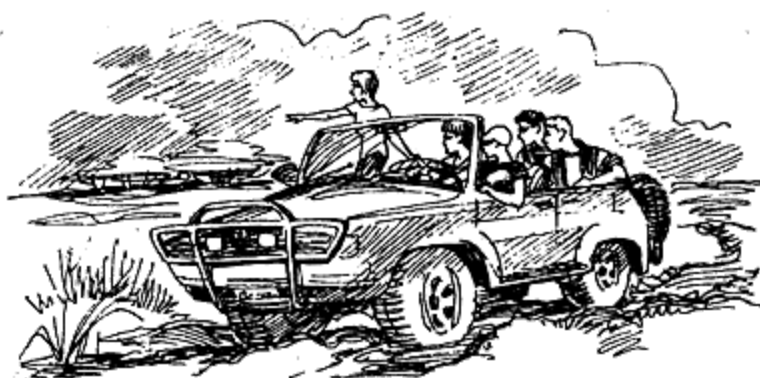
поддерживается и разделяется всеми поименованными
лицами и организациями.

Вступление

Ноябрь 1988

Кения

Утро нас раздосадовало. Ну не обидно ли — встать ни свет ни заря, чтобы полюбоваться восходом солнца, а оно и не думает показываться! Впрочем, выйдя на веранду, мы сразу поняли, почему: в течение большей части ночи лило как из ведра, и восточный край неба все еще был затянут грозowymi тучами. Ржавая почва национального парка Цаво стала куда темнее, чем вчера, а все колеи и выбоины на дороге были заполнены водой. Видно, ночью и впрямь разверзлись хляби небесные. Значит, может оказаться невозможной переправа через речки, которые окажутся у нас на пути. Вот так ирония судьбы — столько готовились к этому походу в защиту природы, а в последнюю минуту она сама вставляет нам палки в колеса.

Прошел уже почти год с тех пор, как Агентство по исследованию природы (ЕИА) начало расследование браконьерской охоты за слоновой костью. За этот год команда ЕИА побывала в Дубае, Гонконге и в Америке. Идя по следу нелегально добываемой слоновой кости, мы имели беседы с контрабандистами, которые под

покровом ночи грузили бивни на корабли и увозили на Средний Восток; мы брали интервью у мастеров, резавших по кости затейливые орнаменты; мы разговаривали даже с китайскими дельцами-толстосумами, чьи автомобили «БМВ» и парижские апартаменты оплачены тою же самой нелегально добытой костью. В ходе наших расследований мы перевидали многие тысячи браконьерски добытых бивней. Мы видели, как их вываливали из мешков и раскладывали на полу складских помещений; как их распиливали, словно бревна, ленточными пилами и затем обрабатывали бормашинами, придавая им неестественный вид. Сегодня мы надеялись, наконец, увидеть бивни у их законного обладателя, а именно африканского слона, и притом в дикой природе. Мы все настроились на это.

Когда вся команда погрузилась в наш вездеход-«тойоту», мы сели последними и, откинув полог, взобрались на верх машины. Поездка была не из самых приятных. То тут, то там мы залетали в выбоину, и колеса принимались бешено вертеться, разбрызгивая грязь. «А-ах ты, черт!» — ругался наш водитель-француз, стараясь выжать все возможное из коробки передач. Но всякий раз нам удавалось выбраться, и машина, брэнча всеми своими частями, неслась навстречу новому приключению.

Одна из наших добровольных гидов по имени Джилл всю жизнь прожила среди дикой природы и потому обладала зорким взглядом и прежде нас заметила «добычу».

— Поднимите головы! — крикнула она, встала и показала пальцем вверх. — Слоны!

Устремив наш взгляд туда, куда указывала Джилл, мы увидели вдали небольшое стадо. Насчитали восемь: три взрослых слона и пять слонят разных возрастов.

Видно, они хорошо искупались в пыли Цаво, так что кожа у них была не серого, а ржавого цвета.

Нам показалось подозрительным, что взрослых слонов что-то несуразно мало по сравнению с молодняком.

— Теперь с этим сталкиваешься по всему Цаво, — сказала Джилл, — браконьеры стреляют самок, даже когда они с маленькими. Сколько их осиротело, бедных! Большинство из них погибает, но иногда находится другая слониха, которая их выкармливает. Видно, так и на сей раз.

Наш водитель попытался подрулить как можно ближе, но слоны забеспокоились и закосились на нас, когда до них оставалась сотня метров; затем все стадо обратилось в бегство, в тревоге поднимая хоботы и головы. Есть что-то особенно величественное в облике слона, когда он несется по саванне. Мы наблюдали, не проронив ни слова.

Но другая наша спутница, Лисса, все это время внимательно изучавшая в бинокль самую крупную самку, охладила наш восторг.

— По-моему, эта слониха ранена, — внезапно бросила она и передала нам бинокль.

Что-то темное и зловещее свисало из брюха слонихи к ее задним ногам. От этого зрелища наша радость мигом испарилась. Видно было, что браконьеры похозяйничали тут до нашего прибытия.

— Это похоже на кишки, — сказала Лисса. — Надо бы повернуть и доложить об этом. Так этого оставлять нельзя.

— Кому вы собираетесь докладывать?

— У нас тут друг служит в охране парка. Я попрошу его, чтоб он ее выследил.

— И что с этим можно сделать?

Лисса пожала плечами.

— Придется пристрелить, чтоб не мучилась, если не оклемается. Сирот, возможно, сдадут в питомник. А что еще сделаешь в подобной ситуации?

Мы слегка отклонились от курса и заехали в контору охраны парка. Лисса подробно рассказала, где мы видели стадо.

Через полчаса на пути к реке Галана мы увидели где-то в миле от дороги еще одно стадо. Как и в первом случае, слоны подняли в нашу сторону хоботы, словно перископы, как будто стремились выяснить по запаху, кто мы такие.

Джилл покачала головой.

— Они никогда не были так пугливы. Похоже, теперь они готовы в каждом подозревать браконьера.

Мы продвигались вперед, иногда останавливались, любуясь стадами импала и газелей. Один раз мы неожиданно наткнулись на стадо павианов, которые расселись прямо у нас на пути. В течение нескольких минут мы наблюдали, как эти животные одаривали друг друга ласками.

Наконец мы достигли реки и свернули на ненакатанную колею, ведущую вдоль берега. Уровень Галаны не так поднялся, как мы того опасались, и хотя тучи все еще застилали горизонт, проглянувшее полуденное солнце уже высушивало жирную красную глину, облегчая нам движение. То там, то здесь мы проезжали мимо груд выбеленных костей, лежащих у самой воды.

— Все это было когда-то слонами, — подтвердила Джилл наши подозрения, — браконьеры всласть похозяйничали в этом краю.

Кое-как переехав через шаткий мостик, мы свернули за поворот дороги и оказались лицом к лицу с одиноким крупным самцом. Трудно сказать, кто был больше ошеломлен. От нас его отделяло каких-нибудь тридцать футов, и в ответ на наше неожиданное появление он

затряс головой и поднял хобот, как бы готовясь к обороне. Наш водитель держал ногу на педали газа на случай, если слон и в самом деле атакует, а мы полезли за фотоаппаратами и кинокамерами, чтобы запечатлеть момент. В нашей кампании по борьбе за запрет торговли слоновой костью мы хотели наснимать как можно больше кадров о слонах, особенно если они с крупными бивнями, как у этого. Милостиво позволив нам сделать несколько хороших снимков, слон решил ретироваться и боязливо поплелся в родной кустарник — подальше от непрошенных гостей.

Мы проехали еще с десятков миль вдоль реки вниз по течению, как вдруг нам в ноздри ударил мерзостный запах тлена. Мы свернули с дороги и поехали через кустарник, чтобы определить, откуда он исходит, но ничего не могли найти. На многие мили вокруг нас простиралась плоская, как сковорода, земля, на которой произрастали лишь редкие кустарники с жалкими листьями да деревья акации. Они неплохо защищали животных от посторонних глаз, но нам они только мешали. К тому же «тойота» поднимала целые облака пыли, что тоже не способствовало нашим поискам. Вдруг запах исчез так же внезапно, как и возник, и еще двадцать минут мы кружили в безрезультатных поисках.

Неожиданно смрад вновь ударил нам в нос. Наш водитель развернул «тойоту» и двинулся в противоположном направлении. Через несколько мгновений он резко затормозил.

— Это здесь, — указал он.

Перед нами на лужайке, в двадцати футах, лежали два трупа взрослых слонов. Было видно, что они погибли недавно. Вокруг их животов на раскаленной от солнца земле по-прежнему стояли лужи черноватой жидкости. Большая часть плоти была уже выедена стервятниками изнутри; только кожа еще оставалась

туго натянутой на кости. Скелеты, обтянутые кожей, были запачканы испражнениями стервятников, словно пятнами побелки; каждая из двух огромных голов недвижно смотрела пустыми глазницами. А вот и объяснение, почему погибли эти гиганты. Под каждой из глазных впадин, там, откуда должны торчать могучие бивни, не было ничего. Только зияющие дыры со следами грубой рубки.

Мы вышли из «тойоты» и подошли к трупам. Никто не проронил ни слова. Зловещую тишину нарушало лишь постоянное жужжание падальных мух. Сердце каждого из нас переполнилось гневом, как если бы мы ожидали чего угодно, только не этого. Это, собственно, и было то, за чем мы сюда ехали. Конечно, из статистики нам было известно, что такие вот убийства происходят в Африке по сто тысяч раз ежегодно. Именно данные факты и подвигли ЕИА заняться в первую очередь исследованием нелегальной торговли слоновой костью. Но все-таки до сего момента наши знания о браконьерской охоте за костью оставались теоретическими. То же, что лежало и истлевало на наших глазах было грубой реальностью.

Мы включили видеокамеры и обошли кругом мертвые тела; каждый из нас мыслил в эти минуты профессиональными категориями: свет, угол, рамка. Мы хотели продемонстрировать это миллионам людей. Пусть поглядят. Пусть вообразят себе запах разлагающегося мяса. Пусть испытают, как мы, отвращение к жестокости, с которой истребляются слоны из-за их кости.

Вот что такое покупка сувениров и украшений из кости. Вот к чему она приводит. Пойманные видеоискателем две туши погибших слонов на фоне сгущающихся туч сильнее всяких слов и статистики поведают об угрозе, нависшей над африканскими слонами. Этих двух гигантов убили не ради прокорма,

не ради одежды, а на цапки богатым туристам из Европы и Америки. В последние десять лет миллион слонов встретили такую смерть. Их зверски расстреливали из автоматов «АК-47», а бивни варварски вырубались с помощью мачете. Такой конец нашло более половины всего поголовья африканских слонов.

Итак, мы хотели, чтобы везде и всюду люди задумались, как и мы, над тем, что происходит. Если бы наше дело провалилось, если бы эта чудовищная бойня продолжилась с новой силой, последствия были бы немыслимыми. К концу двадцатого столетия слонов в Африке не осталось бы вообще.

Глава первая
Февраль 1987
Лондон

Эллан

Все началось с того, что в один прекрасный зимний день в сумрачной комнате на Фэррингдон-роуд в северной части Лондона, где в то время размещался офис Агентства по исследованию природы (ЕИА), у меня зазвонил телефон.

Звонил Питер Букет, в прошлом капитан судна «Рейнбоу Уорриор». Нам не раз доводилось работать вместе. Питер был в курсе наших дел в ЕИА: нам было дело до всего, что создавало угрозу живой природе, особенно в тех случаях, когда тот или иной вид оказывался на грани исчезновения.

— Эллан, хочу тебя свести с одним человеком, — сказал Питер. — Он обратился к нам с рассказом о браконьерской охоте за слоновой костью. По-моему, это должно тебя заинтересовать.

— Так-так, браконьерская охота за слоновой костью? Ну и что же именно ему ведомо о сем предмете? — нерешительно сказал я. У меня было две причины для колебаний: во-первых, я тогда имел смутное представление о слонах, слоновой кости и вообще о браконьерстве, а во-вторых, у ЕИА уже был предмет для расследования: вывоз обезьян для

лабораторных опытов, и я просто не думал, что у нас достанет сил потянуть еще одно дело.

— Поверь, — сказал Питер, — по-моему, это важно. Встреться с парнем.

Я на мгновение задумался. Но я давно знаю Питера и доверяю его суждениям.

— О'кей, — согласился я. — Постарайся устроить нашу встречу.

* * *

К тому времени ЕИА существовало всего два с половиной года. Определить нас как малочисленную организацию значило ничего не сказать. Горстка отважных — это уже ближе к истине. А если быть предельно точным, нас было-то всего-навсего трое: ваш покорный слуга, Дейв Кэрри и наша сподвижница Дженнифер Лонсдейл, все — убежденные борцы за охрану природы. Мы создали нашу собственную группу после нескольких лет сотрудничества в «Гринпис» и ряде других групп, борющихся за охрану природы. Я занимал пост исполнительного директора Британского отделения «Гринпис», Дженни была директором Калифорнийского отделения «Гринпис», а Дейв участвовал в качестве официального фотографа во многих кампаниях в защиту природы, в том числе по линии «Гринпис». Однако в начале восьмидесятых годов мы все почувствовали, что просачивающаяся в «Гринпис» бюрократия стесняет нашу работу. Меня это пугало более всех. Мы любили «Гринпис», но все трое чувствовали, что назрела необходимость издания меньшей, независимой группы, способной быстро реагировать и расследовать проблемы защиты живой природы, в каком бы месте они ни возникали. Мы знали,

что существует масса проблем, ждущих своего разрешения.

В 1984 году мы зарегистрировали ЕИА как компанию. Денег у нас не было, и всем нашим достоянием, помимо нашего совместного опыта, были две допотопные пишущие машинки. Ну и, конечно, почти невероятный энтузиазм без границ.

Поначалу ЕИА существовало на медные гроши. Мы, его руководители, подрабатывали кто чем мог: Дженни занималась поставками провизии, Дейв — фотографией и чтением лекций по данному предмету, а я консультировал различные группы по вопросам окружающей среды. Все заработанные таким образом деньги шли в бюджет ЕИА.

На эти-то сбережения, а также на средства, полученные в виде различных пожертвований и займов, нам удалось провести с начала существования ЕИА ряд успешных расследований, в ходе которых мы набрались опыта в добывании денег для наших собственных кампаний. Возможно, наибольшего на тот момент успеха мы добились, проведя кампанию против происходившего ежегодно избиения тысяч китов-лоцманов у принадлежащих Дании Фарерских островов, лежащих к северу от Шотландии. Наш репортаж об этой варварской бойне широко показывался по телевидению и вызвал бурю негодования общественности. Мы продолжили эту тему, показав китоловов-браконьеров, охотившихся на охраняемые виды больших китов. Вслед за этим был подготовлен репортаж о том, в каких чудовищных условиях транспортируются птицы, вывозимые из Сенегала для пополнения клеток зоомагазинов по всему миру. Все наши труды с благодарностью принимались другими группами, борющимися за охрану природы. Было видно, что мы на правильном пути. В движении за охрану окружающей

среды действительно нашлось место для независимой команды, проводящей расследования.

Мы никогда не испытывали недостатка в сюжетах. Сообщения об ужасах, в частности в сфере торговли дикими животными, сыпались на нас как из рога изобилия. Часто вопрос состоял не в том, чем нам дальше заниматься, а в том, чем пренебречь, а с чем повременить ввиду недостатка средств и персонала. В 1987 году, когда и раздался судьбоносный телефонный звонок Питера Букета, весь наш штат состоял только из Дейва и секретаря. Дженни и мне пришлось урезать время, которое мы тратили на работу в ЕИА: Дженни — потому что она недавно стала мамой, а мне — потому что меня как раз попросили вернуться на пост исполнительного директора Британского отделения «Гринпис». На бомбардировку судна «Рейнбоу Уорриор» у берегов Новой Зеландии общественность ответила широкой поддержкой движения «Гринпис»; а я вернулся, чтобы помочь в руководстве и проведении кампаний. Соответственно ресурсы ЕИА, как людские, так и финансовые, свелись к минимуму, так что в это время нам было не до поисков новых сюжетов для расследования.

Хотя мои знания об африканских слонах были поверхностными, до меня доходили слухи о том, что этот вид находится под серьезной угрозой. Когда в 1981 году я побывал в Южной Африке, ученый консультант правительства Энтони Холл-Мартин рассказал мне о своих опасениях, что поголовье африканских слонов, насчитывавшее в то время 1 миллион 300 тысяч, в перспективе может сократиться до каких-нибудь ста тысяч.

— Это неизбежно, — сказал он, пожав плечами, — народонаселение Африки растет, и естественная среда обитания слонов сужается.

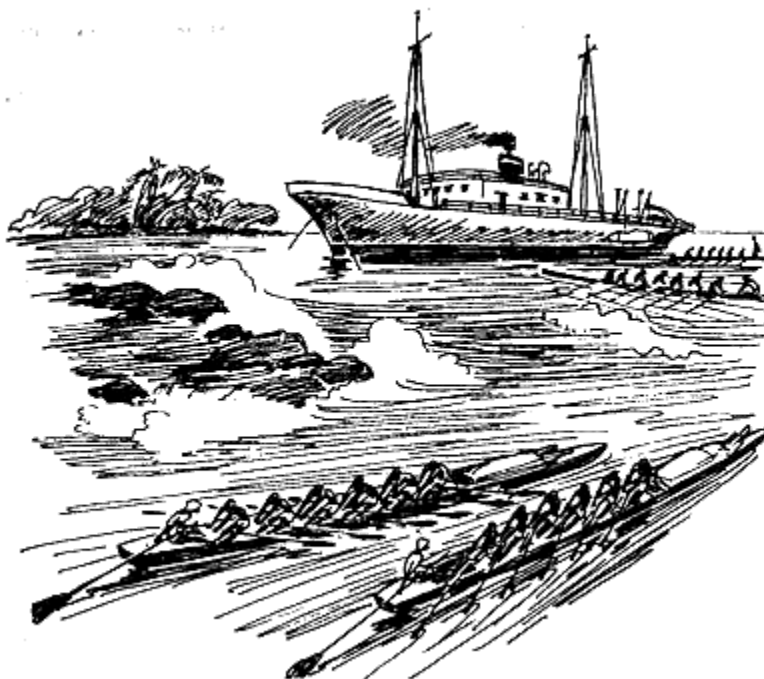
Хотя меня уже тогда беспокоило бедственное положение слонов, я в значительной мере разделял высказанное мнение. Это неизбежно, думал я. Ареал сужается, и ничего с этим не поделаешь. Я, конечно, знал о торговле слоновой костью, но, согласно информации других групп, она находилась под строгим контролем. Существовала система квот ежегодного легального вывоза бивней на рынок. Для вывоза каждого бивня из Африки требовалось разрешение правительства. Надзор за выдачей разрешений осуществлялся Конвенцией по международной торговле исчезающими видами (КИТЕС). В глазах неспециалиста выглядело неправдоподобным, чтобы при наличии такого контроля спрос на слоновую кость мог играть столь заметную роль в драматическом уменьшении поголовья слонов. Вместе с тем мне было ведомо, что на практике контрольная система КИТЕС не всегда столь эффективна, как на бумаге.

Таким образом, звонок Питера вызвал мое любопытство. Благодаря чему существует браконьерство, коль скоро торговля бивнями невозможна без разрешений? Где браконьеры находят рынок сбыта? Все это меня заинтриговало.

Несколько дней спустя Дейв и я встретились за столиком в одном людном лондонском баре. Напротив нас сидел шотландец лет шестидесяти; видно было, что он испытывает чувство страха.

— Если до кого дойдет, что я с вами беседовал, мне как. — сказал он в порядке представления.

— О'кей. Мы сохраним наш разговор в тайне, — заверил я его, — можете даже не называть себя, если не хотите. Нас интересует только то, что вы хотите нам рассказать, а кто вы есть, мы дознаваться не будем.

Наш собеседник украдкой оглядел прокуренный бар.

— Дело вот в чем... — колеблясь, начал он. — Я моряк. Это мой хлеб, я всегда этим жил, но животных я тоже люблю. Вот почему я вам все это рассказываю. Потому что считаю несправедливым то, что происходит. — Он отхлебнул пива, чтобы промочить горло.

— Так расскажите нам, что же, по-вашему, происходит. — Дейв, как и я, обладал хорошим опытом в подбадривании нервничающих собеседников.

Шотландец кивнул:

— Да будет так. Вот что мне ведомо. Несколько месяцев назад я заходил в один из портов Саудовской Аравии и натолкнулся там на друга, которого не видел несколько лет. Как-то вечером мы зашли в кабачок выпить и поболтать о былом. Я рассказал ему, чем я занимаюсь, и его спросил о том же. Он сказал, что ходит на судне под названием «Фадхил Аллах». «Что вы перевозите?» — спросил я. «Слоновую кость. Слоновую кость, добытую браконьерами».

Наш собеседник переводил взгляд то на меня, то на Дейва, рассчитывая увидеть, какой эффект произвели на нас его слова.

— Но ведь сейчас для вывоза кости из Африки нужны лицензии, — сказал Дейв. — Как же она тогда проходит таможеню?

— А что, она, по-вашему, проходит таможеню? — ответил шотландец. — Так вот, слушайте. — Подав нам знак придвинуться поближе, он перешел на шепот. — Мой дружок рассказал мне во всех подробностях, как это делается. Он сказал, что возят кость уже много лет. «Фадхил Аллах» — небольшое каботажное судно. Принадлежит йеменскому шейху. Приписано к порту Момбаса в Кении. Когда у шейха набирается достаточно товара для загрузки, он звонит своему местному агенту, чтобы организовали доставку. Команда объявляет портовому начальству, что идет на Дубай, но после нескольких часов пути на север меняет курс и идет на Танзанию. Там они становятся на якорь у какого-нибудь рифа вдали от берега, и под покровом ночи бивни доставляются туда на долбленых каноэ. Они грузятся, и корабль берет курс на Дубай.

— Им, конечно же, не требуется разрешение на заход в Дубай, — пробурчал мне Дейв.

— Дубай не является членом КИТЕС, — объяснил я шотландцу. — Ну, это такая организация, которая, считается, контролирует торговлю исчезающими видами животных. Но если страна не является членом КИТЕС, устав этой организации на нее не распространяется.

— Я ничего о том не знаю, зато знаю, что в Дубае шейх продает кость китайцу, который держит собственную косторезную фабрику.

Я вздрогнул.

— Целую фабрику! О каком же количестве бивней мы ведем речь?!

Наш собеседник покачал головой.

— А кто его знает? Да уж наверняка о тоннах. Может быть, даже о сотнях тонн. Мой друг сказал, что «Фадхил Аллах» выходит в рейс каждый месяц и что кроме него этим занимаются и другие суда.

Мы хотели знать больше.

— Вы могли бы назвать какие-нибудь имена и даты в связи со всем этим? — спросил я.

Наш собеседник вытащил из кармана комок бумаги.

— Мой приятель рассказал мне во всех подробностях об одной такой поездке. Я запомнил все, что он говорил, а потом записал. — Он усмехнулся. — Может, я что и запамятовал под хмельком, но главное из того, что он мне рассказал, здесь записано.

Я взял записи у него из рук. В них стояла дата — январь 1986 года — и количество — 9 тонн кости. Кроме того в них значилось имя йеменского шейха — владельца судна: Абдулла Али Бамакрама. Его корабль «Фадхил Аллах» был зарегистрирован как собственность компании «Аль-Редха». Его агента в Момбасе звали Саид Фарадж. Вот эти специфические детали нам и надо было проверить, чтобы удостовериться в истинности всего рассказанного.

Я почувствовал легкое покалывание от волнения. Печенкой чуял: шотландец говорит правду. Если так — стало быть, речь идет не об отдельных случаях контрабанды, а о тщательно скоординированной организации, вывозившей тонны кости из Восточной Африки на Средний Восток без лицензий. Девять тонн — это звучало сильно. Я попытался подсчитать, сколько же слонов нужно для этого завалить. Как минимум несколько сотен. А ведь они отгружали такое количество кости каждый месяц!

Дейв бросил мне многозначительный взгляд. Я чувствовал, что и в его крови прибывало адреналина. Если действительно существовал столь хорошо

налаженный способ обхода контрольной системы КИТЕС, если все, что мы слышали, было подробностями проторенного пути вывоза из Африки контрабандной кости в столь огромных количествах — значит, разрешения, выдаваемые КИТЕС, стоили не больше клочка бумаги, на котором они были написаны. Значит, в действительности никакого контроля за торговлей слоновой костью не существует вообще. Питер Букет прав. Это и в самом деле интересно. Весьма интересно. Это именно то, что нам надо.

Мы поблагодарили нашего собеседника. Он поспешно допил стакан и собрался уходить.

— Скажите, вы действительно боитесь за свою жизнь, если бы до кого-нибудь дошло, что вы нам поведали? — спросил я, когда он встал.

Он слегка ухмыльнулся.

— То-то! — сказал он. — Слоновая кость — колоссальный бизнес! Синдикаты... Денежные мешки... Если такая организация почувствует в вас угрозу... — Тут он прервал речь и многозначительно провел ребром ладони по горлу. — Надеюсь, вам под силу сделать что-нибудь для спасения слонов. Только будьте осторожны. Спасибо за угощение! — И он ушел.

Несколько последующих дней мы посвятили проверке данных о последнем прибытии судна «Фадхил Аллах» в Дубай, пользуясь нашими связями с судовыми компаниями. Они совпали с данными, которыми располагали мы. Мы навели справки и выяснили, что в Дубае действительно существует компания «Аль-Редха». Все сходилось.

Таким образом, в наших руках был ключ к крупнейшей операции по контрабанде слоновой костью. Все выглядело шокирующе. Если действительно существует целый нелегальный рынок для браконьерской кости — скорее всего, с расчетом наличными — что тогда ждет слонов на таком

прозябающем в нищете континенте, как Африка? С проблемой «сужения ареала» еще предстояло разобраться. Всё говорило о том, что именно браконьерская охота за костью и была той чумой, которая истребляла слонов. Мы были на подходе к чему-то очень важному. Вопрос был в том, как нам поступить с добытой информацией.

Мы оказались перед знакомой дилеммой. Мы уже привыкли к тому, что приходится отказываться от важных проектов из-за недостатка времени и средств. Нам было бы жаль отказаться от расследования дела об отлове диких обезьян для опытов, и поскольку больше никто в Европе серьезно не занимался этой проблемой, мы чувствовали, что не властны все так и оставить. В течение нескольких месяцев после памятной встречи в баре мы не давали хода добытой нами информации о браконьерской охоте за костью. Тем не менее, услышанное в тот вечер в кабачке будоражило наши умы. Не было случая, чтобы, когда мы собирались в нашем тесном кругу, кто-нибудь из нас не бросал: «Ну что, будем заниматься слонами, или как?»

* * *

Решающий момент настал на конференции КИТЕС в Оттаве, состоявшейся в том же году. Повестка дня включала привычные язвительные дебаты между сторонниками охраны живой природы, которые действительно искали пути защитить ее, и, с другой стороны, представителями правительств и торговцами природными материалами, которые на словах поддерживали концепции охраны природы, а на деле блюли в первую очередь собственные интересы.

Дейв и я выступили в поддержку запрета на торговлю попугаями, после чего нас пригласила на обед

Кристина Стивенс, президент Института защиты животных, базирующегося в США. Искренняя и откровенная Кристина, много лет вращаясь в самых элитных вашингтонских политических и общественных кругах, редко упускала возможность высказать свои взгляды по проблемам живой природы людям, в чьих силах было что-то сделать. Кристина всегда горячо поддерживала ЕИА, и ее группа предоставила нам грант на исследование торговли птицами. Мы сказали ей о нашем интересе к торговле слоновой костью, и так уж угодно было судьбе, чтобы среди ее гостей тем вечером оказался знаменитый кенийский ученый и борец за охрану природы Йен Дуглас-Гамильтон. С виду франтоватый и холерный, легко узнаваемый по щегольски завязанному галстуку, Йен положил свою жизнь на изучение африканского слона. Он только что завершил отчет о численности поголовья слонов в 34 африканских странах и за обедом поделился с нами своими выводами, повергавшими его в депрессию.

— Каждый год мы находим все больше и больше скелетов слонов. Порой погибших животных встречается больше, чем живых. В некоторых регионах — а таких становится все больше — слоны исчезли совершенно. — Тут Йен сделал отчаянный жест. — Они просто исчезают. Это какой-то конец света.

Согласно его отчету за каких-нибудь пять лет, с 1981 по 1986 год, поголовье слонов по всей Африке сократилось на 36 %. Мы были потрясены. Ни Дейву, ни мне и в голову не могло прийти, что проблема достигла такого масштаба.

— Что же, по-вашему, тому виной? — спросил я.

У Йена не было и тени сомнений.

— Безбожная торговля костью, вот что. Двух мнений быть не может. Просто никто из здесь сидящих не хочет в этом признаться. — Он обреченно махнул рукой в сторону делегатов от КИТЕС, сидевших за другими

столиками в ресторане. Очевидно, Йен разделял наш скептицизм относительно истинных мотиваций иных членов КИТЕС.

— Как-то до нашего уха дошло, что слоновую кость контрабандой переправляют из Танзании в Дубай, — осторожно сказал я. — Вы слышали об этом что-нибудь?

Йен повел бровями.

— Что ж. Считайте, что меня это не удивляет.

Еще одним гостем Кристины в тот вечер был директор Кенийского заповедника Перес Олиндо. До сего момента он лишь спокойно прислушивался к нашему разговору и вот теперь вмешался.

— Мне известно, что Объединенные Арабские Эмираты в том замешаны. И многие знают об этом. Целую неделю мы только об этом и говорили. Как это меня бесит! Складывается впечатление, что ОАЭ объявили Кении экономическую войну, позволяя ввозить к себе браконьерски добытую кость. Если у нас не станет слонов, конец нашей индустрии туризма. Они это прекрасно знают. — В его голосе звучала горечь. — И они ответят, если такое случится.

— Не знаете ли вы, куда идет кость из Дубая? — спросил я.

— Нет. Не думаю, чтобы об этом кто-нибудь знал, — ответил Перес. — Дубай — лишь перевалочный пункт. Видите ли, ввоз нелегальной кости в Дубай не является незаконным. Значит, как только кость попадает в Дубай, она включается в хорошо налаженную систему. Но как это происходит и куда потом идет кость, нам неизвестно.

— Так почему бы совсем не запретить торговлю костью? — спросила Кристина. — Похоже, что только таким путем можно пресечь браконьерство. Если поставить вне закона продажу материала, конечно же, не будет и рынка для бивней.

Йен кивнул:

— Так-то так, но все дело в том, что торговля костью — колоссальный бизнес. Оборот доходит до миллиарда долларов в год, и часть этих средств — разумеется, полученных за легально добытую кость, — поступает бедным Африканским странам, которые остро нуждаются в деньгах. В общем, на всех уровнях запрет встретит отчаянное сопротивление. Даже Международный фонд живой природы (ВВФ), и тот не поддерживает его. С их точки зрения, предпочтительнее то, что они называют «коммерческим использованием слонов на возобновляемой основе». Они считают что это — единственный путь убедить африканские страны сохранять поголовье слонов. Если они увидят в этом коммерческий аспект, они будут их беречь. — Он пожал плечами. — Но это теория, как-никак.

— В общем, ВВФ полагается на то, что система контроля КИТЕС когда-нибудь в будущем заработает? — сказал Дейв.

— Но, право, Йен, из вашего отчета видно, что система не работает, — вмешалась Кристина. — Если слонов, как вы говорите, истребляют браконьеры, их скоро совсем не останется, если ничего не предпринять.

Йен печально улыбнулся.

— Кристина, вы попали в точку!

На какое-то мгновение все смолкли. Затем Кристина решительно повернулась ко мне. Тридцатилетний опыт борьбы за жизнь животных подсказывал ей собственную точку зрения на способ разрешения большинства проблем.

— Эллан! Вы с Дейвом — прирожденные детективы! Только что представленный вами доклад о вывозе птиц из Сенегала признан блестящим. Так почему бы ЕИА не предпринять что-нибудь для пресечения нелегальной торговли костью? Вот бы вам провести расследование и

доложить о результатах. Это бы никого не оставило равнодушным.

Кристина проницательно догадалась, что после всего, что мы только что услышали, отступить нам будет некуда.

Глава вторая
Зима 1987-1988
Лондон

Дэйв

Первое, что мы сделали, вернувшись в Лондон, — проконсультировались с Дженни по поводу предполагаемого расследования «дела о слонах»: как соучредитель ЕИА она обладала голосом в определении нашей политики. Она поддержала нас обеими руками.

— Я хочу, чтобы в Африке еще остались живые слоны к тому времени, когда подрастет моя дочка, — сказала она. — Я не хочу, чтобы ей пришлось идти в музей, чтобы узнать, как они выглядели.

Это неизбежно означало, что нам придется урезать время, отводимое на расследование торговли птицами и обезьянами. Кампании в защиту китов-лоцманов, возможно, тоже придется пострадать. Нас была всего-то горстка; нас едва хватало на то, чтобы проводить одно расследование в одном месте. Это было трудное решение. Как определить, какие виды животных больше нуждаются в защите? Но, в конце концов, мы отдали предпочтение африканским слонам, потому что этому виду грозило полное истребление.

Поскольку Дженни и Эллан занимались другими вопросами, было решено подобрать мне помощника. Мы наняли молодую выпускницу исторического факультета Чармиэн Гуч для сбора банка всех имеющихся данных о

слонах и торговле костью по всему миру. Группа Кристины Стивенс из Института защиты животных щедро выделила нам грант на оплату этого труда.

Через четыре месяца Чармиэн представила доходчивое и поучительное исследование, выявлявшее как источники происхождения, так и пути текущего развития торговли слоновой костью. Как мы узнали, слоновая кость была в течение столетий популярным у резчиков материалом из-за легкости обработки: она не ломкая и не крошится, хотя качество ее может варьироваться в зависимости от места происхождения слона и его питания. К тому же слоновая кость необычайно прочна — этим объясняется ее популярность в Европе при изготовлении таких вещей, как бильярдные шары и клавиши фортепьяно. В Японии резчики фигурок-нэцкэ довели косторезное искусство до высочайшего совершенства, порой одного бивня хватало резчику на целый год работы. Но резчики нэцкэ никогда не представляли собой угрозу выживанию африканского слона как вида. Эта угроза возникла в какие-нибудь последние два десятилетия с внедрением механической обработки кости, в частности в связи с популярностью у японцев так называемых ханко.

Ханко — это не что иное, как личная печать; каждая из таковых имеет уникальный рисунок. Она используется в Японии как отдельными лицами, так и компаниями взамен подписи на чеках и иных документах. В прошлом только лицевая сторона печати изготовлялась из слоновой кости, хорошо впитывающей чернила и переносящей их на бумагу; ручка же обычно делалась из дерева или иного материала. Однако с недавних пор обладание печатью Ханко из цельного куска кости стало у японцев символом престижа. Вот вам и легкодоступный массовый рынок для торговцев! Современные машины могли резать печати с феноменальной скоростью. Некая фабрика в Японии, по

слухам, перерабатывала только на изготовление этих печатей до тонны кости в день — для получения такого количества требовалось добыть, по меньшей мере, сотню слонов.

В отчете, представленном Чармиэн, мировая торговля костью в целом оценивалась примерно в 800 тонн в год. Конечно, часть ее приходилась на лицензированный отстрел и забой неполноценных слонов — то самое «использование ресурсов живой природы», как это прозвучало в устах Йена Дугласа-Гамильтона. Но в голове не укладывалось, что 80 % товарной кости, по оценкам, приходилось на браконьерски добытых слонов и вывезено контрабандой без лицензий. От случая к случаю таможенники перехватывали подобный груз. Согласно статистике за последние годы, средний вес конфискованных бивней удручающе упал, потому что крупные взрослые самцы были уже перебиты и теперь браконьеры взялись за более молодых животных. Последний обзор показал, что средний вес товарного бивня упал до рекордно низкого за все годы уровня — четырех килограммов.

Еще в 1976 году КИТЕС признала наличие проблемы и предприняла попытку регулирования торговли слоновой костью, да только ни одна из ее «систем контроля» не возымела особого успеха. Как видно, торговцам костью всегда удавалось найти обходные пути. Существующая система, на которую чиновники из КИТЕС возлагали столько надежд, была введена в 1986 году. Идея заключалась в том, что каждый бивень перед тем, как покинуть Африку, должен быть промаркирован несмываемыми чернилами особым шифром и сопровождаться соответствующим сертификатом. Ввоз бивней без таковых сертификатов в страны — члены КИТЕС воспрещался.

В этой системе бросался в глаза зияющий провал. Кость, подвергшаяся обработке, не попадала под

какую-либо систему контроля КИТЕС. Таким образом, браконьерски добытые бивни можно без труда контрабандировать из Африки в страны — не члены КИТЕС, такие, как Дубай, где не существовало ограничений на ввоз бивней, даже совсем не имеющих лицензий. Оттуда, после обрезки и даже небольшой обработки, они могли легально вывозиться во многие страны Дальнего Востока, ведущие крупную торговлю костью. Даже на этой стадии нашего расследования становилось ясным, что этот пробел в системе КИТЕС и оставлял лазейку для контрабандных операций на судах типа «Фадхил Аллах». Наши подозрения усилились после публикации в «Нью сайентист» статьи о «подпольных косторезных фабриках на Среднем Востоке».

Эллан

В последующие несколько недель мы сделали ряд официальных запросов о политике КИТЕС и всякий раз получали те же благодушные ответы. Типичным был ответ Джоргена Томсена из ВВФ США: «Нужно время, чтобы отработать систему КИТЕС», — заявлял он.

Я с уважением относился к Джоргену как к образованному и последовательному борцу за охрану природы, но на сей раз я был уверен, что он заблуждается.

— Так, по-вашему, пусть погибнут еще десятки тысяч слонов, пока мы полтора года будем соображать, сработает план ВВФ или нет? — спросил я.

Джорген кивнул:

— Боюсь, что так. Понимаю, что это звучит безжалостно, но я уверен, что это лучший способ спасти слонов. Законы могут помочь, если строго соблюдаются. Мы видели это на примере других видов животных. Надо попробовать. ВВФ затратил много времени и усилий, чтобы ввести действие систему квот КИТЕС, и мы полагаемся на эту линию и здесь.

— Так вот почему вы не в курсе, что в попытке пресечь браконьерскую охоту за слоновой костью она потерпела полный провал, — с сарказмом сказал я. Сказанное мной выглядело так, будто я заподозрил, что ВВФ больше озабочен сохранением чести мундира, нежели будущим африканских слонов.

Дейв и я собрались в офисе ЕИА, чтобы обсудить результаты находок Чармиэн.

— Что вам надо, так это вывести на чистую воду нелегальную торговлю слоновой костью от начала и до конца. От момента добычи слона до момента продажи в магазине готовых изделий, — сказал я. — И наилучших

результатов мы добьемся, если покажем людям, что всякий раз, когда они покупают изделия из кости, они подталкивают племя слонов к полному истреблению.

Но с чего начать? Я снял с полки атлас, в котором было загнуто немало уголков, и раскрыл на карте мира. Очевидно, нам надо было проследить путь, по которому шла браконьерски добытая кость. То есть побывать в Африке, в Дубае и на Дальнем Востоке, где, как предполагалось, находились самые крупные косторезные предприятия.

— Логично начать с Африки, — предположил Дейв. Но Дженни, выросшая в Уганде, отклонила данную точку зрения.

— Ну и что бы ты делал в Африке? Ты был бы там как рыба, вынутая из воды, не зная, куда ткнуться. Столько стран замешано в этом, с какой начнешь? И время зря потратишь, и влетит в копеечку. А как насчет Дальнего Востока?

— Думаю, начинать с какого-нибудь Гонконга или Сингапура будет так же трудно, как с Африки, — сказал я. — Благодаря Чармиэн нам известны многие имена торговцев, но мы не имеем представления, кто из них торгует законно, а кто нет. У нас нет ни времени, ни средств, чтобы каждый раз начинать все сначала.

Выходило, что наилучшей отправной точкой оказывался Дубай — страна, где сходились пути контрабандистов и купцов. Найти точку попадания там было куда легче. Мы располагали весьма специфической информацией о нелегальной торговле, которая велась через Дубай: названием корабля и названием компании. Мы знали, каким путем в страну попадает слоновая кость. Теперь нам предстояло выяснить, откуда она идет, к кому она попадает и что с ней происходит, пока она находится в Дубае. Если бы нам удалось все это раскрыть, у нас были бы в руках

путеводные карты, по которым мы могли бы проследить пути назад в Африку и на Дальний Восток.

В частности, мы хотели выяснить, обрабатывается ли контрабандная кость где-нибудь на территории Эмиратов. Если бы нам удалось добыть неопровержимые доказательства существования на Среднем Востоке тайных косторезных фабрик, о которых пока только носились слухи, это укрепило бы доверие к нам. Эти фабрики ни разу не открывались стороннему глазу, хотя в «Нью сайентист» говорилось, что они будто бы расположены в Свободной зоне Джебель-Али. Но, тем не менее, их существование ничем не подтверждалось. Нам нужно было вычислить их и, если возможно, поснимать внутри них.

В продолжение нескольких последующих недель Кристина Стивенс и Институт защиты животных добыли деньги на оплату наших авиабилетов до Дубая. Я взял в «Гринпис» двухнедельный отпуск, а супруг Дженни Клайв Лонсдейл, работавший внештатным кинооператором, согласился нас сопровождать: он имел опыт участия во многих подобных кампаниях. Самой же Дженни, у которой вот-вот должен был родиться второй ребенок, пришлось остаться дома сторожить офис.

В апреле 1988 года мы отправились в первую экспедицию ЕИА по расследованию торговли слоновой костью на месте событий. Мы и представления не имели о том, что нам удастся открыть. Ни Дейву, ни мне прежде не доводилось бывать на Среднем Востоке, и выбрали мы, прямо скажем, не лучшее время для наслаждения его красотами. Война в Персидском заливе вспыхнула с новой силой. Каждая неделя приносила сообщения о бомбардировках, зверских убийствах и угонах самолетов; Дубай, находившийся на границе зоны боевых действий, был в тот момент одной из горячих точек планеты. Те немногие, кто был посвящен в наши планы, советовали нам быть

осторожнее. И не только по причине войны в Персидском заливе. Нас предупреждали: торговля костью — колоссальный бизнес, и хотя в глазах нелегальных торговцев костью троица отважных борцов за защиту природы не более как мелкая рыбешка, насилие — закон их жизни, и гибель в перестрелках друг с другом, как самих контрабандистов, так и преследующих их полицейских — дело привычное.

Мы вылетали из аэропорта Гэтвик. Перед самой регистрацией Дейв сфотографировал Клайва и меня и попросил Клайва снять его самого. После этого он вынул пленку из фотоаппарата и с улыбкой протянул Дженни.

— Надеюсь, что до этого не дойдет, но все же пусть кое-что от нас останется, если что приключится в пути. Раструби во все газеты, что мы намеревались проверить.

Джейн молча убрала пленку к себе в сумку, а затем на лице ее вспыхнула улыбка.

— Парни, лучше сами не теряйте рассудка да смотрите под ноги. О'кей?

Глава третья
Апрель 1988
Объединенные Арабские
Эмираты

Эллан

Прохладный вечерний воздух Дубая врывается в окно нанятой нами машины. Вечер был безлунным, к тому же трасса не имела освещения: центральные улицы города остались далеко позади. Изредка фары машины выхватывали из тьмы пустыни контур какого-нибудь тощего дикого верблюда.

Нашей целью была Свободная зона Джебель-Али, центр свободной торговли, где, по слухам, находились тайные косторезные фабрики. Едва прибыв несколькими часами ранее в аэропорт Дубай, мы нашли дешевую квартирку и, побросав там наши пожитки, решили сразу же отправиться в Джебель-Али на разведку. На данном этапе нашей целью было лишь провести рекогносцировку местности и выяснить, можно ли подъехать к местам расположения фабрик. Хотя было уже темно, на часах было только семь с минутами, и наше появление не должно было вызвать ничьих подозрений.

Нам было немного известно о Свободной зоне — только то, что она была учреждена в бесплодной местности и занимала площадь, примерно равную Большому Лондону; размещалась в 15 милях от Дубая и имела целью привлечь торговлю путем предоставления

финансовых льгот. Мы думали, что это нечто подобное большой промышленной зоне в Великобритании. Но мы заблуждались.

Мы ехали уже двадцать минут, и я догадывался, что мы где-то недалеко от цели. Я наклонился вперед. Дейв был за рулем, Клайв — на переднем пассажирском сиденье, и их лица были слабо освещены светом от приборной доски. Вдруг Дейв скорчил гримасу.

— Вот оно, кровавое логово! — сказал он. Его нога скользнула на тормозную педаль.

Двухполосная трасса, по которой мы ехали, расширялась перед нами до четырехполосного шоссе. В полумиле отсюда, словно неоновый оазис, виднелся импозантный контрольно-пропускной пункт. На каждой полосе размещалась будка с охранником в униформе. По каждую сторону от контрольно-пропускного пункта, сколько видел глаз, тянулся увенчанный колючей проволокой забор. Мы глядели друг на друга, ошеломленные.

— Вот те на! У них собственные полицейские силы! — пробурчал Клайв.

Мы понимали, что въезд в Свободную зону может быть сопряжен с какой-нибудь поверхностной проверкой, но и представить себе не могли, что она охраняется, подобно крепости. Вероятнее всего, эта сверхбдительность имела целью оградить от посторонних глаз бизнес, размещающийся внутри. Нам нужно было действовать осторожно. Мы понятия не имели о том, в каких отношениях с местными властями находятся владельцы косторезных фабрик. Вполне возможно, что полиция на контрольно-пропускном пункте проинструктирована насчет таких, как мы, «шпионов».

Дейв съехал на обочину.

— Надо знать, как подойти, — сказал он и выключил фары. — Когда мы подъедем к воротам, нам надо

убедить этих дуболомов на вахте, что мы приехали на законном основании. По-моему, у нас недостаточно документов и материала, чтобы подтвердить это. Если мы сейчас допустим прокол, они нам в следующий раз это припомнят.

— Подумаем хорошенько, — сказал Клайв. — Боюсь, что наша легенда вызовет у них подозрения.

У нас был план изобразить дело так, будто мы снимаем фильм об искусстве и ювелирном деле ОАЭ. Но теперь и до меня дошло, как наивно это выглядит. Это было слишком близко к истине, и к тому же, как заметил Дейв, у нас было недостаточно документов, подтверждающих цель наших действий.

— По-моему, нам следует вернуться назад и обзвонить кое-кого из прессы в Лондоне, — предложил я. — Запасемся ксивами, и чем больше, тем лучше. Разные там разрешения на съемку. Отношения с телестудий и из газет. В общем, все, что может подтвердить нашу легенду.

Что бы там ни случилось, нам не следовало падать духом. Если бы нам сейчас дали от ворот поворот, это было бы окончательно. Едва ли у нас был бы еще один шанс. Дейв завел мотор, круто развернул руль, и машина понеслась назад в Дубай.

* * *

Нанятая нами дешевая квартирка принадлежала местному гражданскому чиновнику по имени Джок, который на месяц уехал в отпуск в Европу. Хотя мы не столкнулись с ним лично, мы вскоре узнали о нем всё. Во-первых, у него, похоже, не было привычки пить чай или кофе, потому что в квартире не оказалось чайника. Во-вторых, он, по-видимому, и не готовил сам, потому что единственным, на чем можно было готовить,

оказалась не бывшая в работе маленькая микроволновая печь. К тому же он явно был падок на арабских мальчиков: за первые же два часа, что мы провели в этой квартирке, телефон звонил раз шесть, и всякий раз мальчишеский голос спрашивал: «Джок дома?» В ответ на реплику, что он в отъезде, неизменно слышалось: «Не важно. Тебя-то как зовут?»

Мы сделали заказ в индийском ресторанчике с отпуском обедов на дом и теперь сидели на полу квартирки, потягивали пряные холодные напитки и обсуждали наши дальнейшие планы. К тому времени, когда наступила ночь, мы остановились на новой и менее специфической легенде. Скажем, что снимаем фильм вообще о торговле в Объединенных Арабских Эмиратах. Это даст нам весомое обоснование нашего желания проникнуть в Свободную зону и при этом не вызовет тех подозрений, которое могло бы спровоцировать упоминание о ювелирном деле. Всё следующее утро мы провисели на телефоне, дозваниваясь до лондонской прессы и хлопоча об отношениях. Нашими козырями выступили «Санди Таймс» и Независимая телекомпания новостей Ай-ти-эн. Мы заранее известили их о нашей поездке, и в срок 24 часа они выслали подтверждения, что мы готовим передачи от их имени, причем о слоновой кости или ЕИА из соображений конспирации не было упомянуто ни слова. Через день после нашей первой неудачной попытки проникнуть в Свободную зону мы забрали эти отношения в министерстве информации Дубая и запросили разрешение на киносъёмки в этой стране.

— Боюсь, что это займет как минимум два дня, — объявил нам министерский чиновник.

— Кроме того, если вы захотите производить съёмки в порту или аэропорту Дубая, вам придется добывать разрешения для каждого случая отдельно, ибо это

объекты с повышенным режимом безопасности. Имеете таковое желание?

Что за вопрос! После Свободной зоны нам более всего хотелось поснимать как раз в порту и в аэропорту. Мы таили надежду, что «Фадхил Аллах» и находился в это время в порту, а заодно хотели поискать в зоне порта компании йеменского шейха «Аль-Редха Трейдинг» — ту самую, которой принадлежал «Фадхил Аллах».

— Что ж, думаю, обратимся заодно и за разрешениями — беззаботно бросил Клайв.

* * *

Выглядело очевидным, что мы намозолим глаза дубайским властям во время нашего пребывания, так что мы предусмотрительно представились сотрудниками британского посольства в качестве съемочной группы, снимающей фильм о торговле на Среднем Востоке. Нам был оказан самый теплый прием. Когда нам сообщили, что этим вечером в посольстве состоится вечер в честь дня рождения королевы, я имел наглость намекнуть, что неплохо бы пригласить и нас: я понимал, что нашей легенде поверят охотнее, если мы покажемся на глаза дубайского общества в качестве официальной съемочной группы.

Вечер в честь дня рождения королевы в Дубае прошел в атмосфере ностальгии по старым добрым колониальным дням. Он состоялся на зеленой тенистой лужайке посольства, и только забор из колючей проволоки, окружавший ее, слегка отравлял со вкусом устроенный по-английски уют. Для развлечения публики был приглашен индийский военный оркестр, одетый в расшитую золотыми галунами красную униформу и безбожно фальшививший; отдыхавшим на

изящных диванчиках гостям официанты подносили на подносах напитки. Гостей называли по именам и приветствовали согласно протоколу. В общем, вечеринка не совсем того плана, к которому мы привыкли, но ничего, нам понравилось. Дейв и я провели несколько блаженных часов, фотографируя и беря интервью у разных очаровательных юных дамочек в вечерних туалетах якобы для светской хроники «Санди Таймс», в то время как на другом краю лужайки Клайв снимал прибытие дубайского шейха и его свиты, сверкающей драгоценностями.

Увидев Клайва снова с камерой в руках, мы почувствовали облегчение. С ним всегда начинались припадки, если в продолжение двадцати четырех часов по прибытии в чужую страну ему не удавалось хоть что-нибудь снять, и с тех пор, как мы повернули от контрольно-пропускного пункта Джебель-Али, он методично вновь и вновь нащупывал то кинокамеру, то звукозаписывающие устройства, то осветительные приборы и так далее, раздражаясь все больше и больше. За те три без малого дня, что мы находились в Дубае, он пришел в почти полное отчаяние, но возможность съемок в посольстве вернула ему обычное доброе настроение.

Два дня спустя наши разрешения на съемку, снабженные нашими фотографиями и скрепленные официальной печатью, были, наконец, готовы, осталось только забрать. Мы же сочли нецелесообразным ехать сразу же в Свободную зону Джебель-Али. Сначала нужно было побывать в как можно большем числе других интересующих нас мест. Если бы нас раскусили на том злополучном контрольно-пропускном пункте, нас бы, пожалуй, тут же попросили бы из страны. Так пусть уж на подобный случай хоть остального материала будет побольше, чтобы было, что показать по возвращении.

По пути в процветающий дубайский порт Рашид нам думалось, что это именно там «Фадхил Аллах» разгружает браконьерски добытую кость. Мы не смогли добыть адреса компании «Аль-Редха Трейдинг», но у нас теплилась надежда, что «Фадхил Аллах» может быть в порту. Молодей англичанин из конторы порта, ведающий связями с общественностью, оказал нам радушный прием: как-никак наш визит внес разнообразие в его повседневную рутину. Он устроил нам съемки погрузки и разгрузки кораблей, перевозок контейнеров и заполнения документов на таможне. Из окна его офиса мне открылся стоящий на якоре поперек гавани огромный нефтеналивной танкер с рваной раной на левом борту.

— Это все иранцы постарались, — объяснил он, заметив мое любопытство. — Если корабль, попавший под их бомбы, принадлежит США или одной из западноевропейских стран, он идет на ремонт прямо к нам, но втихаря. Так что уберите-ка вашу камеру, а то мигом из страны как пробка вылетите.

Разумеется, мы не могли не подчиниться, да и вообще приучили себя в Дубае ходить на цыпочках: не дай Бог было даже случайно наступить кому-нибудь на ногу.

Мы посмотрели списки кораблей, стоявших в данный момент в порту, и тут нас постигло разочарование: судна «Фадхил Аллах» среди них не было. Если нам непременно хотелось засечь его, пришлось бы приезжать в следующий раз, но в любом случае мы стремились заполучить как можно больше материала, и наш гид устроил нам съемки с контрольной башни порта.

Вдоль линии доков тянулись и тянулись ряды контейнеров, между которыми сновали странные машины, вроде механических пауков, подхватывая металлические ящики и доставляя их к кораблям для

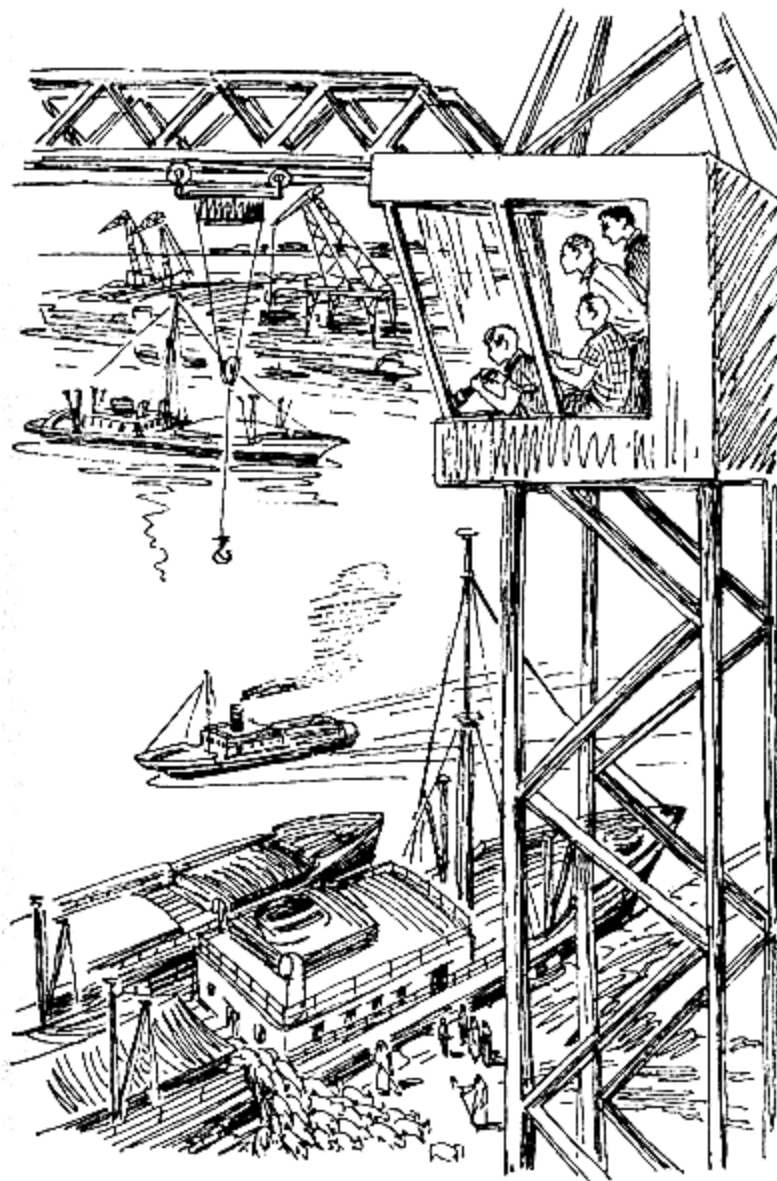
погрузки, где за дело принимались уже порталные краны.

— Вам не бывает известно, есть ли там слоновая кость? — как бы невзначай буркнул Дейв.

Он был прав. Распространение этих контейнеров резко осложнило жизнь и таможенникам, и борцам за охрану живой природы. На разгрузку и досмотр только одного такого контейнера таможенникам потребовались бы сутки. Шансы раскрыть груз браконьерски добытой кости в такой массе контейнеров равны нулю. Да и кто стал бы с этим возиться? Ведь здесь, в Дубае, операции с костью вполне легальны.

Поднявшись по узкой лесенке на верх стофутового крана, мы снимали происходившую вдали от нас выгрузку контейнеров. Нельзя сказать, что я уж очень обожаю высоту — напротив, я как мог, пытался справиться с головокружением, когда делал звукозапись для Клайва. Не испытывая ни тени сочувствия, Дейв направил на нас камеру как раз тогда, когда мне было особенно неловко.

— Давай, давай, падай ко всем слонам, они только этого и ждут, — ухмыльнулся он.

Мы слезли с крана, и вдруг откуда-то издалека бриз донес до нас отвратительный запах. Мы проследили и поняли, что он исходит от судна с дюжиной палуб, расположенных одна над другой. Мы присмотрелись, и вдруг увидели, как из корабля устремился живой поток баранов, поднимающих тучи пыли и сбивавших друг друга с ног. Когда животные добежали до конца наклонной плоскости, специальные бригады загоняли их в уже поджидавшие грузовики.

Мы выяснили, что корабль привез примерно 60 000 баранов из Австралии, откуда они проделали путь в 12 000 миль. Теперь их развезут на грузовиках по всему Среднему Востоку для ритуального забоя в начале священного месяца рамадан. Со стороны доков к нам подошел портовый рабочий.

— Две тысячи из них погибли по пути из Австралии, — сообщил он. — Когда животное болеет, матросы просто-напросто выбрасывают его за борт.

От услышанного у нас, конечно, не могло не сжаться сердце, но мы заставили себя выкинуть эту информацию из головы: все наши усилия нужно было направить на расследование истории со слоновой костью. Жара становилась невыносимой, столбик термометра перевалил за девяносто градусов по Фаренгейту. Мы вздохнули с облегчением, когда Клайв наконец объявил, что наснимался всласть. Портовый чиновник, в чьем ведении были связи с общественностью, был явно доволен тем, что его порт получит бесплатную рекламу, и Дейв решил, что не худо бы воспользоваться такой расположенностью к нам официального лица.

— Вот бы нам еще съездить в Свободную зону Джебель-Али, — небрежно бросил он, когда мы расставались. — Не могли бы вы нам это как-нибудь устроить?

— Какие проблемы? У меня там партнер.

Чиновник тут же набрал номер телефона, и вскоре мы имели честь говорить с самим президентом зоны Джебель-Али, которого звали Султан бин Сулайем. Похоже, что обстоятельства складывались в нашу пользу.

Президент спешил по делам, но обещал назначить нам свидание в четырехдневный срок. Чиновник передал наш адрес к нему в офис, чтобы он мог выслать

нам официальное приглашение. Довольные проделанной за день работой, мы вернулись в нашу квартиренку, чтобы провести очередную ночь на куче грязных подушек, служивших нам постелью. И уже третью ночь подряд мой сон прерывался телефонным звонком: «Джок дома?»

— Позвони через месяц, — прорычал я и вырвал шнур из розетки.

На следующий день мы запланировали посетить Статистическое управление дубайской таможни. В нас теплилась хоть и слабая, но надежда, что нам удастся найти записи, отражающие ввоз в страну и вывоз из нее слоновой кости. Еще более призрачной выглядела надежда заполучить копии таковых записей.

Мы навешали лапши на уши начальнику управления, рассказав, что снимаем фильм о торговле, не забывая при этом осыпать похвалами его многотрудную и столь нужную всем работу. Заодно объяснили, что, если получим копии цифр экспорта-импорта, это сильно облегчит нам работу. Наш собеседник был почтенных лет, и наши комплименты ему польстили. Он тут же пошарил в ящике письменного стола и, к нашему изумлению, вынул объемистую компьютерную распечатку.

— Вот полные данные об экспорте-импорте Дубая в 1987 году, — с улыбкой сказал он, протягивая нам материал.

Пока Дейв и Клайв заговаривали начальнику зубы, задавая вопросы об особенностях импорта, я лихорадочно пошарил в списке категорий товаров. Так и есть. «Слоновая кость, необработанная или подвергшаяся предварительной обработке. Кат. 291-01». Я быстро отслюнявил пальцем нужное количество страниц, и вся искомая информация легла перед моими глазами.

Длинный столбик беспристрастно перечислял страны, откуда шла слоновая кость: Бурунди, Северный Йемен, Заир, Кения, Танзания, Индонезия, Замбия, Испания...

В другом столбце содержались цифры, сколько тонн и килограммов получено из каждой страны.

Я толкнул Дейва под локоть. Догадавшись, что я наткнулся на что-то важное, он с новой силой принялся вешать лапшу на уши начальнику, пока я заносил цифры в свой блокнот. Почти 150 тонн кости прошло через Дубай в 1987 году. Для этого нужно было забить, по самым скромным прикидкам, 15 000 слонов. Поскольку, как нам было известно, Дубай во всей этой истории играл лишь роль перевалочного пункта, где отмывалась браконьерски добытая кость, — значит, большая часть из этих 15 000 слонов наверняка была добыта нелегально.

Я перевернул страницу. Сохранять выражение лица удачливого игрока в покер становилось все проблематичнее. У меня перед глазами был список стран, куда ввозилась нелегальная кость. Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Индия, Китай и — тут у меня перехватило дыхание — Соединенные Штаты Америки!

Мой блокнот постепенно заполнялся. Дейв как бы искоса подмигнул мне и спросил чиновника:

— Нельзя ли получить копию этой распечатки, как вы думаете?

Почтенный чиновник был не против.

— Да вот беда, у нас нет лишних копий. У нас их только две, а правительство Дубая требует обе для своей работы.

Дейв использовал все свое искусство обольщения.

— Так не могли бы вы дать нам одну из них, а для себя новую отпечатаете. Это не отнимет у вас много труда.

Чиновник заколебался, затем пожал плечами.

— Что ж, отпечатать другую копию, может быть, и можно, но боюсь, вам придется оплатить машинное время.

А нам только этого и хотелось. Пока он не передумал, мы быстренько сунули ему требуемую сумму в 1000 дирхамов (около 140 английских фунтов), и его помощник принес нам другой экземпляр.

Как только мы вернулись в квартирку Джока, мы разложили распечатку на полу. Склонившись над статистическими данными в нашей маленькой комнатенке, мы поняли, что документу, который мы добыли, цены нет. Цифры подтверждали наличие огромной международной сети торговли костью, в которой Дубай служил связующим звеном между Африкой и Азией. Это были уже не «просто слухи». В наших руках имелись свидетельства.

Этой ночью в первый раз по прибытии в Дубай я не сомкнул глаз. Дело было отнюдь не только в неудобной постели. У меня в голове не укладывалось, что операция, к раскрытию которой мы приступили, приобрела такие масштабы. 150 тонн кости, которые, как мы теперь знаем, прошли через Дубай в 1987 году, оценивались ни много ни мало в 22,5 миллиона долларов. Это если в сыром виде.

И уж куда больше в обработанном виде. Это был действительно большой бизнес.

Нашей следующей целью был дубайский аэропорт. Я позвонил в отдел грузоперевозок за день до того, когда мне было назначено свидание. Нам нужны были авианакладные. Это документы, которые сопровождают каждый пересылаемый воздушным путем груз и содержат сведения не только об отправителе, но и о получателе. Если бы мы получили доступ к авианакладным, мы получили бы возможность не только проследить маршруты, по которым идет

слоновая кость, но и докопаться до адресов компаний-получателей в Азии. Это дало бы нам отправную точку для исследований на Дальнем Востоке. Но это была пока всего лишь теория.

К несчастью, ирано-иракская война то и дело норовила вторгнуться в наши планы. Когда мы прибыли в аэропорт, небо дрожало от гула военных вертолетов и всюду, как снаружи, так и внутри здания аэровокзала, стояли солдаты с автоматами наготове. Очевидно, происходило что-то драматическое.

— Что здесь происходит? — спросил Клайв человека со значком американского журналиста.

— Корабли США только что обстреляли иранские буровые установки, — сказал он. — Мало того, какой-то параноик угнал кувейтский лайнер, а на борту — половина королевской семьи. Грозятся посадить его здесь. — Он печально улыбнулся. — Да, денек выдался тяжелый!

— В общем, они в полной боевой готовности, — сказал Дейв журналисту, который поспешил к своим коллегам у здания аэровокзала. — Ну, надо же было выбрать такой день.

К нашему удивлению, несмотря на всю эту вызванную чрезвычайными обстоятельствами возню, чиновник из отдела по связям с общественностью, которого прикомандировали к группе киношников из Лондона, как мы себя называли, ожидал нас и приветствовал веселой улыбкой, выражая готовность к общению.

— Привет. Меня зовут Лэрри. Как я понял, вы снимаете фильм о торговле в ОАЭ.

Он провел нас через контрольно-пропускные пункты, предъявил офицерам из службы безопасности аэропорта наши официальные разрешения на съемку и удостоверил наше право снимать. По его спокойной манере держаться, можно было подумать, что

вооруженные люди, наводнившие в тот день аэропорт, для него дело привычное. Все утро мы провели в отделе грузоперевозок, снимая фильм, совершенно ненужный для нашей работы, но лишь затем, чтобы подтвердить достоверность нашей легенды. К полудню каждый из нас был как выжатый лимон. Солнце палило с каждой минутой все сильнее, глотки у нас у всех пересохли. К несчастью, накануне вечером появился молодой месяц, что означало начало священного праздника мусульман рамадана. До захода солнца — немусульманам, равно как и мусульманам — не разрешалось есть, пить, курить. Изнуряющая жажда, в сочетании с надоедливym шумом вертолетов и подозрительными взглядами солдат выводила всех из себя. Я начал бояться, как бы не кончилось срывом.

Тут Лэрри, наш любезнейший спутник из отдела по связям с общественностью, зачем-то скрылся в здании отдела грузоперевозок, и почти в ту же секунду к нам приблизился солдат. Его рука угрожающе лежала на автомате, и он сделал нам жест следовать за ним. Ни живы ни мертвы мы покорно проследовали к армейской машине, где сидели еще двое вооруженных солдат. Нам дали знак сесть на заднее сиденье. Неужели нас разоблачили? Я лихорадочно соображал, какое же наказание могло ожидать в Дубае борцов за охрану природы; воображение рисовало картины одна страшнее другой.

Джип подвез нас к другой части здания аэропорта, где нам было велено выйти, и наш страж повел нас внутрь. Оказавшись внутри, мы напряженно глядели, как он открыл дверь и исчез. Через несколько мгновений он вышел и направился к нам. У него в руках была бутылка с водой. Не меняясь в лице, он подал ее нам:

— Пейте!

Когда мы напилась всласть, он отвез нас обратно к месту, где мы снимали, пропустил мимо ушей наши слова безграничной благодарности и укатил. Мы переглянулись; у Клайва подергивались уголки губ.

— Вот те на, — только и сказал он.

Лэрри, который и выхлопотал нам разрешение на посещение зоны грузоперевозок, появился снова, чтобы повести нас как раз туда.

— Хочу представить вас начальнику отдела грузоперевозок, — предложил он, пока мы шествовали мимо дверей контор различных агентов по перевозкам, — он сидит как раз в конце. Простите, у меня сегодня еще одна встреча, так что я вас ему передам с рук на руки.

Мы прошли вслед за Лэрри в дверь, расположенную в самом конце коридора, позади контор агентов по перевозкам, и очутились в небольшом, но современном офисе с компьютерами, письменными столами и каталожными шкафами. Начальник, смуглый мужчина в импозантной форме, похожей на военную, пожал нам руки и представил другому чиновнику офиса, сидевшему за дисплеем.

— Вот эти господа снимают фильм, помогите им, чем можете, — проинструктировал он своего коллегу и вернулся к себе за письменный стол.

Оператор снова сел за свой компьютер и выжидающе посмотрел на нас.

— Ну и чем же я могу вам помочь? О чем ваш фильм?

Я решил больше не валять дурака — мы и так потратили в тот день массу времени.

— Наш фильм посвящен новым рынкам, на которые мог бы выйти Дубай, — осторожно сказал я, — может быть, где-нибудь в Азии. Вы могли бы показать на вашем компьютере, что именно отгружается вами и в какие страны? Взять, для примера, Гонконг.

Наш собеседник сказал, что это невозможно, но, горя желанием помочь, он повел нас к полке, уставленной ящиками.

— Здесь авианакладные по различным направлениям за шесть месяцев, — сказал он. — Посмотрите сами, может быть, найдете то, что вас интересует.

Но трудно было понять, с чего начать. Битый час мы напрасно листали страницы с записями, в то время как конторщики, ни в чем нас не подозревая, делали свое дело. Наконец мы нашли то, что нужно. Среди документов компаний «Бритиш Эйруэйз» и «Бритиш Каледониэн» мы находили лист за листом, в которых говорилось об отгрузках слоновой кости в Гонконг и на Тайвань. Выходило, что каждые два-три дня груз в сотни килограммов резной кости уходил в Гонконг самолетом компании «Бритиш Каледониэн». Очевидно, это был один из важнейших путей, по которым контрабандисты вывозили «отмытую» кость из Дубая. Кость рассылалась по разным адресам в Гонконге и в Новых территориях.

Дейв направился к начальнику грузовых перевозок, оживленно беседовавшему с одним из служащих в другом конце офиса; мы последовали за ним.

— Нет ли у вас в офисе копировального аппарата? Нам бы переснять тут кое-что, — спросил Дейв.

Начальник внимательно изучил авианакладные, которые держал в руке Дейв, и вдруг лицо его изобразило тревогу.

— Это ж накладные на слоновую кость! — нервозно воскликнул он. — Вы что же, хотите поставить нас под удар?

Клайв и я обменялись взглядами. Я почувствовал прилив адреналина в собственном теле.

К счастью, Дейву удалось сохранить хладнокровие.

— Да разве ж в этом есть что-либо незаконное? — спросил он с невинным видом.

Наш собеседник с подозрением всмотрелся в наши лица.

— Да нет, что вы, — нерешительно сказал он. Он колебался. — О'кей. Копируйте.

Мы закончили осмотр ящиков; за это время Дейв переснял целый ворох авианакладных на слоновую кость. Чтобы подстраховаться, Клайв еще и заснял часть из них на киноплёнку. Но мы все чувствовали, что заигрываемся. Публика в офисе неожиданно начала выказывать раздражение тем, что мы здесь работаем, и это раздражение чувствовалось весьма и весьма.

Пока мы работали, вокруг нас собралась толпа служащих офиса и склада. Я чувствовал себя все более неловко. Очевидно, киногруппа представляла собой экзотическое для них зрелище; но я не мог быть уверен, что их интерес вызывался только этим.

— Ты обратил внимание на названия агентств по перевозке на этих накладных? — тихо спросил я Клайва. В ответ он бросил мне взгляд.

— «Галф-Экспресс», — сказал он и нахмурил брови. — Это не их ли офис тут за углом?

Я тоже обратил на это внимание.

— Да, так и есть. Но, может, хватит на сегодня? Не хватает еще, чтобы нас раскусили перед поездкой в Свободную зону.

Клайв кивнул.

— Пожалуй, ты прав. Вот еще последняя пачка, и поехали, как только Дейв доснимет копии.

Скрепя сердце я разложил перед камерой Клайва еще ворох документов и тут заметил, как двое рабочих о чем-то беседуют между собой. Вдруг они развернулись и покинули здание. Похоже, они куда-то заторопились.

Дальше испытывать наше счастье было бы рискованно. У нас в руках было уже достаточно неопровержимых свидетельств связи дубайских косторезных фабрик с адресатами в Гонконге, Корее и Тайване. Я подскочил к Дейву:

— По-моему, они положили глаз на нас. Давайте сматываться.

Снаружи армия журналистов и солдат заметно поредела. Мы поспешно погрузили тяжелую киноаппаратуру Клайва в нанятую нами машину и влезли сами. Клайв и Дейв были в том же состоянии, что и я: выдохлись. Три часа напряженнейшей работы в отделе грузоперевозок в условиях изнуряющей жары сделали свое дело. Как только напряжение спало, мы почувствовали, как размякли. Я вдруг понял, что у нашей слабости была еще одна причина: голод. Кроме упомянутой выше единственной бутылки воды на троих, ни один из нас весь день не имел во рту маковой росинки. Очевидно, та же мысль стукнула в голову и Клайву.

— Поехали. Драма окончена. Заглянем-ка лучше в индийскую забегаловку, — сказал он, когда Дейв включил фары и завел мотор.

За истекшие три года, что мы проводили расследования, для нас стало привычным следить, нет ли за нами хвоста. Наблюдая улицу в зеркало заднего обзора, я заметил, что едва мы тронулись с места, как следом за нами от тротуара отъехал белый пикап. Я осторожно присмотрелся к нему сквозь заднее стекло машины. На передних сиденьях сидели два азиата. Мы свернули вправо; пикап — за нами. Снова вправо. Пикап — следом.

— Пожалуй, не стоит ехать прямо домой, — сказал я. — Еще нарвемся на непрошенных гостей.

Бросив взгляд на зеркало заднего обзора, Дейв понял, в чем дело.

— О'кей. Попробуем отцепиться от них.

Он осторожно свернул в направлении нашего дома, но, как бы мы ни крутили, пикап снова и снова показывался в зеркале.

— А что вы хотите? Они лучше нас знают дубайские закоулки, — сухо сказал Клайв.

— Попробуем так, — сказал Дейв и, резко повернув руль, нырнул в переулок. На сей раз пикап за нами не последовал. Похоже, теперь-то мы отвязались от них.

Тем не менее, мы оказались в незнакомой части города, и нам потребовалось немало времени, чтобы найти дорогу домой. Пока мы с усилием разгружали киноаппаратуру, Дейв толкнул меня локтем:

— Смотри-ка! А вот и наши друзья!

В эти мгновения белый пикап медленно подъезжал с другого конца улицы, где и стал на стоянку. Чтобы попасть к себе в квартиру, надо было подняться на два лестничных пролета. Войдя в подъезд, я велел Клайву и Дейву идти вперед, а сам спрятался в темноте. И точно: минуту спустя объявились те самые два азиата, что следовали за нами на пикапе, и стали воровато подниматься по лестнице. Я пропустил их вперед на несколько шагов и тихонько последовал за ними. Не то чтобы я боялся столкнуться с ними; мне было любопытно, что они собираются делать. Однако, когда я поднялся на второй этаж, их и след простыл.

Накрепко заперев за собой дверь квартирки и, достав из холодильника каждый по стакану напитка, мы уселись обсуждать ситуацию, чтобы сделать соответствующие выводы. Едва началась наша дискуссия, как зазвонил телефон. Дейв ответил и, подержав трубку у уха несколько секунд, молча передал мне. На другом конце провода какая-то женщина со скоростью пулемета выпаливала вопросы на ломаном английском с китайским акцентом.

Я мало что смог разобрать лишь одну фразу удалось расслышать четко: «Английчане? У вас тут есть английчане?» Внезапно, через минуту или две, женщина бросила трубку.

Я сел на свое место, и мы внимательно посмотрели друг на друга. Очевидно, кому-то очень не нравилась наша деятельность, и коль скоро, как было известно, операциями со слоновой костью заправляли гонконгские китайцы, выглядело весьма вероятным, что эта звонившая нам китаянка с ними в связи.

Это был не первый случай, когда ЕИА наталкивалось на сопротивление своей деятельности. Все наши предыдущие расследования, будь то избиение китов у Фарерских островов, отлов обезьян и попугаев в Западной Африке или отстрел дельфинов у берегов Турции, имели свою степень риска. Каждому из нас случалось подвергаться физическому нападению, но так или иначе эти столкновения как-то удавалось улаживать. Нам противостояли одиночки, которых мы лишали куска хлеба, пресекая их деятельность, и выяснение отношений обычно происходило один на один.

В данном же случае нам противостояла организация. Нас было только трое. Я дорого бы дал, чтобы узнать, что для них, наживающихся на убийстве стольких тысяч слонов, жалкие три жизни, пусть и человеческие...

Глава четвертая

Эллан

На следующее утро, после неаппетитного завтрака, на который у нас был только чай, приготовленный в микроволновой печи Джока, мы снова отправились в 15-мильный путь в Свободную зону Джебель-Али. После событий предыдущей ночи мы весьма опасались перспективы подвергнуться допросу с пристрастием на контрольно-пропускном пункте. Вдруг кто-нибудь успел настучать охранникам о нашей деятельности? Но тревога оказалась беспочвенной. Когда нами были предъявлены официальные разрешения на киносъёмку и приглашение лично от президента Свободной зоны, ворота Джебель-Али распахнулись перед нами, как дверь в пещеру Аладдина.

Сначала мы подъехали к зданию управления Свободной зоной, где молодая американка проводила нас в офис Султана бин Сулайема. Это был один из тех офисов, назначение которых прежде всего в том, чтобы пустить пыль в глаза посетителю: мы что-то не заметили никаких признаков рабочих бумаг на шикарном письменном столе президента. Этот последний, молодой, безупречно одетый араб, с улыбкой встал и приветствовал нас:

— С добрым утром, джентльмены. — Он говорил на хорошем английском.

Мы тут же рассказали ему о нашем «фильме». Видно, он был польщен возможностью рекламы для Свободной зоны, которая все более походила на дорогостоящую безделицу. Несмотря на огромные инвестиции, бизнес не очень-то рвался сюда; в ее порт, самую большую рукотворную гавань в мире, нечасто захаживали корабли. Дубайские власти, боявшиеся, как бы проект не пошел прахом, опасались скорее за честь мундира, чем за потерю денег: имея колоссальные прибыли от нефтеторговли, они вряд ли остро нуждались.

— У вас есть справочники по Джебель-Али? — спросил президент и вынул несколько буклетов в глянцевых обложках.

Я перелистал справочник, пока коллеги объясняли, что нам требуется для съемок. В справочнике значилось более ста компаний. Я опасался, что косторезные фабрики могут скрываться под фальшивыми вывесками и их будет трудно разоблачить; но вот две, которые открыто декларируют свою деятельность: «Дубай Айвори» и «МК-Джувелри». Обе принадлежат г-ну Пуну.

Фабрики «Дубай Айвори» и «МК-Джувелри» размещались в корпусе 65-А. Я раскрыл справочник на искомой странице и подал Клайву с многозначительным взглядом. Пока Дейв и я занимали президента разговорами, Клайв включил освещение и камеру. На стене размещалась огромная фотография Свободной зоны, снятая с воздуха; каждый корпус на ней был пронумерован.

— Если можно, мы сначала сделаем съемки в офисе, чтобы дать зрителю кое-какое представление, а потом возьмем у вас интервью, — сказал Клайв с обезоруживающей улыбкой.

Он медленно провел камерой вдоль стен, остановившись на аэрофотоснимке; президент смотрел на все это милосердно, не подозревая, что объектив камеры Клайва был нацелен как раз на корпус под номером 65-А.

Интервью, которое мы для проформы взяли после съемки, заняло всего несколько минут. Султан бин Сулайем явно не был избалован вниманием киношников, но все же было удивительно, почему он нервничал. Я задавал ему вопросы, отвечая на которые он имел бы счастье рассказать о достоинствах Свободной зоны.

— У нас здесь почти нет бюрократизма. Все наши службы — импорт, экспорт, таможенная очистка — сосредоточены в одном агентстве, — гордо сказал он. — Именно поэтому здесь очень легко работать.

— Правда? — сказал я, подумав, а не использовать ли в самом деле какие-то фрагменты из его интервью в нашем фильме.

Когда съемка была закончена, президент позвонил куда-то в офисы, расположенные этажом ниже, и вскоре, шаркая ногами, приплелся угрюмо выглядящий юноша.

— Вот Мохаммед, — сказал президент, — он будет сопровождать вас и покажет, куда ехать. Снаружи можете снимать все, что хотите, но если возникнет желание снимать внутри фабрик, вам придется получить разрешение у владельцев.

Мы последовали за Мохаммедом на улицу. Он был явно недоволен, что ему нас навязали, мы — что его нам навязали. Битых два часа мы снимали инженерный корпус и разнообразные электрические мастерские, пока, к нашему облегчению, Мохаммеду все не надоело, и он не отпустил нас на все четыре стороны.

Только он скрылся, мы прыгнули в машину и рванули к корпусу 65-А. Здание, где находились

косторезные фабрики г-на Пуна, представляло собой длинное кирпичное сооружение складского типа, под крышей которого размещалось еще двадцать производств; в каждый из цехов вели массивные раздвижные двери. Медленно объезжая здание на машине, мы заметили, что почти у всех дверей одна, а то и обе створки настежь открыты, так что через них можно рассмотреть, что делается внутри; только двери двух производств, отделенных друг от друга тремя помещениями, были закрыты и к тому же единственные из всех не имели табличек. Впрочем, когда мы подъехали к одному из этих безымянных цехов, мы увидели, что створки все-таки были раздвинуты на пару дюймов — вполне достаточно, чтобы различить доносившиеся оттуда странные ноющие звуки, весьма напоминающие звуки бормашины в зуборучебном кабинете. К нему примешивались другие звуки, в которых безошибочно узнавалась непривычная для нашего уха китайская музыка.

— Похоже, там они и режут кость, — сказал Дейв. — Как бы нам туда пробраться?

Все окна, через которые можно было бы рассмотреть, что делается в цехе, были завешены. Может быть, просто от солнца, но вероятнее всего, от посторонних глаз.

Дейв подогнал машину вплотную к щели. Сквозь нее мы смогли разглядеть лишь китайских рабочих, стоявших у переносного конторского места. Этого оказалось достаточно, чтобы понять, с чем нам придется столкнуться, и мы сочли более целесообразным отступить для выработки стратегии, чем лезть на ура, подвергая себя риску.

Мы вернулись к себе в квартирку. Планы, как бы нам все-таки снять фильм, отметались один за другим.

— Похоже, после того ночного звонка у нас мало шансов, что достаточно вежливо постучаться в дверь и

попросить разрешения, — сказал Клайв, — я почти уверен, что как раз сейчас они нас и поджидают.

— А что, если нам вломиться и застать их врасплох? — таинственно предложил Дейв.

На самом деле мысль не такая уж смешная, как кажется на первый взгляд. Дверь не была закрыта на замок, и, застав рабочих врасплох, мы, может, и отсняли бы пару футов пленки; но не исключено, что от нашей камеры ускользнула бы браконьерская кость. Кроме того, вопрос заключался в том, удалось бы нам убраться оттуда невредимыми.

— Даже если бы нам удалось улизнуть с фабрики, остается шанс быть сцапанными полицией на выезде из зоны, — заметил Дейв.

— По-моему, единственная надежда — попытаться подобраться к ним со стороны других цехов, — сказал я, наконец. — Надо разведать, есть ли подходы к ним со стороны других фабрик, расположенных в корпусе 65-А.

На следующее утро в половине седьмого мы снова были в Свободной зоне. На сей раз мы дерзко припарковали машину на дороге, ведущей к косторезной фабрике, где-то в двухстах метрах от нее, и засели в засаде. Из справочника по Джебель-Али нам было ведомо, что рабочих для большинства фабрик привозят из Дубая. Целый час мы просидели в тесноте, тише воды ниже травы, наблюдая за автобусами и машинами, пронесившимися мимо фабрик Пуна. Наконец ровно в половине восьмого мимо нас проехали два больших фургона и остановились у корпуса 65-А. Клайв заранее подготовил камеру, еще сидя в машине, и начал съемку, как только створки дверей двух безмянных фабрик раздвинулись на пару футов. И сразу же несколько десятков китайских рабочих высыпали из фургонов и гуськом втекли в оба цеха. За последним вошедшим двери наглухо закрылись и уже не откроются до конца рабочего дня.

Наш план заключался в том, чтобы побывать во всех остальных цехах, расположенных в корпусе: вдруг в каком-нибудь из них окажется возможность доступа или, по крайней мере, хорошего обзора косторезных фабрик. Первой на нашем пути оказалась лаборатория по исследованию нефти. Мы поведали менеджеру нашу легенду о «фильме о торговле», и он охотно впустил нас. Оказавшись внутри, я, пока мои коллеги вели беседу, быстро провел рекогносцировку. Я заметил, что блочные стены цеха не доходили до крыши примерно на восемь футов. Это выглядело многообещающим.

В другом конце корпуса мы побывали на консервном заводе и убедились, что там стены сложены так же. И вновь владелец производства принял нас с охотой, предоставив возможность свободно передвигаться по цеху. Объяснив ему — и это была чистейшая правда, — что я подыскиваю наиболее выгодные точки для съемки, я взгромоздился на высокую платформу возле огромной мешалки и обнаружил, что оттуда просматриваются обе косторезные фабрики. В каждом цехе китайские рабочие орудовали чем-то похожим на ленточные пилы, расположенные вдоль всей длины стен. Но расстояние до них было слишком далеко и обзор слишком узок для сколько-нибудь успешной съемки.

Мы побывали еще в трех цехах, примыкающих к фабрикам Пуна, но нигде не нашли идеальных точек с широким обзором, чтобы можно было заснять хоть какие-то из операций на этих производствах. Оставалась последняя надежда на склад фирмы «Блэк энд Деккер». К тому времени, покуда мы доковыляли до него, ходьба и жажда так истомили нас, что мы совсем упали духом. Было около полудня, и температура в тени — если, конечно, вам бы удалось где-нибудь найти таковую, — перевалила за сто градусов по Фаренгейту.

Видать, мы и впрямь представляли собой жалкое зрелище, коль скоро один из работников пригласил нас к себе в отдел и предложил прохладительные напитки.

— А как же рамадан? — спросил я.

— Да пейте же, пока никто не видит, — заговорщицки улыбнулся он.

Из справочника нам было ведомо, что склад фирмы «Блэк энд Деккер» занимал три смежных помещения, вплотную примыкающих к косторезной фабрике «МК-Джувелри». Вдоль складских стен тянулись несколько ярусов высоких полок, занятых стоящими на деревянных поддонах ящиками с электроприборами, выпускаемыми компанией. Мы вручили менеджеру наши визитные карточки, которые я изготовил из конспиративных соображений. В них значилось, что мы представляем компанию «Фильм-Лондон», каковая действительно существовала — она была основана мной для съемок охоты на китов у берегов Норвегии. Он с радостью разрешил нам производить съемки на своей фабрике.

— У меня дела, но если что понадобится, попросите Бабу.

Это был тот самый наш благодетель, который выручил нас, предложив прохладительные напитки. Бабу улыбнулся и снова сел за руль своего автопогрузчика, перевозившего ящики на поддонах.

Когда менеджер ушел, наблюдать за нами остались только Бабу и еще один рабочий. Судя по всему, никто из них ни в чем нас не подозревал. Из соседней двери с новой силой вырвался ноющий звук, почти заглушая резкую китайскую музыку, которая не переставала играть все время, пока мы ходили. Пока Клайв снимал кинокамерой ящики, наполненные электродрелями, электроутюгами и миксерами фирмы «Блэк энд Деккер», я воспользовался его звукозаписывающим

устройством для записи звуков, доносившихся из-за стены.

Было совершенно очевидно, что наилучшим образом косторезная фабрика просматривалась с верхнего ряда полок. Самые высокие полки, прямо у задней стены склада, поднимались на высоту примерно в двадцать футов над полом. Я взобрался на ту, что чуть пониже. С нее были ясно видны китайские рабочие, сверлившие и распиливавшие кость. Но надо было соблюдать осторожность. Если бы кто-нибудь из них взглянул вверх, он бы меня точно засек. И уж совсем невероятно, чтобы мы, стоя наверху с нашими камерами, остались незамеченными. Тем более что в своих джинсах и майках мы никак не походили на рабочих фирмы «Блэк энд Деккер».

— Что-то пыльно у вас тут наверху, — сказал я Бабу. — Не одолжите нам спецовочки?

Бабу тут же вручил нам три спецовки цвета хаки с эмблемой фирмы «Блэк энд Деккер». Теперь, в случае чего, мы могли бы сойти за рабочих. Но спецовки не могли служить ширмой для наших камер. Надо было что-то придумать.

Мой взгляд упал на огромную пустую картонную коробку, валявшуюся у самой стены. Я подтянул ее и поставил на поддон. Она прекрасно встала.

Я подошел к Бабу.

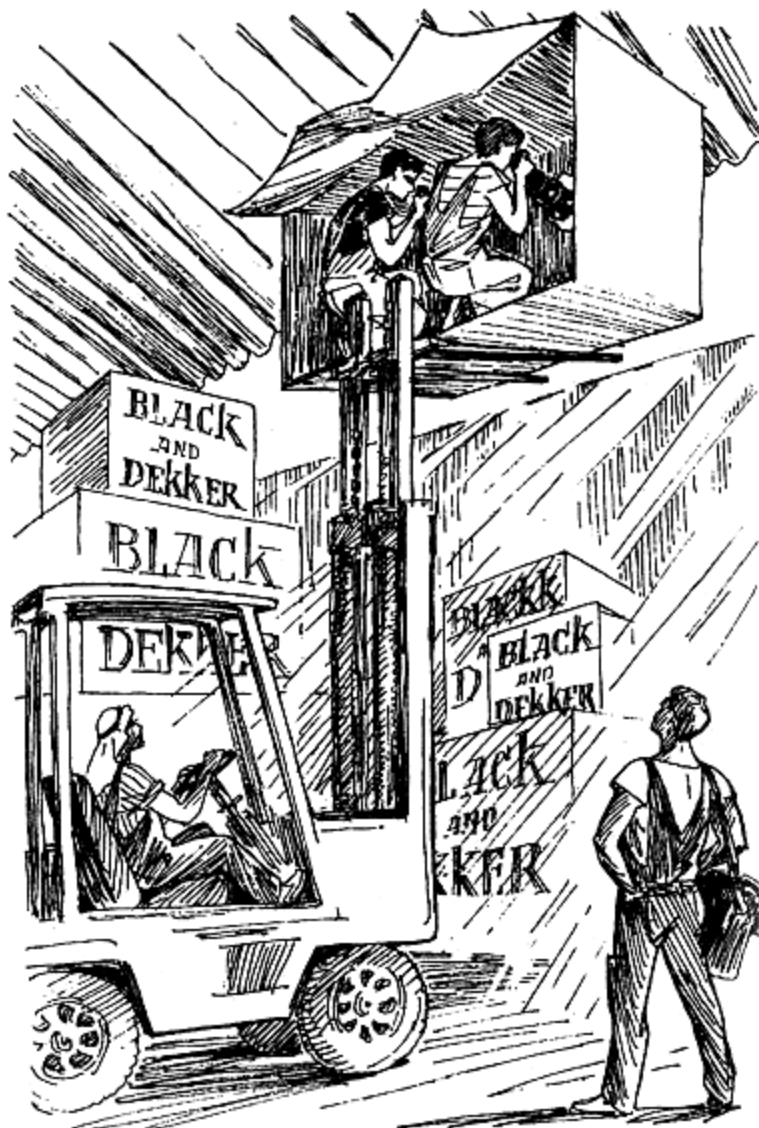
— Понимаешь, у нас тут возникли проблемы, — извиняющимся тоном начал я, — мы хотели сделать несколько захватывающих кадров с верхней полки, да вот беда — наш кинооператор боится высоты, — при этих словах я с усмешкой поднял брови, — и наотрез отказался туда лезть. Он говорит, что предпочел бы что-нибудь вроде люльки. Ты не мог бы поднять его автопогрузчиком в этой коробке минут на пять-десять?

Бабу выглядел изумленным.

— А чего ж, можно!

— Может быть, возникнет желание поснимать и на фото. Эй, Дейв, а не слабо тебе? — позвал я коллегу.

Парочка отважных смело влезла в коробку, захватив с собой аппаратуру.

Бабу поддел поддон вилкой автопогрузчика, и через мгновение коробка с живым грузом вознеслась ввысь, к верхним рядам полок. Убедившись, что ничего с ней не случится, Бабу зафиксировал вилку автопогрузчика в заданном положении и отправился к своему коллеге, занятому упаковкой ящиков. Я последовал за ним, делая вид, что очень заинтересовался этой процедурой,

и засыпал их обоих кучей вопросов, пока один готовил ящики, а другой паковал в них изделия. Когда они кончили, я, не зная, что еще предпринять, задал им вопросы о работе и компании. В общем, делал все, чтобы отвлечь от Дейва и Клайва.

Дейв

Коробка оказалась не очень-то просторной для нас двоих, к тому же со всей нашей аппаратурой, но мне и Клайву как-то удалось поместиться, сев на корточки. Когда у меня засосало под ложечкой, я догадался, что вилка погрузчика пошла вверх. Мы обменялись тревожными взглядами. Нам много доводилось работать вместе по раскрытию ситуаций с живой природой, но эта ситуация, без сомнения, была самой странной из всех, в какие мы попадали. И, возможно, самой критической.

— Что, старина, тебе тоже нехорошо? — спросил я Клайва.

В ответ он выразительно скорчил гримасу. Неожиданно вилка погрузчика остановилась. Мы подняли головы и увидели, что мы всего в нескольких футах от потолка. Я осторожно выглянул из-за края коробки. Я ясно мог рассмотреть резчиков, трудившихся в соседнем цехе вдоль всей длины стен. Но все равно, если бы кто-то из них взглянул вверх, он бы меня заметил.

Я нырнул вниз и подполз на корточках к Клайву, который готовил кинокамеру.

— Так не пойдет. Если мы просто встанем и начнем снимать, то засветимся.

Клайв оглядел наше убежище в поисках выхода из положения.

— А что, если прорезать дырку в стенке?

— А есть чем?

Клайв заговорщицки вынул из кармана перочинный нож. Коробка была сработана из очень прочного картона, плохо поддававшегося резке; но все же через десять минут напряженной работы в нашем распоряжении было отверстие диаметром этак в четыре дюйма. Вполне достаточно, чтобы просунуть объектив, самим оставаясь невидимыми.

Но с каждой минутой пребывания в этих далеких от комфорта условиях у нас все больше затекали и деревенели руки и ноги, и к тому же жара становилась невыносимой. Наши ненадежные спецовки с эмблемой «Блэк энд Деккер» совершенно взмокли от пота. Клайв приложил глаз к отверстию и прищурился.

— Боже мой, я отлично вижу, как они работают! Вот, в середине, переносное бюро, а рядом два больших контейнера, вроде тех, что мы видели в порту. — Он слегка поменял позу. — Там полно мешков, сваленных кучей на полу. Они чем-то набиты. Интересно чем. А посмотри-ка сам!

Клайв сдвинулся в сторону, чтобы дать мне возможность взглянуть в отверстие. Теперь я точно видел, откуда исходили звуки, похожие на звук бормашины. Вдоль всей длины цеха стояли ленточные пилы и дрели, за которыми трудились люди, обрабатывавшие материал кремового цвета. Это наверняка и была слоновая кость. Некоторые просто распиливали большие куски на меньшие. Другие, по-видимому, вырезали по кости изображения. В процессе работы от кусков кости поднимались струйки дыма.

Я записал регистрационные номера контейнеров и перевел взгляд на полные мешки, сваленные возле них на полу. Из одного из них высовывалось нечто длинное, покрытое грязью, кривое, острое, вроде рога.

— Эти мешки, — хрипло прошептал я Клайву, — полны бивней. И таких мешков тут, по всей видимости, сотни.

Объем поражал воображение. Я подсчитал, что только перед нашими глазами находилось, по крайней мере, две тысячи бивней, упакованных в эти мешки.

Китайская музыка по-прежнему завывала, смешиваясь с воем инструментов. Клайв и я по очереди просовывали в отверстие объективы наших камер — для получения полной картины мы снимали как на кино-, так и на фотопленку. Менее чем в сорока футах от нас двое рабочих, сидя на круглых металлических табуретках за складным столиком, считали маленькие костяные цилиндры и упаковывали их по сотне в полиэтиленовые пакеты. По их размерам — около четырех дюймов в длину, полдюйма в диаметре — я догадался, что это и есть те самые печати ханко, которые пользуются таким спросом у японцев.

Я сделал ряд снимков вышеупомянутых сцен, равно как и мешков с бивнями. Но края отверстия не позволяли мне как следует разглядеть резчиков. Некоторые из них работали прямо под нами, разрезая цельные бивни на неровные сегменты ленточными пилами; я безуспешно пытался заснять их и в конце концов решил отбросить осторожность к черту.

— Я сейчас встану, — предупредил я Клайва, — если увидишь, что кто-то смотрит, подай мне знак.

Мы по очереди высовывались из коробки и довершали наши съемки операций на фабрике.

— Пожалуй, досниму последние кадры, — сказал, наконец, Клайв.

В это время я вел наблюдение в отверстие и заметил, что один из резчиков с противоположного конца цеха уставил свой взор на коробку. Мгновение спустя он бросил работу и встал.

— Клайв! — шепнул я. — По-моему, вон тот парень нас засек.

Клайв тут же присел ко мне, и мы оба стали всматриваться в отверстие. Резчик шел к переносному кабинету.

— Сейчас еще настучит Пуну, что кто-то снимает фабрику, — тихо сказал Клайв.

Мы напряженно ждали, что резчик вернется на свое место, но он не возвращался. Жара в коробке становилась невыносимой. Мы так взмокли, что, казалось, от нашего пота размок и картон под ногами. Пора было сматывать удочки.

Эллан

«Пять-десять минут», о которых я просил, тянулись все сорок, и вся моя фантазия, чем заговаривать зубы Бабу, была исчерпана. Да и Бабу, кажется, дошел до ручки от моих все более глупых вопросов и покинул цех упаковки ящиков, чтобы посмотреть, как там съемочная группа. Я, естественно, за ним. Как только я вошел, створка двери отодвинулась, и в цех ворвался солнечный свет. В дверях стояли два китайца, взиравшие на нас; их силуэты четко выделялись на освещенном фоне. Мой пульс участился. Бабу не заметил вошедших — он успел исчезнуть за полками, направившись к автопогрузчику. К счастью, с той точки, где стояли китайцы, коробка не была видна: ее скрывали ряды полок. Впрочем, китайцы не сделали больше ни шагу вперед, и я счел, что самое правильное — не обращать на них внимания. Сохраняя, как я надеялся, внешнее спокойствие, я поплелся за Бабу и пронаблюдал, как вилка погрузчика с коробкой опустилась вниз.

Но на душе у меня было беспокойно. Те двое наверняка были с косторезной фабрики. Зачем они приходили? Видели ли они двоих снимавших? Или приходили просто так?

Клайв и Дейв выкарабкались из коробки. По их лицам градом катил пот. Их спецовки, казалось, изменили цвет — до того они взмокли. Наконец-то вся наша семья была в сборе и все дружно побрели в направлении выхода. Китайцев и след простыл.

Пока Дейв и Клайв с усилием снимали с себя взмокшие спецовки, я скользнул назад в контору менеджера. Неприятная мысль внезапно поразила меня. На карточке «Фильм-Лондон», которую я ему дал,

значился мой лондонский домашний адрес. К моему облегчению, она по-прежнему лежала на рабочем столе. Я быстренько цапнул ее и сунул в карман.

Расшаркавшись в благодарностях перед Бабу и его коллегой, мы погрузили киноаппаратуру в машину.

— Поедем отсюда к чертовой матери, — сказал Клайв.

Дейв не заставил себя упрашивать: завел мотор, и мы на полном газу понеслись к выезду из Свободной зоны. Я напряженно смотрел в зеркало заднего обзора, как будто ждал, что те два китайца бросятся за нами в погоню. Клайв тоже не отрывал глаз от заднего стекла. Но все было тихо.

Несколько минут спустя мы проскочили незамеченными через контрольно-пропускной пункт и, когда стало ясно, что за нами никто не гонится, вздохнули с облегчением.

— Чисто ушли, — сказал я.

Дейв сиял от радости.

— Ура! Есть! Мы засняли тайные фабрики Пуна!

* * *

На следующий день мы вернулись в Лондон. Перед отъездом мы из предосторожности пересняли все наши документы: записи в блокнотах, разрешения на съемки, планы местонахождения корпуса 65-А в Джебель-Али, равно как и все визитные карточки, полученные от лиц, с кем мы имели встречи. Мы послали копии по трем различным адресам в Англии. Так, на всякий случай.

Вернувшись в Лондон, я испытал такое чувство облегчения, какого не испытывал никогда прежде, даже полностью закончив расследование. Нас всех изумило, как долго раскручивается эта нить. Аура, окутавшая мрачный мир наживающихся на слоновой

кости дельцов, оставила тяжелейшее впечатление. Меня терзала неприятная мысль, что мой домашний адрес, значащийся на карточке «Фильм-Лондон», которую я роздал разным людям в Дубае, может попасть в руки моих противников. В течение нескольких недель я с опаской оглядывал чужие машины, парковавшиеся близ моего дома, и косился на каждого китайца, проходившего по улице. Видно, мы глубоко проникли в мир контрабандистов слоновой кости, но пути к отступлению были отрезаны и надо было быть готовыми к малоприятному факту, что в ответ они возьмутся за нас.

Дейв

Вскоре после возвращения в Лондон я встретился с Джоном Хэнксом, международным директором ВВФ по африканским программам. Политика ВВФ по-прежнему была на стороне сохранения торговли слоновой костью, так как там верили, что система контроля со стороны КИТЕС в конце концов докажет свою эффективность. После наших открытий в Дубае мы поняли, сколь опасной, если не сказать больше, была эта святая наивность.

Узнав, что мы вернулись из Дубая, Хэнкс немедленно выказал большой интерес к нашим делам.

— Что вы там открыли? Удалось ли вам получить предоставление, сколько кости проходит через Объединенные Арабские Эмираты?

Я не был расположен посвящать его во все детали. Нам хотелось завершить наше расследование и уж потом поведать миру, что мы проделали. Чем более доходчивым и впечатляющим будет обнародование результатов нашей деятельности, когда до него дойдет черед, тем больший эффект оно произведет. Вместе с тем, когда мы знали то, что знали, нам было вдвойне обидно сознавать, что ВВФ по-прежнему благодушно относится к судьбе африканских слонов. Я должен был по крайней мере вбить в голову Джону Хэнксу сознание того, что проблема существует.

— Мы открыли, что из Дубая кость вывозится в огромных количествах, — осторожно сказал я.

— Правда? И куда же?

— Главным образом в Гонконг, Тайвань и Сингапур, но также и в другие страны.

Судя по всему, Хэнкс отнесся к сказанному скептически.

— По-моему, вы заблуждаетесь насчет Тайваня. Мы получаем информацию из самых высоких источников, и, согласно им, Тайвань прекратил ввоз кости в середине 1987 года.

Мой «дипломат» с распечаткой из Дубая и другими документами стоял рядом, на полу. Я не смог сдержать себя и тихо сунул ему под нос две авианакладные, подтверждающие, что Тайвань отнюдь не прекратил ввоз кости. В одной, датированной мартом 1988 года, значились полторы тонны; в другой, датированной апрелем того же года, также значились полторы тонны.

Хэнкс был неподдельно потрясен. Мне же этот эпизод раскрыл глаза на следующее: политика ВВФ не всегда опиралась на факты. Там слишком охотно полагались на заверения структур власти, не давая себе труда проверить, чего они на самом деле стоят.

Эллан

К счастью, не мы одни настаивали на оперативном вмешательстве в ситуацию со слонами. Американский конгрессмен предложил закон, которым был бы запрещен или резко ограничен ввоз кости в США. Это был бы весьма значительный ход. Более четверти обработанной кости, вывозившейся из Гонконга, шло в США. Конгрессмена поддержал ряд американских групп, борющихся за охрану живой природы, в том числе группа, возглавляемая Кристиной Стивенс. В июне я присутствовал на слушаниях в конгрессе в Вашингтоне.

Хотя большая часть групп, борющихся за охрану живой природы, выступала за полный запрет импорта в США слоновой кости, видя в этом существенный удар по нелегальной торговле, президент ВВФ США Билл Рейли оспаривал это.

— Я считаю, что результат получится обратным, — сказал он. — Односторонний запрет, введенный США, подорвет усилия Африки по сохранению живой природы.

Иначе говоря, та же слепая преданность теории «разумного использования живой природы», тот же неистребимый аргумент ВВФ, что только возможность продажи кости убедит африканские страны сохранять слонов как ценный источник денежных поступлений. Теория, в подтверждение которой по большинству африканских стран не находилось никаких фактов. Как бы нам открыть глаза ВВФ на действительное положение вещей?

— Вся штука в том, что сами африканцы не хотят запрета, — продолжал Рейли, — а коль скоро они ближе

всего стоят к этой проблеме, нам следует считаться с их желаниями.

Аргумент, успевший навязнуть в зубах, мы попали в Африку, я первым делом попытался выяснить, насколько соответствует истине заявление, что африканцы «не хотят запрета».

По завершении слушаний в конгрессе я встретился с Кларком Бейвином, возглавлявшим Отдел содействия рыбоохроне и живой природе США. Я не терял надежды, что, если мне удастся посвятить его в свои открытия, сделанные в Дубае, я подтолкну Соединенные Штаты к введению запрета. Да и не только Штаты. Американская политика в отношении исчезающих видов оказывает влияние на страны всего мира. В частности Европейское содружество наций часто следовало курсом Америки в этих вопросах.

— В 1987 году следующие страны импортировали кость из Дубая, — читал я вслух, — Китайская Народная Республика — две тонны; Гонконг — шесть тонн; Сингапур — тридцать пять тонн; Тайвань — восемьдесят тонн; Соединенные Штаты Америки, — прежде чем назвать цифру, я сделал паузу, — две тонны.

Бейвин оторвал глаза от бумаги, куда заносил называемые мной цифры.

— Я вас правильно понял?

— Да, сэр, — подтвердил я. — В 1987 году США импортировали две тонны кости.

Мы оба знали, что, по американским законам, США не имеют права ввозить кость из Дубая, потому что Объединенные Арабские Эмираты не являются членами КИТЕС. Но если даже сверхбдительная американская таможня оказалась не в силах пресечь нелегальный ввоз кости, что тогда сказать об остальных странах?

Бейвин отложил свои записи и, задумавшись, посмотрел на меня.

— Все, что вы сказали, весьма интересно; но, к сожалению, данные на 1987 год могут устареть, когда в нынешнем году в США вступит в силу новый закон, ограничивающий импорт. Но хорошо было бы проследить за положением дел после августа — будет ли какая-нибудь страна ввозить нелегальную кость. Кость из этих стран не будет допущена к ввозу в Штаты. Кроме того, если какая-нибудь страна ведет торговлю с названными государствами, она также лишается права на ввоз кости в США.

— Что ж, мистер Торнтон, — воодушевляюще улыбнулся Бейвин, — если вы сможете засвидетельствовать, что и после августа Сингапур, Тайвань или кто-то еще по-прежнему ввозят браконьерски добытую кость из Дубая, мы могли бы принять меры к приостановке ввоза кости из этих стран. Я кивнул в знак согласия, стараясь пока не думать, откуда взять деньги на эти расследования.

— Я уверен, мы сможем это повернуть. — Хотя, признаться, был уверен больше на словах, чем на деле. — Кость найдет обходные пути и после августа. Весьма сомнительно, чтобы введения Соединенными Штатами нового закона оказалось достаточно, чтобы повесить замок на дверях дубайских фабрик.

Бейвин встал, и лицо его озарила улыбка.

— Это самая подробная информация, которую мы когда-либо получали о торговле костью в Дубае. Она надежнее, чем та, что мы получаем из любых других источников. — Он тепло пожал мне руку. — Славно поработали.

Когда я паковал чемоданы перед отлетом в Лондон, Дейв уже приземлялся в Гонконге, куда он отправился, чтобы приступить к следующей стадии нашего расследования. Я представлял, какую он скорчит рожу, когда узнает, что нам опять тащиться в Дубай...

Глава пятая
Июнь 1988 Гонконг

Дейв

Я прилетел в аэропорт Кай-Так в один из тех знойных влажных дней, которыми так славится Гонконг. Через какую-нибудь пару минут после того, как я вышел за пределы здания аэровокзала с кондиционированным воздухом, моя рубашка неприятно прилипла к телу.

Гонконг вполне тянул на вторую стадию в нашем расследовании. Отчет Чармиэн Гуч показывал, что в течение долгого времени британская территория была сердцем мировой торговли костью. В продолжение десятилетий фабрики Гонконга перемалывали бивни африканских слонов на сувениры туристам, так что не вызывало удивления, что большинство виденных нами в Дубае авианакладных на слоновую кость выявляло связи с адресатами в Гонконге. Мы также были уверены, что дубайские фабрики — лишь окраина империи Пуна, а основная-то ее часть базировалась здесь. Прodelывая черновую работу дома в Лондоне, мы открыли, что с именем Пуна были связаны магазин и компания под названием «Тат Хинг Айвори». Я пока не располагал сведениями о его местонахождении, и вычислить его было одной из моих приоритетных задач.

Гонконг оказался для нас счастливым случаем. Так как эта территория подведомственна Великобритании,

британский ВВФ предоставил ЕИА грант на проведение расследования, действительно ли Гонконг вовлечен в нелегальную торговлю костью. Полученных денег хватало на пребывание в Гонконге в течение двух недель.

Я полетел в Гонконг прямым рейсом из Окленда, где участвовал в конференции Международной комиссии по китоловству. Остальные члены команды ЕИА должны были прибыть днем позже из Лондона. Клайв снова был нашим кинооператором. Эллан участвовал в слушаниях в конгрессе США, а по возвращении в Англию его снова ждала работа в «Гринпис». Так что на сей раз в роли нашего оператора звукозаписи, равно как и помощника в наших расследованиях, выступила Чармиэн Гуч — с тех пор, как она составила отчет об операциях с костью, расследование «дела о слонах» затащило ее с головой.

Снять номер в гостинице в самом Гонконге стоит очень дорого, и я остановился в отеле ИМКА в Коулуне, — городе, растянувшемся на материке напротив острова Гонконг. Полет утомил меня, но в такой жаре невозможно было уснуть, и около десяти вечера я решил прошвырнуться по городу.

Даже в столь позднее время улицы кишели народом; то вдаль, то вблизи вспыхивали неоновые огни. Отель ИМКА стоит на углу Нэтэн-роуд, Мекки туристов: здесь и ночью магазины ведут бойкую торговлю. Чего тут только нет: видео, стерео, фотоаппараты, украшения и даже, как я вскоре выяснил, слоновая кость.

Пройдя всего несколько ярдов от ИМКА, я очутился перед витриной магазина, полной резных изделий из слоновой кости. Здесь были вырезанные на цельном бивне цепочки слонов, держащих друг друга за хвосты; причудливые фигурки толстяков, похожих на борцов сумо; шахматные наборы и наборы для игры в ма-джон. Цены обозначены в гонконгских долларах: от сотни за

небольшое украшение до примерно десяти тысяч за фигуру из цельного бивня, сработанную якобы вручную. Более дешевые браслеты и ожерелья из кости продавались по цене от 10 до 200 гонконгских долларов. Я двинулся далее. Пройдя несколько шагов, я наткнулся еще на один магазин, торгующий слоновой костью. Повернул за угол — еще один.

Я зашагал дальше, но теперь уже я был не один. Что-то во мне выдавало вновь прибывшего, и меня осадила стая уличных торговцев.

— Купи цаси! Купи цаси! — раздался над моим ухом голос, и у меня под носом оказалась рука, увешанная доброй дюжиной часов.

— Откуда ви? Американец? Австралиец? Англичанин? — спросил другой голос. При этом последнем слове я автоматически кивнул головой, о чем тут же горько пожалел.

В порыве вдохновения торговцы устремились в погоню за мной.

— Обозаю англицян! Покупай, сторгуемся! — кричали они наперебой.

Я затряс головой и растолкал их, пробивая себе путь. Мало-помалу они отцепились от меня.

В этот момент я почувствовал приступ усталости. С тех пор как мы вернулись из Дубая, я все это время работал с крайним напряжением, борясь за то, чтобы не свертывались и остальные наши кампании. В последние три недели, помимо того, что я выбивал из Британского отделения ВВФ деньги на нашу теперешнюю экспедицию, я еще съездил на три дня в Пенсильванию, где выступал перед конгрессменами на слушаниях с докладом о торговле дикими птицами. Затем, менее чем через неделю после возвращения из Штатов, я полетел за 12 тысяч миль в Новую Зеландию, чтобы представлять ЕИА на конференции Международной комиссии по китоловству, где я высказался за

продолжение борьбы за прекращение избиения китов и дельфинов у Фарерских островов. Пробыв в Новой Зеландии десять дней, я прямиком полетел в Гонконг. В общем, трудился как вол, и вот теперь мое тело, прежде не подававшее признаков усталости, начало реагировать на это. Я почувствовал, что теряю ориентацию и что у меня кружится голова.

Чтобы спастись от шума и толчеи торговой зоны, я свернул в первый же переулок направо. Чтобы не потеряться, я запомнил название: Камерон-роуд. Там было темней и спокойней. Магазины здесь как будто бы были закрыты, а их витрины забраны тяжелыми металлическими ставнями. Я задержал шаг, чувствуя учащение пульса, равно как и то, что меня слегка шатает.

Я сделал несколько глубоких вдохов. По опыту я знал, что, если хорошенько отосплюсь, то все проедет. Продолжать прогулку не имело смысла, и я повернул назад к Нэтэн-роуд.

С обеих сторон улицы яростно вспыхивали неоновые вывески зашторенных магазинов. Когда я проходил мимо входа в метро, на меня наскочила группа покупателей-китайцев, спешивших сесть на поезд до дому. Я завертелся, подпрыгивая на месте. Прошло уже несколько недель с тех пор, как мы вернулись из Дубая, а мне, равно как и Эллану, повсюду мерещились китайцы, которые только и ждут, чтобы устроить нам засаду. Подобное чувство охватило меня и на этот раз. Я остановился и уставился на магазин позади себя. Он был заперт и зашторен, как и все остальные. Мой взгляд упал на вывеску над жалюзи и тут я прочел такое, что почувствовал колотье в позвоночнике. Под китайскими иероглифами была выведена золотом надпись по-английски: «Тат Хинг Айвори». Это было то самое заведение, которое в Лондоне нас просили найти. Так вот ты где, лавочка Пуна, сердце всех его

операций! Именно за этими забранными окнами продаются и расходятся по всему миру изделия из бивней, ради которых погибли от рук браконьеров тысячи слонов...

Моего недомогания простыл и след. Окрыленный, я зашагал к отелю ИМКА, расталкивая уличных торговцев. Только там, когда моя голова уютно устроилась на подушке, до меня дошло, сколь верно мы выбрали отправную точку расследования империи Пуна.

* * *

Чармиэн и Клайв прилетели следующим утром, привезя с собой оборудование для съемок на 16-миллиметровую пленку общим весом в сто кило. Конечно, не очень-то удобно таскаться со всем этим по жаре, но другого выхода не было. Теперь нашей целью было подготовить материал, апеллирующий к широкой общественности, а не только к узкому движению борцов за охрану природы. Тема ситуации со слонами слишком обширна для этого, и мы решили сосредоточиться на торговле изделиями из браконьерски добытой кости. Обратиться к общественности можно только через средства массовой информации, а чтобы заинтересовать их, как нам это удалось в ходе кампании в защиту китов, нужен был фильм.

Первые три дня, что мы провели в Гонконге, ушли на поиск торгующих костью компаний, равных по масштабу «Компани-хауз». Данные не были занесены в компьютер, так что нам предстояло заказывать массу копий счетов компании и фотографировать всяческие детали. Поисковая работа, проведенная в Лондоне, навела нас на ряд полезных контактов в Гонконге, и я сделал массу звонков, добиваясь встреч.

Мне посоветовали войти в контакт с Независимой антикоррупционной комиссией Гонконга (ИКАК) — органом, ответственным лишь непосредственно перед губернатором Гонконга. Задачей комиссии было выявление незаконных сделок на всех уровнях, и надо сказать, что работы в Гонконге для нее хватало. В результате ее деятельности недавно оказался за решеткой даже ряд высших чиновников. Большая часть сотрудников набиралась на год-два по контракту из Скотланд-Ярда, а штаб-квартира находилась не где-нибудь, а в верхних этажах многоярусной автостоянки.

Казалось вероятным, чтобы члены комиссии, по меньшей мере, заинтересовались вопросами незаконной торговли костью, и мы горели желанием встретиться с ними. Предлог для беседы нашла Чармиэн, доискавшаяся, что 52 тонны кости, ввезенные в Гонконг из Судана в январе и марте текущего года, не имели разрешений, зарегистрированных на компьютерах КИТЕС. Правда, в конечном счете выяснилось, что как раз эта кость ввезена легально — разрешения были получены еще в 1987 году, — но в ходе расследования один из авторитетных чиновников проникся глубокой симпатией к нашему делу.

— Знаете, Дейв, — доверительно сказал он, — те, кто разрабатывал нормы для КИТЕС, не имеют ни малейшего представления о торговле. Столько осталось всяческих лазеек, что все равно, есть эти нормы или нет. Если будущее слонов зависит от этих норм, то можно считать, что они их погубят окончательно.

Раздумывая над словами борца с коррупцией, мы уже заходили в другой отдел — сельского хозяйства и рыболовства. Чиновник из этого отдела доверительно сообщил нам, что они делают все от них зависящее для пресечения ввоза в страну нелегальной кости.

— Каждый год наш отдел конфисковывает несколько партий, — гордо сказал он, — у нас есть

кладовая, полная браконьерских трофеев, конфискованных при попытке контрабандного ввоза.

— Разрешите нам взглянуть на них, — попросил я.

— И поснимать, — добавил Клайв.

Чиновник сперва засомневался, но потом сдался:

— Не вижу причин для отказа.

Он повел нас туда, где находились кладовые, и отомкнул один замок.

Это была небольшая комната-сейф, вдоль трех стен которой стояли полки с браконьерскими трофеями. Здесь были шкуры пантер, одна шкура тигра, десятка два рогов носорогов, сваленных в кучу, ящик с печатями из слоновой кости и два с предварительно обработанной костью. На полу я с удовлетворением заметил мешок бивней, маркированный «Тат Хинг Айвори». Получалось, что до мистера Чуна доходило не все.

— Как давно была конфискована эта кость? Вся ли она обнаружена в этом году? — спросил я.

Чиновник нахмурился.

— О нет. Она тут валяется уже давно. Возможно, что-то лежит еще с прошлого года.

Что-то маловато по сравнению с тем количеством кости, что, как нам было известно, наводняла Гонконг.

Чиновник во всех подробностях описал нам лазейки в правилах КИТЕС, позволявшие кости, подвергнутой даже предварительной обработке, проходить таможеню без всяких разрешений.

— И как, по-вашему, много кости ввозится таким путем? — спросил я.

— Думаю, да. Это никак не остановишь.

— Известно ли вам, какие торговцы вовлечены в это? Могли бы вы назвать нам какие-либо имена?

Он решительно покачал головой.

— Нет, не могу.

— Так в чем же проблема, коли все это законно? — настаивала Чармиэн.

— Я не могу назвать вам никаких имен, — решительно сказал он. — В любом случае все это прекратится с августа 1988 года. Дельцам это больше не удастся. Мы закроем все лазейки. После этой даты потребуются разрешения КИТЕС на любую кость, будь она обработанной или сырой.

Для нас это было не новостью. Равно как и то, какой чудовищной глупостью со стороны властей было предоставить торговцам целых несколько месяцев до введения ограничений.

— Известно ли вашему отделу, что в настоящий момент дубайские фабрики наводняют Гонконг слегка обработанной костью, чтобы успеть создать запасы до вступления ограничений в силу? — спросил я.

— Да, конечно, я знаю, что так происходит, — парировал он, — но мы не отвечаем за действия гонконгских торговцев в Дубае. Это не подпадает под наш контроль.

— Тогда, может, скажете, зачем было два года канителиться с закрытием лазеек, если вы и в самом деле стремитесь положить конец нелегальной торговле? Другие страны уже давно запретили ввоз полуфабрикатов из кости, особенно из стран — не членов КИТЕС.

Он загадочно улыбнулся.

— Ну, в августе уж точно лазейки будут закрыты, — сказал он и подтолкнул нас к выходу.

Мы покидали его офис с тягостным чувством, что в действительности гонконгские власти не очень-то горят желанием положить конец ввозу в страну браконьерски добытой слоновой кости.

* * *

Наш человек в Гонконге вывел нас на торговца слоновой костью — назовем его мистер Икс, — с которым его связывала некая личная приязнь. На следующий день мы созвонились. Мы не стали допытываться у нашего коллеги, что связывает его с тем торгашом, но, видно, что-то существенное, потому что мистер Икс, лишь взяв с нас слово хранить тайну, согласился посвятить нас в некие внутренние подробности относительно браконьерски добытой кости. Мы с Чармиэн отправились к нему в офис на третьем этаже делового небоскреба в центре Гонконг Сити.

Сидя у него в офисе, мы минут двадцать слушали о том, какие скверные времена настали для торговли костью. Компании, честно ведущие дело, оказались оттеснены, а иные нажились на обходе положений КИТЕС.

— Они подкупили нужных людей, — сказал он, — у них столько денег, что самого черта купят.

— Правда? Ну, например? — воодушевил я собеседника.

Он задумался.

— Ну, хотя бы склады. Вы в курсе истории со складами в Бурунди?

— Да, наслышаны кое о чем.

Я знал о том, что, когда последние ограничения КИТЕС вступили в силу, хранившаяся на ряде складов конфискованная у браконьеров кость получила «очистку» и таким образом была узаконена. Один из таких складов находился в Бурунди, маленькой восточноафриканской стране, зажатой между Заиром и Танзанией. Это было более чем странное решение, которое произвело целый фурор, тем более что в самой Бурунди давно не осталось слонов. Разрешить стране, где не осталось слонов, продолжать экспортировать

кость означало подталкивать браконьеров к ее ввозу туда из соседних стран.

— Так что вам известно о Бурунди? — полюбопытствовал я.

Мистер Икс улыбнулся, заметив мое любопытство.

— В 1986 году, как раз перед вступлением в силу новых правил, у меня побывал один очень важный заправила гонконгской торговлей слоновой костью. Он потребовал с меня денег. Со всех остальных торговцев он тоже потребовал денег. И знаете, для чего? — Не дожидаясь ответа, он торжествующе сказал: — Чтобы пробить легализацию бурундийской кости!

Это вносило еще один шокирующий штрих в дело о кости. Его история выглядела вызывающе правдивой. КИТЕС всякий раз увиливала от объяснений, чем был вызван ее шаг с легализацией этого склада кости. Неужели торговцы действительно дали кому-то на лапу? А если да, то кому? КИТЕС была тем самым органом, который, как считалось, заботится о будущем слонов. А что на деле?

— А еще с какими-нибудь складами произошла такая же история? — спросил я.

Он посмотрел на меня с видом знающего человека.

— Все в один голос говорят, что то же самое произошло и в Сингапуре, — сказал он. — Люди, ведущие легальную торговлю, убеждали КИТЕС не делать этого. Нет, сделали — кивнул он. — На этой операции нажились три воротилы, один из них — мистер Пун. Ваш друг передал мне, что вы интересуетесь этой персоной.

Я как раз и думал о том, как подступиться к семейству Пун.

— Что вы знаете об этой семье? — спросил я.

Мистер Икс отвечал осторожно, взвешивая каждое слово.

— Семейство Пун нажилось буквально в последние годы, и все на нелегально добытой кости. Возможно, они сейчас вообще самые богатые в Гонконге торговцы.

— Как же они добились таких успехов? — спросила Чармиэн.

— Уж такие они хитрые, — улыбнулся наш собеседник, — они слишком хитры, чтобы попасться. Началось все с маленькой семейной фирмы; тогда ею заправлял старик Пун, а теперь дело перешло к его сыновьям. Они и нагрели руки на лазейках в нашей системе импорта. Преуспели в этом. Теперь активно вкладывают нажитые деньги в приобретении недвижимости.

По словам мистера Икс, братья Пун поделили сферы влияния в империи бизнеса на кости. Один, Пун Тат Хонг, заправлял бизнесом непосредственно в Гонконге, а другой, известный под именем Джордж Пун, командовал зарубежными компаниями. Он и распоряжался дубайскими фабриками, хотя, по слухам, в этом участвовали и другие члены семьи.

— Как вы думаете, захочет Пун Тат Хонг разговаривать с нами? — полюбопытствовала Чармиэн.

— Может быть. Может быть, он пригласит вас. — Тут мистер Икс про себя улыбнулся. — А может быть, и пошлет подальше. Все зависит от того, с какой ноги он встанет. Он чаще всего сидит в своей лавочке на Камерон-роуд. Вы его узнаете сразу — здоровущий мужик, во-о-от такой — Призадумавшись, он добавил к сказанному: — На вашем месте я брал бы его наскоком. Ступайте к нему и скажите, что хотите побеседовать. Только взвешивайте все, что будете говорить. Помяните мое слово, Пун — деляга умный.

Он вновь сделал паузу, будто размышляя о чем-то. Затем он доверительно наклонился к нам: — Не знаю, будет ли вам это интересно, но у Джорджа есть магазин и офис в Париже. Он с женой проживает сейчас там.

Новость представляла для нас особый интерес. Она выглядела как указание на новое ответвление в пути по следу слоновой кости. Парижское звено в этой цепи могло оказаться весьма ценным для расследования. Если бы с его помощью можно было показать непосредственную вовлеченность Европы в «дело о кости», наша кампания возымела бы большой эффект.

Я все еще размышлял над высказанной мыслью, когда наш «язык» преподнес нам новую.

— Вот кое-что еще, — добавил он. — Похоже, вы очень заинтересовались делом семейства Пун в Дубае. Возможно, вам мысль не приходила, что они не одни там занимаются этим бизнесом. Всего в этом регионе пять косторезных фабрик, а семье Пун принадлежат только две из них.

Я посмотрел на него в упор.

— Известны ли вам названия других компаний?

Он явно уклонялся от ответа. По всей видимости, он чувствовал, что сказанного и так с лихвой хватит, чтобы доказать нашему другу свою расположенность.

— Нет, я не могу их назвать.

Новость, что в Дубае придется раскрывать целую сеть наживающихся на кости дельцов, была ошарашивающей. Почти наверняка это значило снова тащиться туда.

Вечером мы с Чармиэн и Клайвом обсуждали сделанные в этот день открытия. Теперь, когда мы получили представление о главном заправиле бизнеса семейства Пун в Гонконге, нашим следующим шагом была бы попытка убедить его попозировать перед кинокамерой. Видимо, это был бы один из самых рискованных этапов нашего расследования, так что разумно было сначала завершить все другие дела, которые у нас еще здесь оставались. Мы решили попытаться поснимать в магазине по продаже изделий

из кости и на косторезной фабрике в Гонконге, а потом уже соваться к Пун Тат Хонгу.

На следующий день мы получили разрешение на съемки в магазине «Шинь Он Айвори», большом магазине в торговом центре Коулуна. Это заведение нам было интересно вдвойне, потому что оно принадлежало председателю Ассоциации владельцев косторезных предприятий Коулуна и Гонконга по имени Ли Чэт, с которым мы жаждали встретиться. Для этого последнего мы приготовили легенду, что мы — независимая кинокомпания, снимающая коммерческий фильм о торговле в Гонконге. Даже название фильма придумали: «Ветра торговли».

Как и для поездки в Дубай, мы заказали визитные карточки. На этот раз наша «компания» называлась «Бокс Филмз» — на память о нашем приключении на фабрике в Дубае: то ли «Репортер играет в ящик», то ли «Кинокамера смотрит из коробки»... На карточке был предусмотрительно оттиснут подходящий лондонский почтовый адрес.

Опасаясь разоблачения, мы вошли в роль и расхваливали каждое изделие из кости, которое нам показывали. Под этой маской мы дотошно снимали в кино и на фото каждый угол магазина. Я только раз случайно выпустил аппарат из рук, когда хотел подобрать хлопушку и показать Клайву число отснятых кадров.

Чармиэн следовала за нами, держа длинный, похожий на пистолет, микрофон, а с ее плеча безучастно свешивался магнитофон марки «Награ». Никому бы и в голову не пришло, что весь ее предыдущий опыт в звукозаписи состоял из двух практических занятий в отеле.

На стене магазина висел плакат на английском языке: «Покупаемые здесь изделия из кости вы можете легально ввозить в Соединенные Штаты». Мы, конечно

же, засняли и эту надпись, рассчитывая воззвать к совести не только европейцев, но и американцев. Американские туристы составляют значительную часть покупателей изделий из кости, приобретаемых на память об отпуске, проведенном в Гонконге. Более того, третья часть всей гонконгской кости шла, главным образом, в виде украшений, прямиком в Соединенные Штаты, где открыто продавалась в магазинах. Если бы удалось убедить Соединенные Штаты в необходимости полного запрета ввоза кости, это серьезно подорвало бы гонконгскую индустрию.

Как раз в это время в магазин вошли легкие на помине американцы — две немолодые супружеские пары. Клайв посмотрел мне в глаза; я кивнул в ответ. Мы наблюдали, как они бродили по магазину, перекликаясь друг с другом на среднезападном акценте. Один из глав семейств купил для своей половины сережки, и, пока продавец заворачивал их, инициативу взял Клайв.

— Простите, сэр. Мы как раз снимаем фильм о туризме и торговле в Гонконге. Не позволите ли вас снять, как вы оглядываете магазин?

Недолго думая американцы согласились. Для них это была неожиданная забава, которых им так недоставало во время отпуска. Клайв заснял сцену, как продавец показывает им изделие из цельного бивня. По размеру я догадался, что слону было около двадцати лет.

— Какая прелесть! Почему же он? — спросила одна из женщин.

— Пятьсот долларов, — ответил продавец.

— Что ж! Он того стоит, — ответила она, не найдя, что еще сказать.

— Для кого делается фильм? — спросил ее муж.

— Для британского телевидения и газет, — ответил я с улыбкой. — Как знать, может, попадете на обложку

журнала «Тайм»!

Впрочем, я подозревал, что им бы не особенно польстило, если бы так и произошло.

Мы закончили съемку, поблагодарили всех и уже собрались уходить, когда один из мужчин, показав на изделие из цельного бивня, спросил жену: «Кочиш?»

— Так он же стоит пятьсот долларов, — запротестовала та.

— Не важно. Кочиш? — бахвалился он.

Не зная, куда деваться от смущения, она вытолкала его из магазина, откуда уже вышли их друзья. Но и после того, как за ними закрылась дверь, он все еще нарочито громко спрашивал: «Кочиш? Кочиш?»

Чармиэн передала Клайву наушники, чтобы он смог убедиться, на нужном ли уровне сделаны ее любительские записи. Чем дольше он слушал, тем больше его лицо расплывалось в улыбке.

— Вот мы компания какая! — заверил он.

Нашим следующим пунктом была коулунская косторезная фабрика, выпускавшая изделия, продававшиеся в том самом магазине, который мы только что засняли. Нашим гидом был сам Ли Чэт. Нам уже было ведомо, что он, помимо всего прочего, был еще и советником правительства по косторезной промышленности.

Мы обменялись с Ли Чэтом формальными рукопожатиями. Он был низенького роста даже по китайским стандартам; безукоризненно правильной и формальной была его манера держаться; классически непостижимым было выражение его лица, на котором застыла улыбка. Невозможно было догадаться, что же у него на уме, когда мы поведали ему о фильме. Однако я чувствовал, что это явно не тот человек, с которым мне хотелось бы, чтобы меня свела судьба.

Через переводчика мы попросили Ли Чэта описать, как идут дела на его фабрике. Непрерывно театрально

жестикулируя, он показывал нам разные механизмы и изделия, при этом не выпуская изо рта длинный мундштук, в который вставлял сигарету за сигаретой. Он нарисовал весьма розовую картину своего бизнеса; мы же сохраняли наивный вид, притворяясь непосвященными киношниками. Эта уловка доказала свою пользу при наших прошлых расследованиях — у людей часто душа бывает нараспашку, когда они убеждены, что вы все равно не поймете.

На фабрике кончался рабочий день, и на месте оставалось лишь несколько рабочих. Оборудование, на котором они работали, очень напоминало то, что мы видели в Дубае: те же станки с дрелями и ленточными пилами, те же столы, за которыми по сотне упаковывались печати ханко. Никаких признаков инструментов для искусной ручной работы, когда одному резчику хватало бивня на целый год. Эта фабрика специализировалась на массовом производстве сувениров из кости.

Мы остановились в углу фабрики у небольшой божницы, которые часто встречаются в Гонконге в самых неожиданных местах. Божница была задрапирована пунцовой и золотой материей и освещалась трепещущим пламенем свечи, издававшей сладковатый запах.

— Сколь велик ваш бизнес? — спросил я Ли Чэта через переводчика.

— Да так, средний. Я перерабатываю порядка десяти тонн кости в год.

Чармиэн сардонически шепнула мне на ухо:

— Какая-нибудь тысяча слонов!

Ли Чэт махнул мундштуком в сторону станков.

— Но на складе у меня мало, сами видите.

Я пробежал глазами по необработанным бивням, лежащим на полках по всей фабрике. По скромным

подсчетах, тонна кости ожидала обработки. Многие бивни были вопиюще маленькими.

— Дайте-ка, я засниму вот эту кучу, — неожиданно сказал Клайв, включая освещение.

Я наклонился, пытаюсь понять, что же привлекло его внимание. Бивни, которыми он заинтересовался, были промаркированы несмываемыми чернилами кодом КИТЕС: БИ-86. Из доклада Чармиэн я знал, что БИ — это Бурунди, где нет слонов. Это были бивни из «узаконенного» в 1986 году бурундийского склада конфискованной кости.

Я искоса посмотрел на Ли Чэта, чтобы увидеть его реакцию на наш интерес, и заметил на его лице мягкую улыбку, в то время как он осторожно заряжал мундштук очередной сигаретой. Я дорого бы дал за то, чтобы посмотреть, что творится у него на душе. Подумал ли он, что это случайное совпадение, что мы выбрали для съемки конкретно эти бивни? Что-то в выражении лица этого человека заставило меня вспомнить картинку из моей детской книжки, где был изображен дракон, охраняющий свое логово и окруженный останками своих жертв.

* * *

Большая часть авианакладных, открытых нами в Дубае, имела один из двух адресов: один в Коулуне, другой в Новых территориях — районе Гонконга, расположенном на материке и граничащем с Китаем. Мы решили нанять машину и поехать туда на целый день, чтобы выяснить, можно ли напасть на след человека, записанного в накладных как мистер Чан Пик Ва, проживающий по адресу: Хун Сек-роуд 44, Тай Пат Юэнь, Юэнь-Лонг.

Мы выехали из Коулуна и взяли курс на Цюень Ван-сити. Извиваясь, дорога убегала ввысь, в холмы. В одном месте мы остановили машину, чтобы окинуть взглядом город и гавань. Панорама, открывшаяся нашим глазам, выглядела удручающе. Неуклюжие жилые небоскребы, словно шипы, торчали из земли; через них, петляя, текла речушка, которая была так загрязнена отходами гонконгских швейных фабрик, что вода в ней была неестественно зеленой, почти флюоресцирующей.

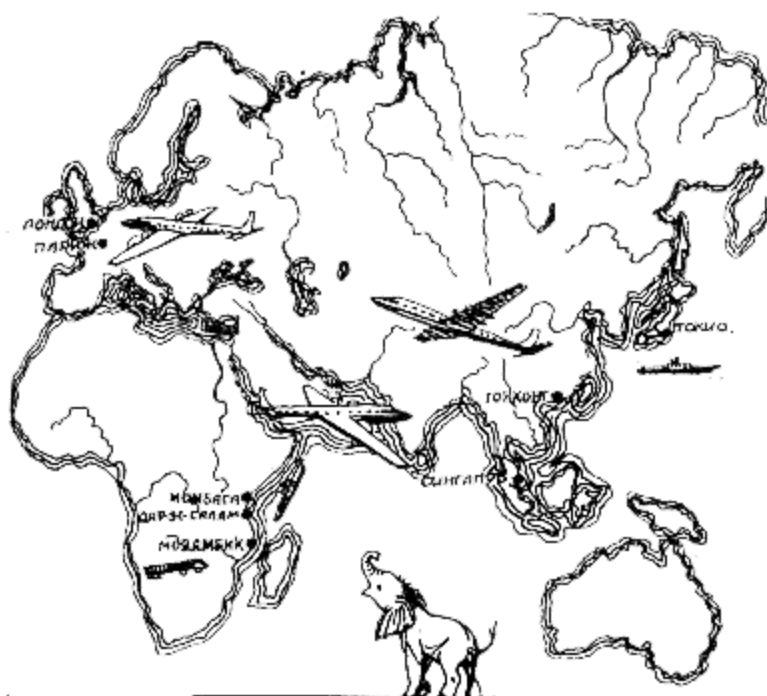
До города Юэнь-Лонг добрались без особого труда, но нелегко было отыскать адрес, обозначенный на авианакладных. За пределами собственно города Гонконга непросто было отыскать человека, говорящего по-английски; мы спросили десятки людей, как проехать, а все без толку.

— Хватит дурью маяться, — сказала Чармиэн, видя, что мы третий раз проезжаем по одной и той же улице, — так мы ничего не найдем. А зачем, собственно, искать самим, ведь таксисты всюду доведут! Значит, так: Клайв и я берем такси, а ты поедешь за нами на машине.

Как и большинство предложений Чармиэн, это было до гениального просто. Через десять минут нам удалось поймать такси, которое отвезло Чармиэн и Клайва в узкую аллею с прилавками на каждой стороне. Припарковав нанятую машину, я присоединился к ним, и мы отправились бродить между торговыми рядами. Среди них во многих местах горели костры, и люди в каком-то таинственном ритуале бросали в них цветную бумагу. Неожиданно, как это обычно и бывает на Дальнем Востоке, хлынули потоки теплого дождя, и мы нашли убежище под рифленой железной крышей одного из рядов. Через минуту, как если бы в небесной канцелярии закрыли кран, дождь прекратился, и мы продолжили свой путь.

Адрес, который мы разыскивали, затерялся в конце лабиринта тропок с открытыми водосточными канавами с каждой стороны; мы бы ни за что не нашли его без посторонней помощи. К нашему удивлению, это был частный дом. За шатким забором лаяли злые собаки, и мы поняли, что продолжать расследование в этом месте было бессмысленно.

Мы вернулись в Коулун и вычислили второй адрес. Им оказался магазин по продаже гидравлического оборудования. Мы представились владельцу, подали ему визитную карточку «Бокс Филмз», а он нам свою. Его звали Чэн Лим То — это имя и было указано в авианакладной. Теперь становилось ясно, каким путем Пун и его коллеги получали большую часть кости из Дубая: они получали ее на адреса подставных лиц. Возможно, их еще больше. Им доставлялись грузы полуфабрикатов из кости, а затем их тайно забирали на гонконгские фабрики. Почему через подставных лиц? Ведь полуфабрикаты из кости можно свободно ввозить в Гонконг без всяких разрешений. Вероятно, семейство Пун боялось, что попадет под подозрение: зачем им столько кости? Конечно же, они камуфлировали масштаб проблемы от тех, кто силился раскрыть ее, — таких, как вот мы. Но у меня было смутное чувство, что имелась еще одна причина для появления подставных лиц, но какая, нам еще не было ведомо.

На следующий день мы поснимали кое-что в аэропорту и вокруг него, и в сотрудничестве с компанией «Бритиш Каледониэн» засняли прилет их самолета из Дубая — наш человек в Лондоне, работающий бортпроводником, сообщил нам, что именно этот маршрут получил у экипажа самолета негласное название «Великий костяной путь».

Во второй половине дня у меня состоялась встреча с молодой журналисткой по имени Цань Шук Ва из еженедельника «Азия уик». Ее нам устроил коллега из Лондона. Шук Ва готовила крупный материал по торговле слоновой костью, и мы согласились, что это будет неплохой шанс дать ход тому, что мы узнали. Я честно рассказал ей о целях нашего визита, и, взяв с нее слово нигде не упоминать ЕИА, мы дали ей копии с исследований Чармиэн и результатов наших открытий в Дубае. Шук Ва горела желанием использовать и наши фотографии. В конце концов, они послужат наилучшим подтверждением наших целей и усилят впечатление от ее статьи. Я, правда, колебался — с одной стороны,

было бы глупостью не использовать снимки, которые могли бы помочь делу ЕИА, но с другой, если бы сейчас нас раскусили, можно было бы ставить крест на наших дальнейших расследованиях. Была, однако, надежда, что сотрудничество с ЕИА принесет свои плоды. Так оно и случилось. Первый такой случай произошел почти немедленно.

— Как вы смотрите на то, чтобы встретиться с торговцем, который участвовал в дубайском деле? — спросила Шук Ва.

— Охотно. А пойдет ли он на разговор с нами?

Шук Ва ответила мне с деланной улыбкой:

— По-моему, мне удастся уговорить его рассказать вам об этом.

Мы назначили встречу в ресторане. Мистеру Хангу — назовем его так — было под тридцать; он нервничал и был явно смущен очарованием Шук Ва. Она представила меня как режиссера коммерческого фильма и убедила его заговорить.

То, что он собирался сказать, выглядело до крайности интересным. По его словам, он работал некоторое время в Дубае у семейства Пуна. Он с партнером снабжал фабрики в Джебель-Али рабочей силой и оборудованием. В обязанности же Джорджа Пуна входило оплачивать аренду фабрики, ладить с дубайскими властями и добывать для фабрик кость-сырец. Всё сказанное точно совпадало с тем, что мне уже было известно. Он подтвердил, что в Дубае четыре-пять косторезных фабрик, в том числе две — в собственности Джорджа Пуна в Джебель-Али.

Что же касается работы Ханга непосредственно с костью, то, как он сам сказал, степень его участия много меньше, чем у Пуна. Хотя он не имел непосредственного отношения к браконьерству, его операции едва ли можно было назвать легальными. Он уклончиво называл их «фокусы бизнеса». Один из них —

ввоз кости в Гонконг на свое имя, а не на имя своего производства. В этом случае он избегал уплаты налога на бизнес. Но недавно очередная проделка ему с рук не сошла. Один из грузов кости был конфискован властями.

— Да разве он был нелегальный? — спросил я.

— Да в том-то и дело, что не был, — возмущенно сказал он, — это были полуфабрикаты из Сингапура. По моему, кто-то под меня копает. За что, неизвестно. Все так выписывают грузы из Сингапура.

— Вы могли бы объяснить это мистеру Кэрри? — настаивала Шук Ва. Она блестяще выдаивала из него нужную нам информацию. Если бы не ее женское очарование, он ни за что не рассказал бы нам столько.

Он осторожно наклонился ко мне с противоположного края столика.

— Штука в том, что в Сингапуре имеются крупные склады кости, конфискованной у браконьеров, — сказал он. — В 1986 году они получили амнистию КИТЕС. Я покупаю, сколько надо, на этом складе и получаю на эту кость вполне легальные документы. Затем я подвергаю ее обработке в Сингапуре и пересылаю в Гонконг уже без документов, потому что на обработанную кость они не требуются. В общем, кость отправлена, а разрешение на вывоз из Сингапура остается у меня на руках. Так я под это покупаю необработанную контрабандную кость, обычно из Дубая, и везу к себе по этим документам.

Он простер ладони, как бы ища сочувствия. «Ну и что в этом такого?! — как бы хотел сказать он этим жестом. — Просто умная уловка!»

Да, так оно и было. Это значило, что разрешения КИТЕС можно было использовать для отмывания браконьерской кости путем ввоза в Сингапур, а оттуда уже в Гонконг. На складе в Сингапуре было 270 тонн кости. Сколько же еще тонн кости прошло по разрешениям, выданным «по амнистии»? Вдвое больше?

В десять раз больше? Кто знал! Разрешения предъявлялись только в том случае, когда кость попадала на глаза властям. Для контрабандистов они были прикрытием. В общем, сингапурская «амнистия» стала открытым приглашением для ввоза контрабандной кости на Дальний Восток. Это обстоятельство, равно как и деятельность дубайских фабрик, делало очевидным, что торговцы костью хорошо наладили пути обхода контрольной системы КИТЕС. А раз так, то полное истребление слонов было вопросом очень короткого времени.

— Вы готовы были бы повторить все сказанное перед кинокамерой? — спросил я Ханга.

В ответ он что-то забормотал по-кантонски.

— Он говорит: нет, — перевела Шук Ва. — Он боится, потому что до сих пор судится с властями из-за конфискованной у него кости.

«Черт возьми! — подумал я. — Каким бы ценным оружием в нашем арсенале стало добровольное признание торговца перед кинокамерой».

Тут я вспомнил, что к августу гонконгские власти пообещали закрыть основную лазейку. После этого даже для полуфабрикатов из слоновой кости, ввозимых в Гонконг, потребуются разрешения.

— А что вы и ваши коллеги намерены делать с августа месяца? — спросил я. — Ведь больше-то этот фокус проходить не будет.

Ханг пожал плечами.

— Попробуем ввозить необработанную кость в Сингапур через Малайзию.

— Почему именно через Малайзию?

— Сингапур и Малайзия соединены плотинной, куда очень легко пронести кость. В этом случае маловероятно, что таможенники перехватят ее.

— А как насчет полуфабрикатов? Тоже будете ввозить в Сингапур или вы считаете, что, как только

закроется лазейка, закроются и фабрики в Дубае?

Похоже, что Ханга ничто не волновало.

— А пусть даже так! Но есть еще косторезные фабрики — в Тайване и Южной Корее. Мы к Дубаю не привязаны. И даже если все фабрики закроются, мы все равно найдем пути, — доверительно улыбнулся он.

...Масштабы этой операции по-прежнему потрясали меня. Когда мы начинали расследование, я думал, что нам придется иметь дело пусть с множеством, но контрабандистов-дилетантов, а оказалось, что мы вышли на профессиональную международную сеть. Как же могло случиться, что КИТЕС не знает о ее существовании? Это не укладывалось в голове.

Глава шестая

Дейв

Настало время для встречи с самим Пун Тат Хонгом. Дилемма заключалась в том, как к нему подступиться. Если он откажется от разговора, если укажет на дверь, нечего и думать пытаться второй раз. В какие же часы лучше попробовать подойти? С каким выражением на лице? Какими словами представляться? А что, если до Пуна дошли слухи о нашей деятельности в Дубае и он только и поджидает нас, чтобы заманить в засаду?

Мы дискутировали целый вечер и, в конце концов, выработали вот какой подход. Я вхожу в магазин один и без доклада и пытаюсь «заловить» Пуна, когда он один и без охраны. Даже если он откажется разговаривать со мной, возможность попытаться счастья останется у Клайва и Чармиэн.

В дневное время Камерон-роуд не выглядела так зловеще, как ночью, когда я увидел ее в первый раз. Я назначил свой поход на одиннадцать утра, полагая, что в это время легче всего застать кого-нибудь в офисе как раз перед ленчем. Дважды я прогулялся мимо двери магазина, протирая объектив и готовя себя психологически. Внутри магазин был ярко освещен, и сквозь стеклянную дверь я разглядел толстого-претолстого китайца, сидящего за конторским столом в

дальнем углу магазина. Я вспомнил, как мистер Икс с улыбкой описал мне Пуна: «Бо-о-льшой мужик!» Похоже, это он и был. У двери, возле витрины с изделиями из кости, хлопотали продавец и продавщица.

Я шагал мимо двери уже третий раз. Следующий раз вызвал бы ко мне нездоровый интерес. Я собрался, напустил на себя вид непосвященного киношника-иностранца и толкнул дверь.

Как мог, доверительно улыбнувшись продавщице, я двинулся решительным шагом мимо неё к толстяку за столом и протянул ему руку:

— Мистер Пун? — Толстяк взглянул на меня с явным изумлением и протянул руку в ответ. Блестяще воспользовавшись фактором внезапности, я по-домашнему пожал ему руку.

— Рад видеть вас, — продолжил я, — меня зовут Дейв Кэрри. Я из Лондона. Продюсер компании «Бокс Филмз». Мы снимаем фильм о торговле в Гонконге, с особым упором на то, что будет после 1997 года, когда Гонконг перейдет под юрисдикцию Китая. — Я сделал паузу, чтобы набрать воздуха, и вручил ему карточку «Бокс Фильма».

Он без звука протянул мне свою. Я быстро рассмотрел ее — на ней значилось три адреса: магазина в Гонконге, фабрики в Гонконге и парижского магазина «Тат Хинг Айвори». Я тщательно запрятал карточку в карман своей рубашки.

Видно было, что Пун Тат Хонг пришел в некоторое замешательство. Бравый англичанин врывался с приветствиями к нему на его же территорию не каждый день. Он и в самом деле был куда более пухлым по сравнению со средним жителем Гонконга и неэлегантно развалился в своем кресле. Видно, мое имя не вызвало у него нездоровой реакции, хотя он старался вести себя так же наступательно, как и я.

Я продолжил свой монолог о фильме, который мы якобы делали. Мне самому надоело повторять эту легенду как заученный текст.

— Мы потому заинтересовались слоновой костью, что считаем, что от нее фильм больше выиграет, чем от показа сплошных рядов контейнеров. Нам надо больше местного колорита, — объяснил я.

Пун делал вид, что ничего не понимает.

— Я слышал, что вы — самый крупный импортер?

Глаза Пуна сузились так, что он стал похож на поросенка.

— Я не импортирую кость. Я только торгую ею. Поговорите лучше с крупными торговцами. — С этими словами он собрал бумаги на своем столе так, что я не мог ничего прочесть. — Вот, например, Мэн Хинг или Нэтэн Айвори. Они ввозят много. У них фабрика площадью в Две тысячи квадратных футов. Вот. — Он записал на листке бумаги два номера телефона и толкнул листок ко мне. — Пойдите и поговорите с ними.

Я рискнул сделать еще ход.

— Да, но многие люди говорили мне, что вы самый крупный импортер.

Он бросил на меня холодный взгляд.

— Да нет. Только чуть-чуть из Японии.

Было самое время сменить тему разговора. Я взглянул на полку, размешавшуюся позади него.

— Вот это действительно великолепные вещи, особенно «шар в шаре». Да как вообще такое могут руки человеческие? — Ответа не последовало, но, несмотря на это, я продолжал: — Мне бы очень хотелось поснимать в магазине, если позволите привести сюда киногруппу. А можно и на фабрике? — Только теперь я перевел дыхание.

— Посмотрим, — сказал Пун.

Он набрал номер телефона и начал что-то щебетать на кантонском диалекте. Сохраняя самую безмятежную

улыбку, я осмотрел магазин. Продавщица улыбнулась в ответ, как может только уличная женщина, завлекающая клиента. Взглянув на соседний стол, я увидел там авианакладную со знакомым текстом. Я переменял позу, чтобы было не слишком заметно, как я вытягиваю шею. Я обратил внимание на адреса отправителя — Сингапур, улица Фабер Крещент, 57 — и получателя — Чэн Пик Ва, Юэнь-Лонг, Гонконг. Второй адрес я узнал. Это был частный дом в Новых территориях, а получатель — подставное лицо. Стало быть, Пун также получал кость через Сингапур. Интересно, он тоже, как и мистер Ханг, прибегал к «фокусам бизнеса» вроде повторного использования разрешений? Я запомнил сингапурский адрес.

Пун положил трубку. Мой интерес к авианакладной не ускользнул от его внимания. Он подхватил ее и откровенным жестом сложил.

— Съемку в магазине не разрешаю, а на фабрике можно, — коротко сказал он.

Это едва не застало меня врасплох. Я был совершенно уверен, что он вообще не пойдет на контакт.

— Прекрасно, — сказал я. — Я сообщу своей киногруппе, и мы скоро вернемся.

Клайв и Чармиэн ждали на Нэтэн-роуд, как раз за углом; но, к нашему разочарованию, когда мы вернулись втроем, Пун Тат Хонг исчез. Он явно не был расположен сниматься. Вместо него нас встретил служащий, который быстро вывел нас из магазина. Он провел нас по улице мимо нескольких дверей и затем вверх по шатким ступенькам. Пройдя за ним через дверной проем, мы услышали столь знакомую нам по Дубаю какофонию бормашин и китайской музыки. Я вынул визитку Пуна из кармана рубашки. Адреса этой фабрики на ней не было. Хотел бы я знать, сколько еще

вот таких полуподпольных производств работает на Пуна.

Служащий повел нас по фабрике. Она состояла из двух цехов, в которых резчики трудились за станками, вырезая при помощи бормашин несложные узоры. В третьей комнате, как я догадался, помещался офис. Через дверь туда-сюда ходила китаянка, всякий раз тщательно закрывая дверь за собой.

Пока Клайв готовил к работе кинокамеру и подсветку, рабочие смотрели на нас в напряжении — наш визит как-то разнообразил монотонность их рабочего дня. Как и всегда, кинокамера произвела магический эффект; каждый готов был участвовать и позировать.

— Так, спасибо. Еще раз так, — распорядился Клайв, что явно доставляло ему удовольствие. Пока он и Чармиэн снимали на киноплёнку, я ходил по цехам, фотографировал и пытался заговаривать с персоналом. На полу большего цеха стояла внушительная коробка с наполовину выточенными фигурками; на коробке была наклейка авиакомпании «Бритиш Эйруэйз». Я наклонился, чтобы рассмотреть поближе. Коробка пришла из Сингапура — все больше улик, связанных с этой страной! Очевидно, на каком-то этапе надо было отправиться туда.

— Откуда вся эта кость? — спросил я одного из резчиков.

— Из Африки, — ответил он с натянутой улыбкой.

— Понимаю, что из Африки. Но почему через Сингапур? — Я показал на наклейку «Бритиш Эйруэйз».

Лицо рабочего побледнело; он пожал плечами и пробурчал:

— Я всего лишь резчик.

Судя по всему, рабочие были кем-то тщательно проинструктированы. На мой вопрос: «Откуда кость?» — все отвечали одинаково.

Я остановился, чтобы сфотографировать фигурки в коробке. Когда я вновь выпрямился, китайка появилась вновь и направилась к офису.

— Простите, могу ли я снять вас за рабочим столом? — заискивающе спросил я. — Видите ли, деловая сторона тоже должна быть отражена.

Она подозрительно взглянула на меня.

— Нет, нельзя! — бросила она. — В офисе нельзя! — И захлопнула за собой дверь.

Я принялся фотографировать рабочих, вырезавших более сложные орнаменты на заготовках. На мой взгляд, они были отвратительны до безобразия. Я и представить себе не мог, что кто-то возьмет такое в дом. На полу в углу валялась куча бивней, и я отправился туда сфотографировать их. Никаких маркировок на них не было. Или это были бивни с очень старого склада — до 1986 года, или это была кость, добытая браконьерами. Сзади, на белой стене, были небрежно написаны фломастером послания на английском и китайском языках, а также номера телефонов. Я быстренько записал кое-что себе в блокнот и сделал пару снимков.

Клайв и Чармиэн, явившиеся из меньшего цеха, стали снимать рабочих, трудившихся рядом со мной. Клайв склонился ко мне, чтобы я посмотрел в видоискатель его камеры, и спросил:

— Ну, что ты скажешь, Дейв?

— Классно! — воскликнул я, а затем перешел на шепот: — Она не пустила меня в офис. Не могли бы вы с Чармиэн как бы невзначай зайти туда и посмотреть, что там делается?

— О'кей. Прекрасно. — Затем уже вслух, чтобы услышали все рабочие, добавил: — Попробуем под другим углом.

Чармиэн склонилась к Клайву, не выпуская из рук магнитофона «Награ», и краем глаза я увидел, что они о

чем-то перешептываются. Затем я решил отвлечь резчиков, вызвав их внимание на себя. Я сделал несколько вспышек и скомандовал: «Держитесь естественнее!» По этой команде все, как один, замерли, а я на это и рассчитывал. Клайв и Чармиэн проскользнули за их спинами к двери офиса.

— Еще несколько снимков, — сказал я, не будучи уверен, сколько рабочих поняло, чего от них хотят. Клайв между тем скользнул в дверь. Чармиэн за ним.

— Прекрасно. Замечательно. Великолепно. Еще немного...

Вдруг раздался дикий крик. Чармиэн и Клайв были вышвырнуты из офиса той самой китайкой, с которой я беседовал. Она была явно взбешена вторжением непрошенных гостей; вынув из кармана ключ, заперла офис и в гневе вышла из комнаты. Клайв и Чармиэн сохраняли на лицах невинность и удивление, как будто они и в самом деле вторглись туда по ошибке.

— Похоже, она не слишком-то польщена. — Я заметил, что Чармиэн часто-часто моргает.

— Да нам и этого с лихвой хватило для съемки, — пробормотал Клайв.

— Мы видели шесть ящиков, и все на адрес того дома, что мы видели в Новых территориях.

— А там что?

— Да все больше браслеты и печати. Видно, они приносят самые большие барыши.

В этот день я еще раз прошел по Камерон-роуд и зашел в магазин «Тат Хинг Айвори», чтобы поблагодарить Пун Тат Хонга за помощь. Я не видел ничего зазорного в том, чтобы поддерживать с ним дружеские отношения, пока нас не раскрыли. Пуна не оказалось на месте, но я увидел мужчину, распаковывавшего ящики с полуфабрикатами из кости: это были только что выточенные заготовки для статуэток, на которых еще предстояло нарезать

сложный орнамент. Он взглянул на меня, как испуганный кролик; по лицу его было видно, что он чувствует, что виноват. Полный контраст доверительному отношению Пуна накануне. Я пристально посмотрел на ящики. На них значилось имя Чэн Лим То — это был тот самый человек, который держал магазин по продаже гидравлического оборудования в Коулуне, а на досуге выполнял функции подставного лица. То есть и этот груз, как и тот, что мы видели на фабрике, был направлен не прямо Пуну, а через посредника. Но ведь импорт полуфабрикатов в Гонконг по-прежнему не требовал никаких разрешений. Почему же Пун стремился так тщательно замаскировать след? Этот вопрос требовал тщательного расследования; я задумался над этим еще тогда, когда мы побывали возле дома в Новых территориях.

Теперь человек лихорадочно убирал изделия обратно в ящик, тщетно пытаясь заслонить их от моего взгляда. Пока я наблюдал за ним, мне вдруг на ум пришла гипотеза, для чего необходимы эти подставные лица. Возможно, братья Пун обкатывали эти новые пути в предвкушении ликвидации лазеек в августе месяце? Если они хорошо отладят дорогу через Новые территории, они смогут спокойно продолжать ею пользоваться и после августа, втайне от посторонних глаз. А если бы они сейчас ввозили тонны полуфабрикатов легально, то их вывели бы на чистую воду, когда потребуются разрешения. Если бы они только тогда начали пользоваться конспиративными квартирами — значит, им резко пришлось бы уменьшить количество легально ввозимой кости. А кто-то из чиновников непременно заметил бы, что объем продаж кости семейством Пун не уменьшился, и быстро бы вычислил, в чем дело.

Как рассказывал нам мистер Икс, члены семьи Пун были хитрыми делягами. Если моя теория оказалась бы

верна, значит, в их силах обойти любой закон и продолжать отмывать контрабандную кость.

* * *

Наши результаты были еще более успешны, чем я ожидал. Киноматериал, отснятый в Гонконге, столь удачно состыковался с отснятым в Дубае, что материалы об операциях Пуна можно было бы положить в канву фильма. Жаль, конечно, что сам Пун Тат Хонг отказался позировать перед камерой, но наша главная цель была достигнута.

На следующий день Чармиэн и Клайв упаковали оборудование и документы и сели на первый же рейс до Лондона. Я смог достать билет только на вечер следующего дня, и тоже паковался, когда зазвонил телефон. Это была Шук Ва из «Азия уик».

— Сегодня я брала интервью у Пуна. Боже, как с ним трудно! Как вы насчет позавтракать? У меня есть кое-что для вас интересное.

За ленчем в ресторане на Нэтэн-роуд Шук Ва рассказала мне, как она с фотографом из «Азия уик» вошла без доклада в магазин «Тат Хинг Айвори». Она объяснила, кто они и зачем пожаловали, но через несколько минут Пун догадался, что разговор записывается на пленку.

— Он попытался позвать своего юриста! — засмеялась она. — К счастью, мне удалось успокоить его. Но в конце мне удалось его разговорить. По-видимому, он решил при моей помощи разделаться с конкурентами. Он наговорил мне массу всего о нескольких других торговцах, использующих браконьерски добытую кость. Я посвящу вас в детали. Но главное, зачем я вас сюда позвала, — чтобы рассказать кое-что интересное о КИТЕС. — Шук Ва

видела, что задела мое любопытство. — Он предположил, что существуют некие разногласия в рамках самой КИТЕС.

Шук Ва дала мне расшифровку записи разговора с Пуном. Когда журналистка ушла, я перечитал запись снова. В последнем абзаце Шук Ва заметила, что перед самым уходом из магазина ее фотограф попытался снять Пуна, но тот запротестовал, таинственно сказав: «Люди не любят, когда их выставляют напоказ. Равно как и свиньи не любят, когда их кормят на убой!»

— Если ЕИА доведет дело до конца, снимки Пун Тат Хонга увидит весь мир. Самая натуральная свинья, да еще раскормленная на убой, — сказал я с облегчением и взял чемоданы, чтобы лететь домой.

Глава седьмая
Ноябрь 1988
Кения

Эллан

Статья о браконьерской охоте за слоновой костью появилась в «Азия-уик» как раз в августе 1988 года. Лишь немногим было ведомо, кто сделал опубликованные без подписи снимки косторезных фабрик Пуна в Дубае. В среде участников движения за сохранение природы было немало забавных (для нас, конечно) споров, кто же мог отважиться на такое.

Вскоре после этого я ушел с поста исполнительного директора «Гринпис» и всецело отдался работе в ЕИА. Это значило, что теперь мы сможем провести кампанию в защиту слонов по всем пунктам и начать планировать путешествие в Африку. Но этот континент слишком велик по размерам. Мы решили сосредоточить внимание на Восточной Африке, о которой у нас было больше всего информации. С тех пор, как Дейв вернулся из Гонконга, до нас дошли новости, что братья Пун основали новую косторезную фабрику в Кисингани, на севере Заира. Это была одна из возможных точек. Другой была Бурунди, страна, до сих пор не присоединившаяся к КИТЕС и потому могущая быть перевалочным пунктом для значительной части браконьерски добытой кости, которая шла в Дубай.

Но нашей начальной точкой должна была стать Кения. Не только потому, что она понесла особый урон

от браконьеров, но и потому, что там живет немало видных борцов за охрану живой природы. Встречи с ними дали бы нам куда более ясную картину того, что же на самом деле происходит. Так уж совпало, что рабочая группа КИТЕС по африканским слонам должна была впервые собраться в Найроби как раз во время нашей поездки. Эта группа была образована в 1987 году с целью наблюдения, чем чревата торговля слоновой костью и какие в связи с ней возникают проблемы. На встречу были приглашены лишь немногие участники борьбы за охрану живой природы даже в качестве наблюдателей, но я все же надеялся, что как-нибудь пробьюсь туда.

Клайв не поехал на сей раз, потому что мы решили, что правильнее будет выступить под маской простых туристов, нежели профессиональной киногруппы. Дело в том, что съемки дикой природы находятся в большинстве африканских стран под строгим контролем, и поэтому мы взяли с собой только видеокамеру-«восьмерку», которую нам одолжила компания Ай-ти-эн, с надеждой, что она сойдет за любительскую. Мы убедили милейшую Рос Рив провести с нами каникулы, помогая нам. Рос, защитившая докторскую диссертацию по микробиологии, была превосходным фотографом и помогала ЕИА проводить фотосъемки истребления китов у Фарерских островов в 1986 году. Кроме того, она свободно говорила по-французски, что было весьма полезным в Бурунди. И снова наша неутомимая покровительница Кристина Стивенс пустила шапку по кругу, обратившись к различным американским группам за денежной помощью для нас. Именно она настояла на том, чтобы мы начали этот проект, и теперь не могла допустить, чтобы он остановился из-за недостатка средств.

Не знаю, что на меня нашло, но за несколько дней до нашего отъезда я написал завещание, оставляя свои

жалкие сбережения немногим друзьям; я также написал письмо в банк с требованием перевести мой вклад на счет ЕИА «в случае чрезвычайных обстоятельств». Я передал оба документа Дженни на хранение. Уже потом мне стало известно, что и Дейв, обеспокоенный невысказанными предчувствиями, написал завещание перед отъездом.

Дейв

Найроби странным образом балансирует на грани двух культур; африканские корни переплетены в нем с европейским влиянием, привнесенным в колониальную эпоху. Нигде контраст между двумя цивилизациями так не бросается в глаза, как из окна такси по дороге к дому Йена Дугласа-Гамильтона, расположенному в найробийском районе Лангата.

По окраинам Найроби дороги забиты маленькими переполненными автобусами, которые чадят черным выхлопным газом, когда высаживают темнокожий люд в убогих кварталах. Но по мере приближения к Лангате пейзаж меняется: вы проезжаете элегантные домики, в которых шесть, а то и восемь спален; почти все они охраняются сторожами с собаками и окружены неприступными заборами. Многие из белокожих кенийцев, с которыми у нас предстояли встречи в ближайшие недели, жили в этой благополучной части города.

Когда мы въехали в пределы Лангаты, я обратил внимание, что наш шофер осматривается с любопытством.

— Не правда ли, шикарный район? — сказал я.

— Да, сэр, — согласился он, кивнув головой. — Я сюда заезжаю не так уж часто.

Дом, в котором жили Йен и его жена Ория, журналистка, был не так кичлив, как его соседи. Он был построен из дерева, а не из кирпича или камня, и не имел ограды по периметру. Хозяева оказали нам теплый прием, тем более что последний раз мы виделись с ними не далее как на встрече в Оттаве 16 месяцев назад.

Йен и Ория посвятили свою жизнь изучению африканского слона и за последние 15 лет написали много книг и участвовали в съемках многих фильмов о дикой природе. Недавно они выступили с публичным осуждением торговли слоновой костью, приводящей к исчезновению слонов, за что были подвергнуты остракизму рядом других экспертов, которые более симпатизировали торговцам. За бокалом холодного лимонада мы поведали чете Дуглас-Гамильтон о ваших открытиях в Дубае и Гонконге. Супруги Дуглас-Гамильтон слушали нас с большим интересом.

— Так с какой целью вы приехали в Кению? — спросил Йен, когда сюжет о семье Пун был в основном исчерпан.

— Мы решили, что настало время больше узнать о торговле костью в самой Африке, — ответил Эллан, — мы хотели пойти по следам, о которых мы знаем.

— И хорошо бы поснимать слонов — и живых и мертвых, — вставил я. — Мы хотим добыть достаточно документального материала, который вывел бы на чистую воду браконьерскую охоту за слоновой костью.

Видно было, что Йен засомневался.

— Вы знаете, что вам не разрешат снимать в национальных парках Кении? Правительство сейчас очень блюдет этот запрет. Оно не допускает туда киногруппы, — с иронией улыбнулся он, — могут запросто вытурить туристов из парка, если застукают. Но в любом случае вам не разрешат удаляться от дороги и въезжать в заросли, где и происходит больше всего случаев браконьерства.

Подытожив полученную информацию, мы решили первым делом завести связи в Найроби. Один из тех, с кем мы беседовали, был гид, чей заработок зависел от того, будут ли туристы приезжать смотреть дикую природу и в особенности слонов.

— Теперь хоть плачь, — пожаловался он. — Два месяца назад я был в лагере, и ранним утром мы увидели из нашего лагеря стадо слонов. В половине седьмого я услышал от сорока до пятидесяти выстрелов. Когда рассвело, мы увидели четырех убитых слонов, лежащих в ряд. Бивни у всех были вырублены.

— Как часто вы сталкиваетесь с подобными картинами? — спросила Рос.

— Очень часто. Постоянно только об этом и слышишь. Теперь на вооружении у браконьеров автоматическое оружие — автоматы «АК-47». Они не дают себе труда даже прицелиться, чтобы застрелить животное. Они просто поливают слонов градом свинца и ждут, пока те свалятся. Они не упустят случай.

— А как насчет местного населения? Хотят ли они охранять слонов?

— Некоторые — да. Дикая природа — часть их традиций. Но традиции меняются со временем. Недавно я встретил семнадцатилетнего воина из племени масаи. Мы сидели у костра и разглядывали мой новый кожаный «дипломат»; на нем были картинки пяти крупных диких животных. Он сказал мне, как их называют сами масаи. Но вот носорога он узнать не мог. Боюсь, что они скоро забудут, как выглядят слоны.

Теория ВВФ, что африканцы не хотят запрета на торговлю костью, начала трещать по швам. Здесь, в Кении, где браконьерство ставило под удар благосостояние местного населения, мы слышали очень мало слов в защиту торговли костью. Похоже, даже официальная точка зрения была в пользу запрета. Ричард Лики, известный антрополог и председатель Общества по защите природы Восточной Африки (ЕАВС) недавно обвинил министра природы и туризма в медлительности в борьбе с браконьерами. Директор ЕАВС Неэмия Арап Ротич занимал ту же позицию, что и председатель. «Я лично считаю, что следует ввести

мировой запрет на торговлю костью по крайней мере лет на двадцать», — сказал он в частной беседе с нами.

Другая группа — Группа защиты природы при Африканском национальном географическом обществе — также поддерживала эту точку зрения. Ее руководитель Симон Мучиро сказал нам, что их ученый комитет, представленный 37 странами, предложил международный запрет на торговлю костью, пока популяция слонов не будет восстановлена. Похоже, что африканцы стоят-таки за запрет, хотя ВВФ утверждает обратное, Это не первый на нашей памяти случай, когда выводы ВВФ вызывающе не соответствовали действительности.

* * *

Толпа американцев, увешанных фотоаппаратами и видеокамерами, стояла кругом, боясь сделать шаг. Городской люд, перенесенный за одну ночь в стихию дикой африканской природы, никак не гармонировал с ней. Глядя на них, мы поняли, какими странными мы, должно быть, выглядели в глазах коренных жителей Кении. В двадцати футах от нас два слоненка и два черных носорожка резвились в лучах вечернего солнца.

Все мы были гостями знаменитого питомника Дафны Шелдрик для осиротевших слонят в национальном парке Найроби. Дафна и ее дочь Джилл посвятили себя выхаживанию детенышей слонов и носорогов, которых пощадили браконьерские пули только потому, что у них еще нет ни бивней, ни рогов. Впрочем, как нам объяснила женщина-гид, легко сказать — «пощадили»...

— В дикой природе осиротевший слоненок живет не больше двадцати четырех часов без матери, — объяснила она, — если он сразу не попадает в когти

львов, то гибнет от солнечных ожогов без материнской тени.

Дафна показала себя блестящим пропагандистом. Видя, что сердца туристов умиляются при виде молодняка, она рассказывала им о быстром сокращении поголовья слонов из-за браконьерства и демонстрировала фотоснимки, свидетельствующие, в каком шоковом состоянии порой находились осиротевшие слонята, когда их обнаруживали; их подбирали, лишь убедившись в том, что все взрослые члены семьи перебиты. Ведь в слоновом обществе каждый более слабый его член — будь он юным или старым — получает поддержку и защиту более сильных. Некоторые из слушающих приходили в ужас от услышанного. Видно, они и понятия не имели о браконьерстве. Если бы мы смогли вызвать ту же реакцию, но в мировом масштабе, наша цель была бы достигнута.

Мы спросили, можно ли переговорить с Дафной с глазу на глаз, и она пригласила нас к себе, когда экскурсия была окончена. Дафна, седовласая пышная женщина, самый облик которой излучал готовность к заботе о ближнем, встретила нас с улыбкой. У задней двери играл со служителем крошечный слоненок.

— Это Файона, — гордо сказала Дафна, — она у вас только неделю. Она — самый маленький детеныш, которого мне удалось спасти, потому что только недавно мы разработали рецепт питательной смеси, вполне заменяющей молоко слонихи.

Мы рассказали Дафне, что представляет собой ЕИА, и объяснили, что хотим снять фильм, направленный против торговли костью.

— Нам надо сохранить цель нашего визита в тайне, если вы не возражаете, — попросил я.

— Прекрасная мысль, — ответила Дафна, — я расскажу вам, что делается в Кении. Но сначала вы

расскажите, что вам самим ведомо о торговле костью.

Дафне не привыкать работать с прессой. Непосвященные киношники ходили за ней табунами, чтобы — заметьте, за дешевую плату — заснять слонят в ее питомнике. Первоначально ей и в голову не приходило, что у нас совсем другие цели. Но когда мы рассказали ей, что уже побывали в Гонконге и Дубае и разрабатываем масштабную кампанию за всемирный запрет торговли костью, в ее холодных голубых глазах вспыхнуло оживление, и она стала говорить с нами более серьезно.

— Пойдемте-ка на веранду, выпьем пива, — предложила она.

Мы пошли за хозяйкой через весь дом на открытую веранду, выходящую на пруд. Семейство бородавочников носилось по саду в лучах вечернего света, подняв хвосты трубой. Дафна внесла поднос с бокалами пива, и к нам присоединились ее дочь Джилл и бойфренд этой последней, по имени Жан-Франсуа.

— Так. Вы хотите знать, что творится в Кении, — сказала Дафна. — Знайте, что ситуация очень серьезная. Я регистрирую каждый обнаруженный случай браконьерства в национальном парке Цаво. Только за этот год убито более тысячи слонов. Теперь в парке осталось, по-видимому, не более десяти тысяч. Организованное преступление — двух мнений быть не может.

— Дело рук местных? — спросил я.

Дафна пожала плечами.

— Иногда да. Подозреваю, что замешан кто-то из егерей. Но чаще всего — дело рук «шифты»: бандитов из Сомали. Они прекрасно вооружены и ходят на дело бандами. Как видите, у нас нет эффективной силы, чтобы противостоять им. К сожалению, министерство природы и туризма не может заработать достаточно денег для защиты природы.

— Вы хотите сказать, что ничего не делается, чтобы остановить браконьерство? — спросила Рос.

— Ровным счетом ничего, — подтвердил Жан-Франсуа. — Более того, в настоящее время власти заявляют, что нет никакого браконьерства, чтобы не отпугнуть туристов.

— Именно это нам сказал и Йен Дуглас-Гамильтон.

— Вы что-нибудь слышали о семействе Пун? — спросил я Дафну.

— Да, конечно, наслышана. Торговцы костью, черт бы их побрал. Большой вопрос — массовый спрос на кость. Единственный способ оставить без наживы таких бандитов, как Пун, из-за которых гибнут наши слоны, — закрыть рынок слоновой кости. Запретить продажу кости во всем мире, раз и навсегда.

Я взглянул на Эллана. Та же мысль пришла в голову нам обоим.

— А что, Дафна, согласились бы вы рассказать все это перед кинокамерой? — спросил Эллан. — Будет ли это безопасно для вас — призвать к запрету на торговлю костью?

Лицо Дафны расплылось в широкой улыбке.

— Что за вопрос! Конечно же, выступлю!

Мы договорились назначить съемки завтра утром и обговаривали уже детали, когда на кухне раздался треск. Дафна вскочила:

— Подождите немного. По-моему, Файону пора кормить.

Мы пошли за ней и обнаружили, что слоненок, изголодавшись, обнюхивал полки на кухне у Дафны.

— Нам надо поить ее из бутылочки каждые четыре часа. Она знает когда, — объяснила Дафна, тщательно размешивая в кувшине порошок с водой. — Один из слугителей так и ночует прямо у нее в стойле: в этом возрасте их нельзя оставлять одних. В дикой природе слоненок всегда под боком у матери и они касаются

друг друга. Физический контакт крайне важен для детенышей — видимо, он сообщает им волю к жизни.

Складывалось впечатление, что в глазах Дафны возня слоненка на кухне была в самом что ни на есть порядке вещей.

На следующий день мы начали снимать. По нашему убеждению, интервью с Дафной дало бы наибольший эффект, если наложить его на эмоциональное восприятие осиротевших слонят плюс дополнить его некоторыми подробностями о браконьерской охоте. Ну а остальное было делом техники.

В это утро Файона была особенно шаловливой. Ее попечитель Джон приволок ей для игры старую камеру от трактора да зонтик; она уселась на камеру и стала катать хоботом зонтик вокруг нее. Пока Эллан снимал видеокамерой, я и Рос снимали фотоаппаратом. Я заметил у Файоны на спине пятна от ожогов.

— Она сильно обгорела на солнце, когда мы ее подобрали, — объяснила Дафна. — Обычно слонята находятся в тени слонихи, но поскольку мать ее была застрелена, не осталось никого, кто мог бы защитить ее своей тенью. Эта причина губит немало осиротевших слонят, но Файону-то мы подобрали, надеюсь, вовремя. Видите, ожоги уже начали заживать.

Между тем Файона уже начала выказывать нетерпение, и Джон стащил ее с камеры и повел кормить. Мы последовали за ним и были удивлены тем, что он повел ее к большому полотнищу из брезента, подвешенному между деревьями, как гамак. Там, под брезентом, он протянул Файоне бутылочку, и слоненок, развалившись на спине, с наслаждением схватил соску.

— Под брезентом она чувствует себя надежнее, — объяснил Джон. — Это как под брюхом у слонихи.

Мы были очарованы, как доверяет Файона своему покровителю, заменившему ей мать. Стоило Джону отойти, как Файона переставала играть и тотчас же устремлялась за ним, толкая хоботом.

— Тут еще вот какая трудность, — сказала Дафна, — нельзя, чтобы слоненок слишком привязывался к человеку, его ведь потом выпускать в дикую природу. Какая-то независимость должна быть. Но ведь невозможно не полюбить их, правда?

Когда слоненок окрепнет и отпадет необходимость кормить его из бутылочки, его перевезут в национальный парк Цаво под покровительство тридцатилетней слонихи Элеаноры. Хотя у Элеаноры никогда не было собственного детеныша, у нее блестяще развит материнский инстинкт, и она прекрасно учит малышей добывать себе корм и быть в ладу с дикой природой.

Пока Эллан готовил камеру для интервью, Файона легким шагом подскочила к Дафне, и мы решили: пусть будет в кадре столько, сколько захочет. Дафна привыкла давать интервью перед камерой — преданность делу и искренность в желании защитить слонов звучали в каждой сказанной ею фразе. Она

выразительно и трогательно говорила об осиротевших слонятах и о браконьерстве.

— Нужно сделать что-то, чтобы прекратить спрос на кость. Чтобы удержать американцев, британцев и людей других наций от покупки конечного продукта — изделий из кости. В конечном счете без кости отлично можно обойтись. Но пока спрос на нее сохраняется, слонов в Африке по-прежнему будут истреблять.

Уже вечерело, когда закончили съемки. Дафна ожидала гостей и покинула вас, чтобы встретить их. Перед тем как возвращаться в дом, мы решили еще немного понаблюдать за Файной и поговорить с Джоном. Гостиная была полна, и было ясно, что пропагандистская кампания шла успешно. Я проскользнул вслед за Жаном-Франсуа в задний угол гостиной.

Один из гостей Дафны, плотный мужчина с обветренным лицом, прохаживался по адресу специальных частей кенийской армии, в обязанности которых входила и борьба с браконьерством.

— Вы и представить себе не можете, как они скверно организованы. Никакой подготовки к борьбе с браконьерами. Говорят, что если они сталкиваются с браконьерами, то удирают все как зайцы.

Похоже, что сказанное адресовалось, прежде всего, сидевшей напротив него женщине в шикарном костюме типа сафари.

— Кто это говорит? — тихо спросил я Жана-Франсуа.

— Маркус Рассел, — прошептал Жан-Франсуа в ответ, — он возит гостей на сафари. Ему приходится соприкасаться с торговлей костью. А женщина, которой он все это рассказывает, — Джанет Боулен, жена вице-президента, ВВФ США Баффа Боулена. Она журналистка и хочет надписать материал о слонах. Насколько я знаю, Маркус хочет, чтобы ВВФ изменил свою политику. Возможно, он надеется таким образом

повлиять на них, — подмигнул Жан-Франсуа. — Если бы ему удалось убедить Джанет сосредоточить внимание на этой стороне дела, а не просто написать очередной рассказ про слоненка, это бы нам здорово помогло.

Дафна сидела в углу, внимательно слушая Маркуса; она не могла скрыть потрясения, слушая об увиденных им зверствах. Наконец она сама вставила словечко:

— Маркус говорит, что на востоке Цаво осталась только часть слонов из тех, что были когда-то раньше. Двадцать лет назад их было в парке сорок пять тысяч. Те, что остались, страшно напуганы. Они сбиваются в треугольник между Аруба, Вой и юго-восточной границей, потому что там, где туристы, они чувствуют себя в большей безопасности. Они ведь находчивые животные, не так ли?

Джанет Боулен, по-видимому, согласилась с услышанным и занесла что-то себе в блокнот.

Эллан, Рос и я вышли на веранду, чтобы не слишком обращать на себя внимание. Чуть позже к нам присоединилась Дафна и села возле Рос.

— Если хотите снять погибших слонов, поезжайте в Цаво с Джилл и Жаном-Франсуа, которые отправятся туда в конце недели. Одна из наших помощниц, Лисса Рубен, видела там на той неделе двух убитых слонов. Если хотите, она вам их покажет. У них у всех есть разрешение сворачивать с туристских дорог в заросли. Но держите все это в тайне. И в любом случае не говорите никому, что хотите снимать фильм. — Заговорщицки улыбнувшись, она пошла назад в гостиную, к гостям.

* * *

Мы встретились с Джилл, Жаном-Франсуа и Лиссой в доме у ворот парка, принадлежащем кинооператору

Симону Тревору. Симон снискал, пожалуй, наибольшую известность как автор фильма «Кровавая кость», снятого еще на заре эры браконьерской охоты за костью, в середине семидесятых. В настоящее время он со своей ассистенткой Барбарой работал по заказу телекомпании «Англия» над фильмом из серии «Выживание» о... навозных жуках — к этим созданиям Симон испытывал необыкновенную страсть. К нашему стыду, мы были в полном неведении относительно значения слона для существования жука-навозника, но Симон блестяще просветил нас.

— Знаете ли вы, что в день взрослый слон может наложить четыре кучи по шесть кило каждая? Этого хватает на прокорм сорока тысяч жуков, и здесь же, в навозе, они играют свои жучиные свадьбы.

Симон являл собой сокровищницу знаний о слоновом навозе.

— В нем содержатся семена баобаба и акации; проходя через кишечник слона, семена прорастают. В пищеварительном тракте слона содержится нечто такое, что вызывает химические изменения в семенной оболочке. Не будет в Африке слонов — не будет акаций и баобабов. Как вы думаете, многие ли понимают это?

Весь вечер мы слушали с наслаждением рассказ Симона об экологии Африки и вкладе слона в систему жизни ее дикой природы. Он рассказал нам, что слоны активно участвуют в формировании среды обитания, являясь «краеугольным камнем» в ее системе — от них зависит существование не только жуков-навозников, но и многих других видов. Их вклад в жизнь леса и саванны делает среду обитания других животных менее враждебной для них. Они способны находить воду во время засухи и вырывать ямы, из которых пьют и другие животные. Они прокладывают в непроходимых зарослях тропки, которыми пользуются и остальные звери. Сам облик Африки изменится, если не станет слонов.

Произойдет деградация окружающей среды. Исчезнет разнообразие растительности. Просто, как дважды два, начнется вымирание других видов.

Теперь стало очевидным, что значение слона куда больше, чем стоимость, заключающаяся в его бивнях. Формирование природного баланса Африки шло в течение миллионов лет. Со стороны человека было бы слишком самонадеянным считать, что он может безнаказанно нанести этому балансу ущерб. Результатом предыдущих вмешательств человека в баланс природы являлись голод, засухи, опустынивание частей Африки. Похоже, что мы ничему не научились на этих ошибках.

В доме Симона Тревора царил определенно спартанский дух. Пол из голого бетона. Все убранство — холодильник да кран с холодной водой. Но он принял нас как дорогих гостей. Мы разложили раскладушки и навесили противомоскитные сетки: пора ложиться спать, ведь завтра вставать ни свет, ни заря — и в путь.

Мы были тщательно проинструктированы о правилах поведения в этом доме.

— Умываться до наступления темноты, — посоветовала Лисса, — здесь полно львов.

— Да и гуляя вокруг дома, будьте внимательны, — предостерегла Барбара. — Не далее как на прошлой неделе, когда я принимала душ, на меня напала плюющаяся кобра и, — тут Барбара оскалила зубы, — выстрелила мне струю яда прямо в лицо. К счастью, душ был включен на полную катушку, и яд удалось смыть.

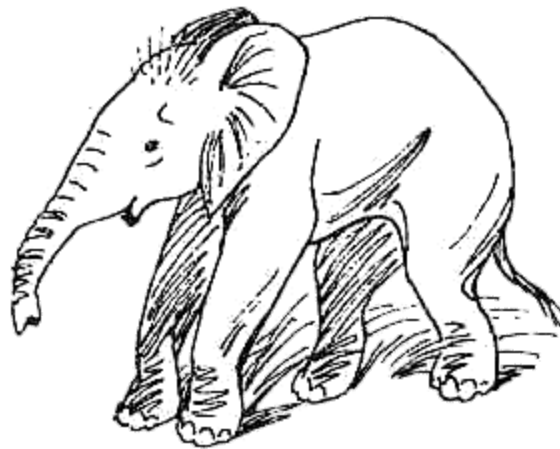
— А если бы нет?

— Ну... Тогда я, наверно, ослепла бы, — спокойно сказала Барбара.

Я решил повременить с походом в душ, пока не рассветет.

* * *

На следующий день, когда мы вернулись с фотографирования двух убитых слонов, было уже темно. Наши лица были покрыты ржавой пылью, мы устали и проголодались, но испытывали чувство удовлетворения. Еще бы: у нас в руках было еще одно свидетельство против браконьерства. Наше дело за запрет торговли костью крепло с каждым днем.

Глава восьмая

Эллан

Мне удалось каким-то образом в последнюю минуту выцарапать у Переса Олиндо приглашение на конференцию рабочей группы КИТЕС по африканским слонам, которая проходила в здании ООН в Найроби.

Своей целью рабочая группа объявила поиски новых путей контроля за торговлей слоновой костью. Участниками конференции были главным образом представители африканских стран — главных экспортеров кости и стран — главных ее импортеров: США, Гонконга, Германии, Китая, Японии. Также были представлены ассоциации крупных торговцев костью. Ну и несколько тщательно отобранных «борцов за охрану природы», отличающихся умеренными взглядами. Были представители от ВВФ, но ни одного полномочного представителя от групп, публично поддерживающих введение запрета на торговлю костью. (Я присутствовал, можно сказать, инкогнито: когда Олиндо сказал, что я представляю «Гринпис», я не стал его разубеждать.)

Когда зам. генерального секретаря секретариата КИТЕС Жак Бернэ посмотрел в мою сторону, я увидел, как он буквально раскрыл рот: он явно помнил меня по состоявшейся за несколько недель до этого встрече, где я открыто представлял интересы «Гринпис». В его

глазах я был возмутителем спокойствия. К счастью, не все смотрели на меня в таком вот свете. Единственный человек, с которым я действительно хотел поговорить на этой встрече, вошел в зал вскоре после того, как вошел я. Это был Йан Паркер, эксперт по международной торговле костью, ярый противник введения запрета на торговлю ею и странным образом назначенный КИТЕС в качестве консультанта.

На этом этапе я очень волновался, как бы не оттолкнуть Паркера. Прежде чем я раскрою свои карты, я собирался довести до него всю, какую возможно, информацию о нелегальной торговле костью. Ранее в том же году я имел с ним в Лондоне беседу по делам «Гринпис» и тщательно готовил почву для будущих встреч. Я целый день расшаркивался перед ним, стараясь вселиться в его доверие. Паркер был с виду невзрачен, но, тем не менее, ему нельзя было отказать в шарме. «Терпеть не могу этих защитничков природы», — весело сказал он мне при нашей первой встрече. Я попытался потрафить ему — все, что я высказывал, было достаточно умеренным и отнюдь не содержало вызова: я пытался внушить ему, что его мнение о «Гринпис» как о чем-то особенно радикальном было преувеличенным.

Более того, я подсюсюкнул ему, когда он высказал мнение, что торговля костью не повинна в снижении поголовья африканских слонов.

— Снижение поголовья происходит только из-за увеличения числа людского населения и недостатка инвестиций в национальные парки, — доверительно сказал он.

— Правда? Я не знал этого, — ответил я, раскрыв глаза якобы от удивления. Я похвалил его познания в области торговли костью и вообще валял дурака, притворяясь, что ничего не знаю на предмет слонов. Я пытался склонить его к мысли, что могу быть ему

полезен, что он может убедить меня повлиять на политику «Гринпис» в отношении слонов; не говоря об этом прямо, я внушил ему, что «Гринпис» нуждается в консультанте по слонам. Я высказал мысль, что «Гринпис» стала теперь богатой и успешной организацией и, может быть, сможет платить существенный гонорар классному специалисту. Я прекрасно знал, что Паркер зарабатывал на жизнь главным образом консультациями.

Похоже, уловка сработала. Когда Йан Паркер пришел на конференцию КИТЕС в Найроби, он, слегка улыбаясь, прочертил в воздухе линию в направлении ко мне:

— Привет, Эллан. Не возражаешь, если я сяду рядом с тобой?

Он представил меня своему соседу. Это был Роуан Мартин, зам. директора по научным исследованиям Управления природы Зимбабве и тоже сторонник торговли костью.

— Мистер Торнтон и его группа «Гринпис» стали куда умереннее, — покровительственно сказал Паркер.

Я пожал Мартину руку и напустил на себя вид сторонника умеренности.

Тем временем участников встречи призвали к порядку. Одним из первых выступавших был американец Рон Лэмберстон.

— Это самая важная конференция КИТЕС со времени встречи в Оттаве в 1987 году, — заявил он. — Принимаемые КИТЕС меры по контролю за торговлей слоновой костью с целью обеспечения охраны слонов все менее соответствуют действительности. Если не будет достигнуто существенного прогресса в совершенствовании системы контроля за торговлей костью, США могут поддержать запрет на торговлю ею.

Вызов брошен. Как на него ответит КИТЕС?

Ответ разочаровал, хотя только этого от них и следовало ожидать. Очень скоро работа конференции свелась к узкой теме — легализации кости, находившейся в Бурунди. История с бурундийской костью была непростой, тем более в условиях беспрестанной смены правительств в этой стране. Мы уже кое-что знали о ней из расследования Дейва, проведенного в Гонконге. В 1986 году правительство Бурунди объявило, что присоединится к КИТЕС и займется контролем за костью. Взамен оно уломало секретариат КИТЕС легализовать 89 тонн имевшейся у них контрабандной кости.

Амнистия, дарованная кости, явилась благом для Бурунди. За это время цена кости на мировом рынке выросла более чем вдвое. Бурундийские власти продали ее, не спешили присоединиться к КИТЕС и по-прежнему продолжали ввозить к себе контрабандную кость из других стран Африки. Неудивительно, что теперь у них объявился еще один склад нелегальной кости, на сей раз в 90 тонн. Если легально продать ее на мировом рынке, за нее можно выручить порядка 20 млн. долларов; на черном рынке за нее дали бы, разумеется, куда меньше. И вот очередное правительство Бурунди обратилось в КИТЕС с просьбой легализовать и этот склад. Оно заверяло собравшихся, что прекратило ввоз слоновой кости в страну и что если просьба будет удовлетворена, то теперь-то Бурунди уж точно вступит в КИТЕС...

Жак Бернэ горячо высказывался за то, чтобы удовлетворить просьбу Бурунди. Об этом умолял, конечно же, сам делегат из Бурунди. Как бы меня это ни бесило, я вынужден был прикусить язык: я еще не выцарапал из Паркера все что хотел. В конце концов, на встрече был достигнут компромисс: было рекомендовано тут же легализовать одну треть бурундийской кости, ту самую, что была конфискована

бурундийскими властями после введения запрета на импорт. Вырученные от этого средства следовало направить на природоохранные мероприятия в Бурунди. Решение же судьбы остальных двух третей отложено до генеральной конференции КИТЕС в октябре 1989 года. Похоже, Паркер был хорошо осведомлен об этой кости. Он склонился ко мне и прошептал:

— Остальные две трети по-прежнему в собственности независимых торговцев. Средства от ее продажи никак не удастся направить на охрану природы.

Следующим пунктом повестки дня был вопрос о нелегальной торговле костью в Объединенных Арабских Эмиратах.

— Мы не знаем, что там происходит, — сказал Бернэ.

— Мы как раз разрабатываем план послать делегацию в ОАЭ. Мы знаем, что эта страна используется как перевалочный пункт, но точно не знаем, как это происходит.

Блестящий пример ошибочности политики КИТЕС. Судя по всему, важнейшие решения принимались, несмотря на недостаток информации. Слухов о торговле костью ходило столько, что их и приняли за факты. Складывалось впечатление, что или члены КИТЕС вопиюще некомпетентны, или ими кто-то манипулирует. А может быть, и то и другое.

Программа конференции была рассчитана всего на три дня, и первый же день не принес никаких конкретных предложений по новым методам контроля. Так же безрезультатно прошел и второй день: он был полностью посвящен предложению о проведении исследования торговли костью, для осуществления которого еще на встрече КИТЕС-87 была уполномочена группа. Паркер и Роуан Мартин высказывались в один

голос против проведения исследований за пределами Африки.

— Что-то слишком много ходит слухов, что торговля костью влияет на снижение поголовья слонов, — заявил Роуан Мартин.

Жак Бернэ объявил, что секретариат КИТЕС назначил Паркера — «как лучшего знатока торговли костью» — консультантом для выработки отчета о рынке слоновой кости в пределах Африки. Этого, заверил он, будет достаточно.

«К тому времени, — подумал я, — пока они раскачаются и проведут это исследование, слонов не останется вовсе и беспокоиться будет не о ком».

На третий день конференции я окончательно расстался с надеждой, что эти люди сделают хоть что-то, что принесет пользу слонам. В зале заседаний я заметил Джоргена Томсена, возглавлявшего Бюро по торговле при ВВФ США, которое ведало контролем за торговлей дикими видами; не далее как в прошлом году он доказывал мне, что системы контроля КИТЕС со временем заработают. Теперь он, как видно, был сильно расстроен. Я догадался, что система квот, лояльность которой он сохранял столько времени, теперь подвергалась серьезной проверке. Австралийский ученый высказал предположение, что в Восточной Африке слоны будут истреблены в ближайшие шесть лет, а в Африке в целом — через двадцать пять. Другие эксперты называли срок и того меньший — десять лет. Несмотря на мрачные прогнозы, это странное сборище приняло решения, не только одобряющие продолжение торговли костью, но и могущие повлиять на ее возрастание.

— Не пойти ли нам вечером пропустить по маленькой? — спросил я Джоргена за чашкой кофе во время перерыва.

— Поди сам, выпей за мое здоровье, — угрюмо улыбнулся он.

Я все еще надеялся выудить у Паркера полезную информацию, но время истекало. Мы по-прежнему сидели на заседаниях рядом, и наше шушуканье вызывало удивление по всему залу. Но, хотя за два предыдущих дня кое-что из него вытянуть все же удалось, мне хотелось чего-то более специфического.

— Написал бы, что ли, книгу о торговле костью, — подольщался я, — ты ведь знаешь сей предмет как никто другой.

Он сделал кислую улыбку.

— Торговцы костью свернут мне голову, если я это сделаю, — сказал он и посмотрел на часы. — Скоро кончится наше утреннее заседание. Не хочешь присоединиться к нам за ленчем?

С нами за ленчем были Роуан Мартин и Джордж Пангетти из зимбабвийского Отдела природы. Все трое сидевших со мной за столом были влиятельными сторонниками торговли костью. Я сделал вид, что занят едой, а сам жадно прислушивался к их разговору.

— Мне нужно встретиться с бурундийской делегацией, — сказал Паркер. — Я с ними ужинаю сегодня вечером. Они попросили меня выступить и «очистить» накопившуюся у них кость, как я это сделал в 1986 году, — хихикнул он. — Вопрос в том, как бы содрать с них за это денежки. Увиливают, говорят, предыдущее правительство уже заплатило. Ну да ладно, все не так уж страшно. Я уже получил деньги с торговца, владеющего этой костью, да еще от секретариата КИТЕС — я у них консультантом. А неплохо — получить три разных гонорара за один и тот же росчерк пера!

Сумев скрыть потрясение от услышанного, я восхищенно сказал:

— Ну и как тебе это удастся?

Паркер попался на приманку.

— Вот как. В 1986 году торговец костью в Бурунди обратился в секретариат КИТЕС, сказав, что хочет легализовать свою кость. Бросить нелегальную торговлю и торговать легально. Секретариат КИТЕС назначил встречу с этим торговцем, и при встрече он предложил им сумму в пятьдесят тысяч долларов. Но секретариат сказал торговцу: «Обратитесь к консультанту в Найроби». То есть ко мне.

— Ну а дальше что?

— Через несколько дней он мне позвонил и пригласил на ленч. Я пришел, и парень спросил, как ему легализовать шестьдесят тонн кости. Я сказал, что объясню ему — как, но возьму гонорар в размере трех процентов стоимости.

— И он согласился? — спросил я, быстро считая в уме.

— А как же?

— И что ты ему сказал? — не отступал я, удивляясь, за какой же такой совет можно получить гонорар в сто тысяч долларов.

Паркер ухмыльнулся.

— Да очень просто. Я сказал ему, что для того, чтобы получить регистрацию своей кости, нужно обратиться к бурундийскому правительству с просьбой присоединиться к КИТЕС. Он сказал, что никаких проблем и что нужно лишь подмаслить нужных людей. Я уверен совершенно, что времени на улаживание дел с правительством Бурунди он затратил не больше, чем нужно на то, чтобы протемпелевать документы КИТЕС.

«Славная работа», — подумал я.

Но Паркер не отступал:

— Затем секретариат КИТЕС нанял меня в качестве консультанта и командировал в Бурунди для регистрации всего находящегося там склада. Я

перерегистрировал все находившиеся там восемьдесят девять тонн за девять дней и сам промаркировал их номерами КИТЕС.

— И как тебе удалось организовать это?

— Я сказал торговцам, что до двадцать пятого сентября они должны доставить туда всю свою кость и что после этой даты кость приниматься не будет. Торговцы даже предлагали мне семьсот пятьдесят тысяч долларов за отсрочку. Они сказали, что у них масса кости в Танзании и Заире, которую они не успеют привезти к этому сроку.

То, что я слышал, не укладывалось в голове. Амнистия КИТЕС распространялась на уже имевшиеся к тому времени склады. Бурундийские же торговцы обнаглели до того, что просили Паркера распространить амнистию на любое количество браконьерски добытой кости, которую они смогут прибрать к рукам.

— И ты пошел на это? — спросил я.

Паркер уныло покачал головой.

— Я в любом случае сомневался, чтобы эти парни перевели деньги на мой счет. Да и протащить три четверти миллиона наличными через аэропорт будет трудненько. Так что я отказался. Когда же я отказался дать отсрочку, торговцы всем скопом затащили меня в темную комнату и один из них приставил мне нож к горлу. У них был мой домашний адрес, они угрожали и моей жене. Но в любом случае, — заключил он, — развитие ситуации имело бы сложные последствия. КИТЕС подвергалась критике уже за то, что легализовала эти склады, а когда я сообщил о том, что торговцы требовали отсрочки, в секретариате КИТЕС началась паника.

Я едва скрывал почти физическое чувство оскорбления. Откровения Паркера трудно было даже комментировать. Будучи назначенным консультантом

КИТЕС, он был на грани того, чтобы взять деньги у нелегальных торговцев костью. И такого человека секретариат назначил для официального исследования торговли! Стал бы ВВФ и дальше доверять нормативным актам КИТЕС, если бы то, что я услышал, до них дошло?

Перед тем как вернуться в зал заседаний, я, извинившись, покинул ресторан и, зайдя в мужской туалет, записал все, что услышал от Паркера. Я обязан был довести это до сведения всех. Авось это побудит их к действию. Если все, что сказал Паркер, правда, это выставляло совсем в ином свете разгоряченные дискуссии вокруг бурундийского склада кости. Какие еще дела могли творить там, за кулисами?

* * *

Встреча подходила к концу. Делегат из Гонконга обратился с вопросом к представителям Соединенных Штатов и Европейского сообщества: разрешат ли они импорт кости, если на выданном КИТЕС разрешении не указана страна происхождения? Было ясно, зачем им это нужно. Разрешения, в которых не указана страна происхождения, обычно выдавались добытой браконьерами кости, прошедшей «амнистию». Конечно же Гонконг был заинтересован в покупке бурундийской кости, но сначала им нужна была гарантия, что они смогут продать ее в Соединенные Штаты и в Европу.

До сих пор я хранил молчание. Но после всего того, что я узнал от Паркера, дальше молчать смысла не имело. Попытка Гонконга подорвать усилия США, направленные против браконьерства, была слишком наглой, чтобы позволить ей сойти с рук. Настало время раскрыть свои карты. Я поднял руку.

Перес Олиндо, сидя в своем председательском кресле, заметил это.

— Просите слова, мистер Торнтон?

Я встал.

— Господин председатель. Я только что выслушал просьбу делегата из Гонконга. Весь мир должен бы быть оскорблен низменным поведением гонконгских торговцев костью, и мы должны предать огласке их предосудительную роль в исчезновении африканских слонов. Их просьба к другим странам признать законной кость сомнительного происхождения есть не что иное, как призыв к поддержке браконьерства, взяточничества и коррупции, и должна быть решительно отвергнута.

Я сделал паузу, чтобы мои следующие слова возымели максимальный эффект.

— Представляемая мной организация — новичок в спорах о слонах. Но я считаю нашей обязанностью спасти слонов. Это значит, что мы должны поставить заслон торговле слоновой костью и сотрудничать со всеми, кто посвятил себя той же цели.

Я сел.

На меня смотрели десятки потрясенных лиц. Паркер, сидевший слева от меня, взирал на меня, словно пораженный громом. «Предатель!» — горело в его глазах. Уютного ощущения благодушия, царившего в зале до настоящего момента, не осталось и следа: прежде на встречах КИТЕС никому не случалось давать бой воротилам из Гонконга.

С другого конца зала Джорген подал мне знак одобрения, подняв большой палец вверх.

* * *

— Видел бы ты лицо Бернэ! — Джорген промочил горло холодным пивом, которым я обещал его угостить,

и ослабленно улыбнулся, с наслаждением вспоминая случившееся. — А когда он увидел, что я одобряю тебя, — глядел так, будто готов был убить! — С этими словами он похлопал меня по спине. — Нет, правда, сильная речь! После этого только и разговоров что о ней.

— И все-таки это была жуткая встреча, Джорген. Неужели ты после этого до сих пор считаешь, что торговлю костью можно взять под контроль?

— Встреча действительно оставила тягостное впечатление, — хмуро признал Джорген. — Я думал, что за три дня мы добьемся значительного прогресса, а не сделали ничего.

— Единственный путь пресечь браконьерство — тотальный запрет, — сказал я. — Я ныне более, чем когда-либо прежде, убежден в этом.

От вечерней кенийской жары хотелось пить. Джорген осушил стакан и бросил мне неестественную улыбку. — Н-да, ты прав, — сдался он. — Надо поставить заслон торговле.

Видно, Джоргену трудно далось это признание после того, как он вколотил столько сил, чтобы система контроля заработала. За это он заслуживал уважения. Но, поскольку теперь Джорген был по одну со мной сторону баррикады, а хотел закрепить его там, пока он не передумал.

— Джорген, если ты искренне считаешь, что запрет необходим, почему бы тебе не написать предложение по Приложению I по африканским слонам для представления в КИТЕС?

Чтобы счесть тот или иной вид подлежащим занесению в Приложение I, что означает запрет на торговлю, КИТЕС запрашивает ту или другую страну о представлении подробного, с научной и технической точек зрения, предложения, содержащего аргументы в пользу изменения статуса данного вида. Благодаря

своему положению в ВВФ Джорген имел доступ к самой свежей научной информации, которая бы резко усилила эффект от предложения. Более того — в написанном им предложении он мог бы заявить о своем личном обязательстве добиваться запрета. Такое обязательство в устах одного из виднейших представителей ВВФ могло бы вызвать коренной поворот в его политике.

К моему облегчению, Джорген не сомневался.

— О'кей, я сделаю это. Я на месяц оторвусь от работы, но сделаю. Я вернусь сюда как раз к сроку. Но только... — смутился он, колеблясь, — сам видишь, я не могу сделать это в рамках ВВФ. Не может ли ЕИА помочь мне средствами на оплату авиабилетов?

Я рассмеялся от всей души.

— Мы, как всегда, голы как соколы, но не беспокойся. Деньги я как-нибудь наскребу. У нас еще одиннадцать месяцев до следующей конференции КИТЕС, а все предложения должны быть поданы за пять месяцев до нее. То есть нужно успеть к маю. А прежде чем найдем страну, которая согласится выступить с этим, надо иметь с чем. Успеешь написать предложение по Приложению I к марту?

— Постараюсь к концу марта, — обещал Джорген.

Впервые за эту неделю я был настроен оптимистично.

Глава девятая
Ноябрь 1988
Танзания

Эллан

— Я думал насчет Бурунди и Заира, — сказал я, — и не уверен, что если мы сейчас туда отправимся, то проведем время с наибольшей пользой.

Рос, которая была занята переписыванием содержимого своей записной книжки, взглянула с удивлением:

— Ну а куда, по-вашему, нам бы еще податься?

— У нас много информации по Танзании. Во-первых, это судно «Фадхил Аллах», которое ходит туда и забирает с побережья кость; во-вторых, когда мы были в Дубае, мы нашли записи об экспорте из Танзании; и вообще сведений по Танзании все больше и больше. Сдается мне, что это весьма крупный центр контрабанды костью.

Я порылся в сумке и вытащил оттуда тетрадь с отрывными листами.

— Йен Дуглас-Гамильтон составил мне отчет о браконьерстве в Селусском заповеднике и назвал ряд имен для контактов. У нас будет возможность проследить множество путей, если отправимся в Танзанию.

Дейв бросил взгляд на тетрадь и нахмурился:

— Так-то так, но если мы отправимся в Танзанию, мы не попадем тем же заходом в Бурунди, а там как раз девяносто тонн кости.

— Видишь ли, после того, что я услышал на встрече КИТЕС, я полагаю, что шансы выведать что-либо новое о кости в Бурунди более чем скромны. Кроме того, там и без нас хватает людей, стремящихся понять, что там происходит. И они уж за себя постоят. Нужно будет, всегда успеем съездить. Но сейчас я решительно чувствую, что лучше будет на десять дней отправиться в Дар-эс-Салам.

— А что ж, правильно, — согласилась Рос.

Дейв колебался.

— Слушай, — сказал я. — Не валяй дурака. Не забудь, Дейв, что в Танзании находится Серенгети.

Он рассмеялся.

— Да будет тебе. Ты не из тех, кого надуешь!

* * *

Танзания давно очаровала меня. Мне доводилось обсуждать проблемы слоновой кости с Хрисом Хаксли, в прошлом членом секретариата КИТЕС, при встрече с ним в Англии в начале этого года.

— Ты не добьешься поддержки департамента живой природы в Танзании, — пророчил Хаксли, — его директор Фред Львесуэла отнюдь не фанатик в деле защиты природы.

Я дал понять, что рано или поздно присмотреться к Танзании придется все равно. Хаксли словно читал мои мысли.

— Кстати, — сказал он, — тебе было бы нелишним знать, что торговцы костью поступили круто с последним из тех, кто расследовал торговлю в Дар-эс-Саламе: слишком глубоко сунул свой нос, так они

оттяпали его вместе с головой, водрузили ее на капот «лендровера» и целый день возили по городу для острастки другим.

— Кто тебе это рассказал? — скептически спросил я.

Хаксли таинственно поглядел на меня.

— Не могу тебе этого сказать. Я только предупреждаю тебя. Всё.

Хаксли и был тем, кто впервые представил меня Йану Паркеру, и Паркер подтвердил его рассказ:

— Точно-точно. Отрезали башку и возили на машине. Я им не верил. История выглядела слишком притянутой за уши, чтобы воспринять ее всерьез. Но почему оба рассказали мне одно и то же? Чтобы отговорить от поездки в Танзанию? Неужели боялись, что я открою там что-то, для них нежелательное?

Первым же развлечением по прибытии в Дар-эс-Салам для Рос и Дейва, но никак не для меня, явилось то, что я забыл справку о прививках. Два часа я спорил с аэропортовским «доктором», которой, держа наизготовку отвратительнейший шприц, грозил мне неминуемым уколом. Единственной альтернативой, объяснил он с едкой ухмылкой, было бы «позолотить ему ручку». К счастью, мой канадский паспорт помог мне избежать и того и другого. «Канада и Танзания — большие друзья, — талдычил я ему, — Канада делает много подарков Танзании», — повторял я, пока у него не лопнуло терпение, и он не помахал мне ручкой.

Дар-эс-Салам — что в переводе означает «Гавань мира» — стал для меня шоком после Найроби, довольно богатого по африканским меркам. Здесь же, напротив, улицы были грязны и изрыты, здания обветшали, уличного освещения не было и в помине. Первую ночь мы провели, шлепая комаров в ветхой гостинице на берегу моря, где не было не то что кондиционеров, но и исправных телефонов. На следующее утро, по общему согласию, мы переехали в гостиницу «Кундучи-Бич» в

пятнадцати милях от столицы — одно из немногих мест, где можно было достать комнаты.

Это было каким-никаким, но улучшением. Отель «Кундучи-Бич» знавал лучшие времена, его некогда роскошный декор в стиле шестидесятых сильно потускнел. Двери в наши номера, похоже, не раз пытались выбить, а стены покрыты многолетней грязью. В Танзании было еще жарче, чем даже в Кении, но в гостинице, по крайней мере, нашлось несколько вентиляторов, гонявших лопастями воздух, и, что особенно важно, здесь были телефоны. Наши номера имели еще одно неожиданное преимущество: великолепный вид на идиллический тропический пляж.

Еще когда мы были в Кении, нам посоветовали разыскать некоего Нейла Бейкера, когда мы приедем. Нейл, инженер и орнитолог, отдавал много сил сохранению природы. Мы оставили у него записку с просьбой встретиться с нами и поехали назад в город. Мы наняли красный «фольксваген» типа жука, вместе с шофером, что оказалось весьма полезной затеей ввиду чудовищного состояния дорог, как будто подвергшихся ковровой бомбардировке. Шофер по имени Джон мастерски вел машину, объезжая воронки, но даже с таким асом нам понадобилось три четверти часа, чтобы покрыть 15 миль до города.

Мы искали еще одного человека, рекомендованного нам: егеря по имени Джезон, который возил богатых клиентов — преимущественно американцев — на отстрел слонов по лицензии. Конечно, я был против любого вида отстрела слонов, но понимал, что егеря может располагать ценной для нас информацией. С точки зрения ВВФ, спортивная охота как раз и являлась блестящим примером «использования живой природы на разумной основе» — ведь американцы и европейцы, лелеющие мечту поохотиться на крупного зверя, готовы

платить бешеные деньги за право отстрелять одного слона.

И еще один момент — фактически-то егерь должен был быть по одну с нами сторону баррикады, так как его заработку браконьеры угрожали в той же мере, что и заработку гида по заповеднику. Джебзон оказался смуглокожим парнем, по-видимому, средиземноморского происхождения.

— Президент Мвиньи запретил торговлю слоновой костью в пределах Танзании в конце 1986 года, — сообщил он нам, — он страстный защитник живой природы. Он даже возглавляет Общество сохранения живой природы Танзании. Но это никогда не давалось ему легко. Многие в правительстве противостоят этому запрету. Оно и понятно — некоторые из них замешаны в бизнесе на слоновой кости. Но Таможенное управление настроено решительно. С 1986 года оно перехватило много кости. Вам будет интересно взглянуть на кладовую, где они ее держат. Да нет, с этим не так строго, как вы думаете.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— А то, что кость периодически исчезает оттуда, — улыбнулся он с видом знающего человека.

— Не знаете ли, с кем было бы интересно поговорить на предмет браконьерства? — спросил Дейв.

Джебзон кивнул.

— Вот Коста Млэ — добрый человек. Он работает в департаменте живой природы. Вам бы с ним встретиться.

— Правда? Что-то много мы слышали дурного о здешнем департаменте живой природы, — засомневался я.

Джебзон хихикнул.

— Я тоже уверен, что это во многом так. Но Коста честный малый. Очень честный. Преданный всей душой защите живой природы. Его пригласили в департамент

два года назад, чтобы следить за Фредом Львесуэлой. Вы слышали о таком?

Я кивнул. Директора департамента живой природы Львесуэлу мне называли и Хаксли и Паркер. Я видел его на конференции в Найроби.

— Ходят слухи, что Фреду кое-что ведомо насчет кости, которая по-прежнему исчезает из таможенных кладовых, — продолжал Джезон, — он, конечно, весьма влиятельный малый. Думаю, президент Мвиньи хотел бы, чтобы Коста сменил Фреда на посту директора, но у Фреда немало влиятельных сторонников в правительстве, которые не хотели бы, чтоб он ушел. Словом, все, что сейчас может Коста, — наблюдать за всем, что доступно его глазу. Он вам понравится. Он человек цельный. Весьма редкая вещь в нашем деле, — добавил он.

— Прекрасно. Поговорим с ним. Знаете еще кого-нибудь, кто мог бы помочь нам? — спросила Рос.

— Есть гусь такой, — подумав, сказал Джезон, — он, пожалуй, пойдет на разговор с вами. Только доверяться ему особенно не следует. Малого зовут Рекс, он тоже берет туристов на охоту. Он может много рассказать вам о слоновой кости, но не слишком распространяйтесь о себе. По-моему, он сам не прочь подстрелить слона, когда выпадает шанс. — Джезон написал номер телефона и адрес на клочке бумаги и сунул нам: — Будьте осторожны.

Завтрак в отеле «Кундучи-Бич» утром следующего дня стал памятным событием — не столько благодаря качеству пищи (поджаренные ломти хлеба с прогорклым маслом и клейстероподобным джемом), сколько из-за дебильного характера услуги. Гостей в отеле было немного, и официанты ходили за нами табунами. Не менее четырех официантов подходили к нам за заказом. К несчастью, мы, видимо, не смогли найти контакт с кухней, потому что прошло двадцать

минут, а мы все еще сидели и ждали заказанного нами кофе.

Мы получили известие, что Нейл Бейкер прибудет в отель этим вечером в шесть. Поскольку день был воскресный, мы решили устроить себе выходной и после завтрака отправились на пляж понежиться на солнце. Пустынные белые пески, на которые отбрасывали тень стройные пальмы, словно звали нас насладиться жизнью; нас обвевал легкий бриз с Индийского океана.

— А в Англии сейчас, наверно, идет снег, — задумчиво сказала Рос.

Ближе к вечеру, отдохнувшие и слегка загоревшие, мы зашли в бар при гостинице отведать местного пивца «Сафари», как оказалось, убойной крепости.

— Извините, вы Эллан Торнтон?

Я повернулся на вращающемся стуле и оказался лицом к лицу с худощавым мужчиной в шортах; с ним были улыбчивая, бойкая женщина и девчушка лет восьми.

— Нейл Бейкер? — догадался я.

— Он самый. — Нейл протянул мне руку. — Познакомьтесь: Лиз Боуэлл, почетный секретарь Общества сохранения живой природы Танзании. А это наша дочурка Кэти.

Представившись друг другу, мы пошли к стойке поговорить.

На сей раз нам незачем было корчить из себя киносъемочную группу. В наших глазах Лиз и Нейл были истинными защитниками природы. Даже плюшевый мишка, которого Кэти носила с собой, именовался Рейнбоу Уорриор!

Нам уже доводилось видеть экземпляр журнала «Майомбо», издаваемого Обществом сохранения живой природы Танзании, и читать в нем авторитетные статьи Лиз. Когда мы объяснили, что ведем расследование

торговли слоновой костью, Нейл пригласил нас к себе домой в Дар-эс-Салам, чтобы поговорить в более конфиденциальной обстановке. Проплутав два часа из-за полного отсутствия уличного освещения (привычное дело, как сказал наш шофер Джон!), мы оказались у ворот дома Нейла и Лиз, где были встречены лаем полудюжины сторожевых собак.

К счастью, Лиз заверила нас еще в гостинице, что они только и могут, что лаять, и не успели мы подойти к двери дома, как собаки потеряли к нам всякий интерес.

— Входите, — улыбнулась Лиз, и мы вошли гуськом в большую прихожую, вдоль стен которой тянулись книжные полки, содержавшие впечатляющее собрание книг и журналов о дикой природе. Лиз проводила нас в гостиную, в которой основной мебелью были опять-таки книжные полки, и мы расселись за большим обеденным столом.

— Надеюсь, вы извлечете больше пользы из того, что мы вам расскажем, чем наш предыдущий собеседник, — сказал Нейл.

— Кто именно? — спросил Дейв.

— Бафф Боулен из ВВФ США. Он был здесь проездом в апреле по пути на конференцию в Лусаке.

Рос бросила презрительный взгляд.

— Мы пытались довести до сведения Боулена и его коллег все, что знали о торговле костью, но, похоже, это их не заинтересовало. Они сказали: «Она вся под нашим контролем». Они мнят себя великими экспертами, — с насмешкой сказала она, — и в самом деле верят, что контролируют ситуацию.

Таким образом, мы были не одни, кто разочаровался в деятельности ВВФ.

— Нам-то ведомо, что ситуация не контролируется, — сказал я. — У нас не осталось иллюзий после того, что мы видели в Дубае и Гонконге. Теперь же мы хотим собрать в единое целое материал

против торговли костью. Мы хотим доказать, что браконьерство губит африканских слонов. А для этого нам нужны контакты с людьми, которые ввели бы нас в тайную сторону дела.

Нейл был в восторге.

— Я, кажется, знаю, кто будет полезен, — сказал он. — Подождите-ка минутку. Я только звякну.

Через двадцать минут он вернулся с пивом «Таскер» и двумя большими сумками, наполненными жареными цыплятами и французским жарким. Со времени нашего малоаппетитного завтрака прошло уже двенадцать часов, так что мы поужинали с аппетитом. Мы уже почти кончили, когда сторожевые собаки подняли вой и Нейл исчез за дверью. Вскоре он вернулся в сопровождении щеголеватого темнокожего мужчины.

— Рад представить вам Косту Млэ, — сказал он.

Лиз, Коста и Нейл обменялись приветственными церемониями, которые, как мы поняли, являлись неотъемлемой частью общественного этикета в танзанийском обществе. На этом фоне наша лондонская привычка сразу вступать в дискуссии без предварительных обменов любезностями выглядела дико.

Коста пододвинул стул к столу.

— Что ж, — сказал он, когда церемонии закончились, — Нейл рассказал мне, что вы ведете расследование торговли слоновой костью. Больше всего мне хотелось бы услышать, что вы открыли в Кении.

Я изложил ему добытую там информацию, а также рассказал о пустопорожном заседании КИТЕС в Найроби, на котором я побывал перед тем, как заняться положением дел в Танзании.

— Как себя чувствует здесь торговля костью? — спросил я. — До нас дошли сведения, что контрабандистам тут приходится выкручиваться.

— Приходится, — согласился Коста. — К каким только ухищрениям не прибегают. Ясно одно — это очень масштабное дело.

— Не обходится без Бурунди? — спросила Рос.

— Еще бы. С этой страной хлопот полон рот. Если бы не Бурунди, браконьерам было бы куда труднее вывозить кость из Африки. Эта страна замешана, по крайней мере, в двух аспектах дела. Во-первых, туда ввозится кость, добытая браконьерами в Селусском заповеднике. Она ввозится в Бурунди водителями грузовиков из Сомали. У них излюбленный маршрут — через Додому, Сингиду и затем Кигому на севере, и заканчивается он в столице Бурунди — Бужумбуре. Провезти ее через таможню — никаких проблем: Бурунди не облагает налогом все ценное, что ввозится в страну, даже если нелегально. Кость облагается налогом только при вывозе из страны.

— Вы сказали, что есть и второй аспект участия Бурунди в этом деле?

— Да, но заключается он совсем в другом. Представьте себе, что некто посылает контейнер бывшей в употреблении одежды или чего-нибудь в этом роде из Дубая в Бурунди через Танзанию. Но в таком виде контейнер до Бурунди не доходит. Где-то на полпути в Танзании грузовик останавливается, барахло из контейнера выкидывается, а на его место загружается добытая браконьерами кость. Вот тут-то начинается самое хитрое. У браконьеров есть свой человек в Таможенном управлении Бурунди. Когда браконьеры сообщают ему, что набралось достаточно груза для отправки, он вылетает в Танзанию. Встретив грузовик, уже нагруженный костью, он опечатывает контейнер печатью бурундийской таможни и выдает кучу фиктивных бумаг, снабженных официальными печатями и описывающими содержимое контейнера как разную ерунду. Но грузовик с контейнером до Бурунди

не доходит. Он поворачивает назад в Дар-эс-Салам, где контейнер грузят на корабль и везут в Дубай. Проще простого.

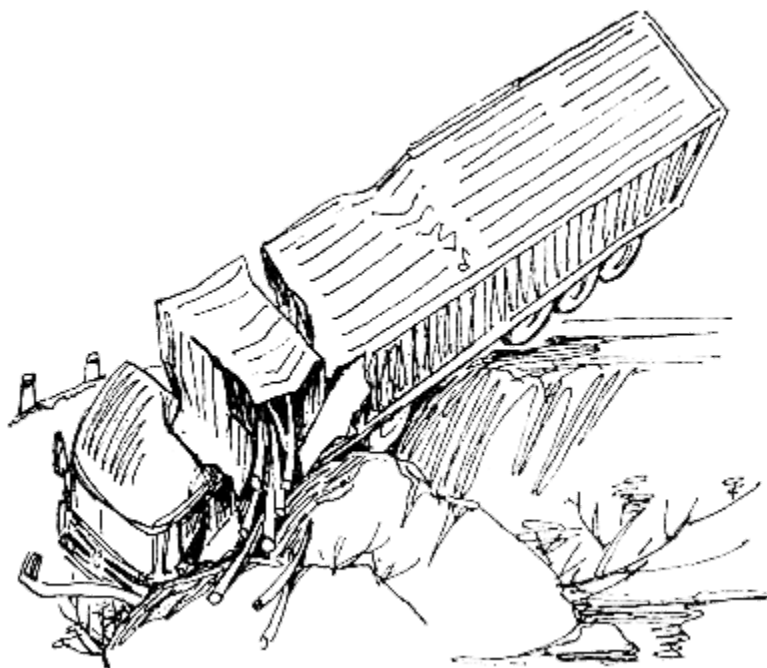
— Как вы дознались до этого? — спросил Дейв.

Коста улыбнулся и взял кусок цыпленка.

— Мы перехватили один такой груз кости близ Додома, когда грузовик попал в аварию. Шофер погиб, а контейнер получил столь серьезные повреждения, что груз вывалился наружу. Мы насчитали триста восемьдесят три бивня. Затем мы нашли тайник, в котором было спрятано еще девяносто два. При грузовике были все фиктивные бурундийские бумаги и печати.

Увидев, как мы потрясены услышанным, он улыбнулся.

— Пойдем завтра ко мне в офис, я расскажу вам все подробности, — заявил он.

Но понедельник начался у нас не с похода в офис Косты. Мы договорились осмотреть правительственную кладовую кости, где хранилась кость, конфискованная таможенниками со времени введения Танзанией запрета на торговлю ею. Мы назвались простыми туристами: соблюдать осторожность надо было еще строже, чем при посещении кладовой в Гонконге. Охранник выдал нам пропуски, и теперь оставалось дожидаться в небольшой конторе, пока не придет человек с ключом от кладовой. На письменном столе лежала книга посетителей. Я машинально открыл ее и перелистал несколько страниц. Вдруг я остолбенел: в глаза бросилось знакомое имя. Джордж Пун.

— Дейв, можешь сфотографировать вот это? — указал я на подпись.

Дейв слегка присвистнул и поднял фотоаппарат. Но нам помешало внезапное появление стража. Дейв расстроено посмотрел на меня, когда страж подал знак следовать за ним.

— Ничего, еще успеется, — сказал я.

Страж провел нас через две массивные двери в помещение, похожее на склеп. Тем не менее, воздух там был горячим и душным. Поначалу, после слепящего солнца снаружи, мы не могли ничего видеть, но вскоре наши глаза привыкли, и мы смотрели на тысячи и тысячи бивней, лежащих ровными рядами и подобранных по размеру и весу.

— Сколько же их здесь?! — изумилась Рос.

— Около шести тысяч бивней. Двадцать тонн.

Судя по тому, как страж помнил цифры, я догадался, что «туристы» здесь довольно частые гости. Интересно, Джордж Пун тоже объявил себя «туристом», когда побывал в кладовой конфискованных бивней? И что он делал здесь? Покупал кость?

Мы все ходили вдоль рядов. Десятки куч; большинство бивней маленькие, килограммов по пять

весом. В одном углу были сложены совсем крошечные, от пяти до шестнадцати дюймов в длину.

— Так это были еще совсем детеныши! — воскликнула Рос.

— Да, — сочувственно кивнул страж, — совсем детеныши.

Увиденный нами объем конфискованного пугал. Тем не менее, большинство людей считает, что кости, как и наркотиков, конфискуется лишь малая часть того, что находятся в обороте. Но если даже то, что мы видели, было когда-то тремя тысячами слонов, сколько же их в действительности пало от пуль браконьеров в последние годы?

— Можно снимать? — спросил Дейв.

— Да, да, пожалуйста, — согласился страж.

В течение сорока пяти минут Дейв и Рос снимали фотоаппаратами, а я достал видеокамеру-«восьмерку», которую нам одолжила компания Ай-ти-эн, чтобы запечатлеть африканскую поездку. В то утро в отеле я извлек ее из металлического футляра, придававшего ей слишком профессиональный вид, и сунул в небольшой холщовый рюкзак, сочтя, что так она скорее сойдет за обыкновенную любительскую видеокамеру. Уловка сработала. Страж снисходительно смотрел, как Дейв, я и Рос снимали друг друга, бродя вдоль уложенных в ряды бивней. Потом и страж включился в нашу игру, поднимая разные бивни и определяя примерный возраст слона, которому они принадлежали.

— Этому, наверное, был годик, — сказал он, показывая пятидюймовый бивень.

— А этим? — спросил Дейв, указывая на полдюжину могучих бивней, поддерживаемых железными подпорками.

— О, это старые, — покачал головой наш гид, — весят от пятидесяти до шестидесяти кило. Принадлежали очень старым самцам. Теперь таких не

найдешь. Эти бивни были конфискованы двадцать лет назад.

Мы провели в душном склепе целый час, и с нас катил градом пот. Довольные съемками, мы вернулись в контору к стражу. По-видимому, он не питал никаких подозрений к нашей работе, и я рискнул обратиться к нему с последней просьбой:

— Можно сделать несколько снимков книги посетителей? Чисто ради интереса.

Страж не возражал, и Дейв заснял несколько страниц, в том числе и с подписью Джорджа Пуна. Интересно, что сказал бы страж, если бы знал, что рука, которая вывела эту подпись, возможно, подписала смертный приговор многим из тех слонов, чьи бивни только что были у нас перед глазами!

* * *

Направляясь с визитом к Косте, мы изъявили желание повидать заодно и Фреда Львесуэлу, но нам сказали, что его нет в городе. Офис Косты располагался на десятом этаже здания министерства земель, туризма и природных ресурсов, откуда открывался великолепный вид на гавань. Он тепло приветствовал нас и, открыв запертый на замок шкаф с картотеками, вынул пухлую подшивку документов.

— Вот подробности о грузе, попавшем в автокатастрофу, о которой мы говорили вчера вечером, — сказал Коста и разложил бумаги на столе перед нами, — а есть еще материалы о другой партии слоновой кости, перехваченной в Бельгии; думаю, она вас тоже заинтересует. Она была раскрыта благодаря тому, что бельгийские таможенные чиновники заподозрили неладное, осматривая контейнеры, приплывшие из Танзании. Они шли в Дубай через

Антверпен, и, по документам, в них находился пчелиный воск. Бельгийские таможенники заподозрили, что там могут оказаться наркотики, и вскрыли контейнеры. Всего в их руки попало одна тысяча девятьсот бивней.

— А этот груз как был вывезен из Танзании? — спросил я. — Тем же путем, что и груз, попавший в аварию?

— Нет. Эти контейнеры были направлены через Западную Африку, так что теперь нам известна другая дорога, используемая контрабандистами. Вокруг этого груза было много споров. Он был адресован одной из фирм в Дубае. Они требовали переслать им его, но бельгийцы задержали груз. Они сообщили нам об этом, но нам не вернули. В конце концов они продали его за семьсот пятьдесят тысяч долларов торговцам костью, а деньги оставили у себя. — Тут Коста философски пожал плечами. — Это не первый случай, когда Бельгия оказывается замешанной в торговле слоновой костью. Очень жаль, но мы мало что можем с этим поделать. Но хорошо хоть мы нашли друг друга и сможем друг другу помогать. Ну, есть у вас еще, что рассказать о том, что вы открыли насчет танзанийской кости?

— Нам известно, что значительная часть ее весь этот год шла через Дубай, — сказал Дейв. — Только через Дубай прошло, по крайней мере, восемьдесят тонн.

В одно мгновение Коста встревожился.

— У вас есть доказательства?

— Да, мы добрались до документов в Статистическом управлении Дубая. Вот вам копии.

— Это будет весьма полезным. Мы никогда не располагали доказательствами, какое количество кости приходит в Дубай.

Рос вернула нас к разговору о Бурунди.

— Как вы думаете, что там дальше будет? Ведь они говорят, что запрещают торговлю костью. Значит, браконьеры уже не смогут использовать эту страну для вывоза?

Коста покачал головой.

— Есть указания на то, что Бурунди по-прежнему будет ввозить кость в течение ближайших лет. Рынок готовится к тому, чтобы получать кость и организовывать отправку. Похоже, торговцы уверены, что смогут подкупить или обхитрить тамошние власти. Если с правительством Бурунди договориться будет туго, боюсь, торговцы найдут путь через какую-нибудь лишенную законов страну типа Восточного Заира или через Уганду и Руанду в Момбасу. Торговцы уж как-нибудь найдут путь — они столь богаты, что кого угодно купят.

«Да, пока есть люди, согласные на подкуп, таможня Бурунди будет давать добро на ввоз в страну кости, — подумал я. — На границе ей заслона не поставит».

— А что, если ввести патрулирование дорог в Танзании? Нельзя ли остановить вывоз этих контейнеров путем регулярных проверок на дорогах? — спросил Дейв.

Коста встал и подошел к карте на стене.

— Если бросить все наши ресурсы на патрулирование участка дороги, ведущего в Кигому, я думаю, мы могли бы в два счета пресечь контрабанду: большая часть нелегальной кости идет именно этим путем. Вообще-то был такой план, но с ним пришлось расстаться: это обошлось бы чересчур дорого. Танзанийское правительство не в силах тратить деньги на подобные вещи, мы небогатая страна.

В общем, за краткое время нашего знакомства, Коста сообщил нам ценнейшие сведения о тайнах торговли костью; я же чувствовал, что, кроме краткого

отчета о наших открытиях в Дубае и в Гонконге, мы очень мало дали ему взамен.

— А мы-то чем можем помочь вам, Коста? — спросил я.

— Мне хотелось бы от вас две вещи, — подумав, ответил он. — Постарайтесь разузнать как можно больше о людях, связанных с конечной стадией торговли костью. И главное, выведите, кто у них агенты в Африке. Если бы мы могли разоблачить их, это дало бы нам шанс взять ситуацию под контроль.

* * *

Следующим, с кем у нас состоялась встреча, был егерь по имени Рекс — тот самый, с кем его коллега Джезон советовал нам не слишком откровенничать. Крепкий детина, с характером под стать самому Хемингуэю. Хотя он мельком поглядел на нашу карточку «Фильм-Лондон», похоже, он и не подозревал, что ему что-то могут вменить в вину. Во всяком случае, он явно не считал, что трое жалких киношников представляют для него какую-то угрозу.

— Что мне известно о нелегальной охоте на слонов? — недоверчиво повторил он наш вопрос. — Вам пришлось бы арестовать половину дипкорпуса в этой стране, если хотите ее прекратить. Они творят что хотят, а потом отсылают кость домой в своем багаже под прикрытием дипломатического иммунитета. — (Судя по манере изложения, он находил сие весьма забавным.) — Я сам возил эту дипломатическую братию на охоту на слонов, — добавил он. — Сунут десяток-другой баксов, чтобы егерь отвел глаза. Но это не самое страшное.

— О! Что же тогда самое страшное? — вступила Рос.

— Эти посольские — настоящие разбойники с большой дороги, — сказал Рекс. — Мало им подстрелить парочку слонов для собственного удовольствия, так они нанимают целые банды, которые стреляют для них слонов, а затем вывозят кость тоннами в дипломатическом багаже. Чтобы припереть их к стенке, полиция должна застать их тепленькими, с добытой костью. Но если кость погружена в дипломатическую машину, полиция бессильна: машина тоже подпадает под дипломатический иммунитет.

— Какие посольства замешаны в этом? — спросил я.

— Секрета нет. Можете даже прочитать об этом в наших газетах, — ухмыльнулся он. — Об этом пишут, когда поймают. Иранцы, пакистанцы, китайцы... Все кому не лень. А чего ж? Ведь никакого риска!

— А как насчет сафари? — спросил я. — Уж там-то все должно быть по правилам.

— Не смешите меня, — сказал Рекс. — Слушайте, как все это происходит. Вы, допустим, берете лицензию на отстрел одного слона, леопарда — кого закажут. Вот вы стреляете слона. Но он не такой уж крупный. Ваш клиент, старый толстопузый американец, который только что выложил двадцать пять тысяч долларов за сафари, недоволен. Брюзжит: мол, бивни больно малы. Что же вы делаете? Поджидаете другого слона с более крупными бивнями. С вами егерь, который, считается, что надзирает за тем, чтобы вы соблюдали правила. Вы суете ему десять — двадцать долларов, чтобы он отвернулся, и стреляете крупного слона. Ну, американец доволен, увозит с собой крупные бивни, а у вас остается еще пара бивней на продажу. А кто проверит? Многие так делают. Если так не делать, то прощай бизнес: второй раз клиент на сафари не поедет. Понимаю, слонам от этого туго, но... — тут Рекс пожал плечами, — нам-то жить тоже хочется!

* * *

— Карибу, — улыбнулась Лиз, когда мы вошли в офис Общества сохранения живой природы Танзании. И она, и Нейл всегда приветствовали посетителей этим словом, что на языке суахили означает: «Добро пожаловать».

— Входите сюда, ребята. — Нейл привел нас в свою святая святых — небольшую комнату, где он занимался как своей инженерной специальностью, так и делом сохранения природы. — Здесь еще кое-кто ищет встречи с вами.

Когда мы вошли, со стула встал сидевший в комнате мужчина.

— Сидни, познакомьтесь: вот Рос, Дейв и Эллан. А это Сидни Мабавики, танзанийский журналист. Он

расследует ту же проблему, что и вы. Примите к сведению. Возможно, вас что-то заинтересует. Вот плоды его труда.

Нейл подал мне толстую оранжевую папку. Чем дольше я листал страницы, тем больше во мне возрастал интерес. Истории, связанные с нелегальной торговлей костью, одна любопытнее другой. И все расписано в самом доходчивом виде — даты, места событий, имена, количества — все на своем месте. Папка Сидни соперничала бы с любым полицейским досье, когда-либо существовавшим. Я передал Дейву и Рос для изучения пачку листов.

— Впечатляет. Сколько же времени вы все это собирали, Сидни? — спросил я наконец.

— Да собирал уже три года, когда встретил мистера Бейкера. Он помог мне пополнить эти сведения, — скромно сказал Сидни. — Меня всегда беспокоила браконьерская охота за костью. Захотелось составить картину того, что происходит в Танзании.

— Вы публиковали что-либо из ваших данных?

Сидни покачал головой.

— Если будет возбуждено дело, я, конечно же, дам материал на страницы своей газеты. Но, исходя из нынешнего положения вещей в Танзании, было бы неразумно привлекать внимание к своей работе. Думаю, многие жаждали бы остановить меня. Сами понимаете.

— Довелось ли вам раскрыть какую-либо организацию за спиной браконьеров?

Сидни кивнул.

— Мне известно следующее. Первоначальным пунктом сбора кости является Ифакара. Отсюда кость переправляют в маленьких машинах на потайные склады в Дар-эс-Саламе. Для вывоза кости из национальных парков и заповедников используются различные пути. Больше всего кости идет из Селусского заповедника. На складах в Дар-эс-Саламе ее

перегружают в фургоны и разными путями везут в Бурунди.

— А как контрабандистам удастся избежать разоблачения? Что, если полиция остановит их до того, как они доберутся до Бурунди? — спросил Дейв.

— А, — улыбнулся Сидни. — Есть три способа. Первое — это когда тайник находится в самом фургоне. Он отделен от основного отсека, загружается и разгружается через крышу. Таким образом, если длина фургона десять метров, то на основной отсек приходится только восемь.

Я кивнул. Видно, Коста рассказывал нам именно о таком грузовике, попавшем в аварию.

Сидни взял со стола Дейва лист бумаги и начертил нам примитивную схему грузовика.

— Другой способ — иметь на грузовике большие топливные баки с каждой стороны, по шестьсот литров каждый. — Он нарисовал два бака, похожие на торпеды, с каждой стороны грузовика. — Шоферы говорят, что им нужен запас топлива, чтобы пройти до Бурунди без дозаправки. — Он прокашлялся. — Один бак действительно заполняется топливом, а второй костью. Но даже если их и поймают, все равно отмажут. Грузовик сопровождает легковая машина, а у водителя деньги. Если полиция останавливает грузовик, они просто суют взятку и следуют дальше.

— А третий путь? — спросила Рос.

— Третий заключается в использовании опечатанных контейнеров. Договариваются с подкупленным человеком на бурундийской таможне, тот тайком выезжает навстречу контейнерам, опечатывает их и снабжает бумагами — «Транзитный груз, следующий в Бурунди». Таким образом, даже если грузовик будет остановлен по пути в Бурунди, контейнер не может быть вскрыт.

— Почти так, как описывал Коста, но с иным исходом, — сказал я.

Я описал ему, как грузовики, следующие якобы в Бурунди и соответствующим образом снабженные печатями и документами где-нибудь в кустах, поворачивали назад на Дар-эс-Салам. Сидни внимательно слушал. Я понял, что за непритязательной манерой поведения скрывались огромные знания о целостной системе торговли костью.

— Что ж. Вполне возможно. Видимо, они поступают так же, как с контейнерами, следующими в Бурунди, и при проезде каждого города меняют таблички с пунктом назначения, чтобы труднее было проследить их маршрут.

Я слушал его откровения со все возрастающим волнением. То, что он говорил, было крайне важно: это был кладезь информации, подобно золотой жиле в пустыне. Чтобы докопаться до всего этого самим, нам потребовались бы годы. Я спросил Сидни, в курсе ли он непосредственно действий браконьеров.

— Конечно, — спокойно сказал он. — Убив слона, они вырубает бивни с помощью мачете. Затем они уносят их куда-нибудь подальше и закапывают тут же в кустах. Там они какое-то время лежат. Я разговаривал с людьми, которых нанимают подбирать припрятанные бивни. Потом их прячут на фермах среди мешков с продуктами. Эти люди всего лишь на побегушках, поэтому платят-то им каких-нибудь несколько тысяч танзанийских шиллингов, но для них и это неплохо. Всего же за месяц у них выходит где-то полторы тысячи шиллингов, или десять Долларов, так что найти людей на такую работу нет проблемы. Подборщикам обычно выдают также машину — пикап. Они же и передают деньги браконьерам. Деньги — примерно по тысяче шиллингов за кило — выдаются главарю шайки браконьеров, он и делит их между сообщниками. В

общем, с момента убийства слона до прибытия его бивней в Дар-эс-Салам проходит около двух месяцев. Мне было интересно знать, какой навар получали дельцы от одного грузовика с костью. Но все равно это составляло лишь половину того, что можно было бы выручить, если бы кость продавалась легально.

Сидни не нужно было даже заглядывать в записи.

— Средняя партия груза — сто бивней по пяти кило. Это дает семьдесят пять долларов. На эти деньги делец закупает в Дубае двадцать пикапов, которые здесь в большом спросе. Он отсылает их в Танзанию и продает с большой выгодой: почти вдвое против того, что он выручил за слоновую кость. На эти деньги он снова закупает кость у браконьеров.

— Как же вам удалось раздобыть столько информации?! — спросил Дейв, потрясенный ничуть не меньше, чем я.

Сидни скромно сказал:

— О, я долго был журналистом. Целых семнадцать лет. Я работал во всех уголках Танзании. Я знаю полицейских и таможенников в каждом районе, и с годами складывается представление, кому из них можно верить. Некоторые показывали мне досье на торговцев. Я все списал. Это важно. Записывать все, что видишь.

— Замечательный труд, — чистосердечно признался я.

— Спасибо. Если хотите, я назову вам имена крупных торговцев. А почему бы вам не взять папку на ночь? Поработаете, а завтра встретимся снова, — улыбнулся Сидни. — Я хочу вам помочь. Какой смысл хранить всю эту информацию, если ее никто не использует?

— А вам не кажется, что ходите по лезвию ножа? — спросил я.

— Да, было дело, — философски пожал плечами Сидни. — Пытался на меня наехать один сомалийский браконьер, угрожал, присматривался ко мне, да вот погиб в автокатастрофе близ Додомы. Может, мне просто повезло.

* * *

Вернувшись в гостиницу, мы всю ночь просидели над собранным Сидни досье, и, когда забрезжил рассвет, у нас уже был готов обширный список вопросов. Нам хотелось знать имена крупнейших дельцов, где они ведут торговлю костью и как организуют ее.

Мы встретились, как было условлено, в отеле «Ойстер-Бей» вдали от центра Дар-эс-Салама.

— Привет, друзья! — зевая, Сидни пожал руку каждому из нас.

Мы заказали напитки с содовой и сели, приготовившись к длительному разговору.

— Людьми, занимающимися сбором добытой кости, командует некий Заиди Барака из Ифакары, — вспомнил Сидни. — Он родом из Азии. Живет в Бурунди, но у него много родственников в Дар-эс-Саламе. На него было возбуждено дело, когда один из подчиненных ему шоферов был арестован и показал, что за три года сделал двадцать три рейса с контрабандой кости. Но, боюсь, в расследовании дела Барака воз и ныне там. Как только Управление безопасности и сотрудники Бюро криминального расследования пытаются выяснить, как он вывозит кость из Дар-эс-Салама, они говорят, что их инициатива пресекается начальником полиции. Они говорят также, что начальник полиции частый гость в доме у Барака. Что они могут поделать?

Сидни продолжил свой рассказ о коррупции, о крупных дельцах, о замешанных в этом деле торговцах, их союзниках в мире политики и уплачиваемых ими взятках.

— Знаете ли вы, что один из членов парламента Танзании только что попал в тюрьму за торговлю костью? — внезапно сказал он.

Я так и сел.

— Нет, не слышал. Расскажите все, что знаете.

— Это весьма запутанная история, но я расскажу вам то, что, мне кажется, для вас будет интереснее всего. Это то, что имеет отношение к Европе. Видите ли, этот парламентарий продавал кость в южных районах Танзании через посредника. Среди его клиентов было несколько миссионеров, которые вывозили кость в Германию.

— Вы шутите! — воскликнула Рос.

— Нет, это правда.

— Вам известны подробности?

— Не слишком. Парламентарий, который мне все это поведал, не хочет рассказывать, кто еще замешан. «Я хочу дожить до старости», — сказал он. Но вот статья на эту тему. — Сидни порылся в папке и извлек оттуда вырезку из «Танзаниэн дейли ньюс» за 1987 год.

Я быстро пробежал по ней глазами. Речь шла о священнике церкви в Мтваре, у которого нашли 224 бивня и которого приговорили за это к тюремному заключению.

— Этот священник работал на другого «отца церкви», который контролирует нелегальную торговлю костью в различных миссиях. Этот церковный босс недаром заслужил здесь прозвище «король». Он могуч и обладает огромным влиянием на всех местных чиновников и полицейских. Он собирает добытую браконьерами кость по всему югу Танзании и отправляет в Германию на кораблях-контейнеровозах.

— Но теперь-то с этим покончено? — сказал Дейв.

— Отнюдь, — сказал Сидни. — Даже после того, как попавшегося священника посадили, они продолжили сбор кости.

— Откуда вы знаете?

— Я был в этом регионе, — просто сказал Сидни. — Я говорил с жителями деревень, находящихся близ миссии, и они знают всё. Некоторые работают при самой миссии и рассказывали мне, как в двенадцать часов по ночам приходит этот парламентарий выгружать мешки. Когда кости накапливается достаточно, ее отсылают в Гамбург.

— Как часто уходят контейнеры?

— Примерно раз в три-четыре месяца.

Я заерзал на краешке стула. Я подумал о своем друге Петере Пюшеле из офиса «Гринпис» в Гамбурге — какова будет его реакция на эту историю. Наверняка за этим последует, что отделение «Гринпис» в Германии захочет помочь делу спасения слонов.

— Вы могли бы узнать, когда пойдет следующая партия? — спросил я.

— Да мог бы, — сомневаясь, сказал Сидни, — но для этого мне придется отправиться в эту часть страны. На это уйдут все мои отпускные деньги.

— Мы найдем вам средства, — сказал я.

В самом деле, не могли же мы бросить дело на полпути. До чего дожили — святые отцы занимаются контрабандой кости! Что дальше? Чем глубже мы копали, тем невероятнее казался след, по которому мы шли.

* * *

Настала пора возвращаться в Англию. Лиз и Нейл прокатали нас до аэропорта. Мы пробыли в Восточной

Африке месяц и собрали больше информации, чем могли ожидать. Расследование танзанийского участия в этой игре явилось громадным прорывом. Теперь в наших руках были подробности всего пути, который проходит контрабандная кость, от начала и до конца. Это знаменовало собой конец пассивной стороны нашей работы. Настала пора менять положение вещей. Отныне у нас были союзники в Африке, так что предложение к Приложению I относительно африканского слона теперь выглядело не несбыточной мечтой, но реальной возможностью.

Но мы не питали иллюзий, что это удастся легко. Слишком много влиятельных людей в Африке заинтересовано в сохранении браконьерства. Оставшиеся без ответа вопросы, вызванные нашими открытиями, мучили нас. Почему скандалы с сотрудниками посольств, попавшимися на контрабанде, не получили достаточно широкой огласки? Почему никто из «экспертов» КИТЕС не упомянул о коррупции и взяточничестве, окутавших торговлю костью в странах Африки? Сочли несущественным? По-нашему, это был один из ключевых факторов во всем этом грязном бизнесе.

Откинув спинки наших кресел, мы сразу же приступили к разработке плана наших дальнейших действий по возвращении в Англию. С одним пунктом согласились единодушно: хоть и с опозданием, но скандалы с дипломатами, попавшимися на контрабанде, обойдут передние полосы газет по всему свету, как на это отважилась «Танзаниэн дейли ньюс».

Глава десятая
Декабрь 1988 — январь 1989
Лондон — Дубай

Дейв

«Борцы за сохранение природы предупреждают: африканские слоны исчезнут с лица Земли в ближайшие десять лет, если во всем мире не будут предприняты шаги к обузданию спроса на слоновую кость». Это заявление из уст комментатора Джулии Соммервилл в выпуске новостей Ай-ти-эн 5 декабря 1988 года знаменовало собой конец партизанской борьбы ЕИА за спасение слонов. Теперь мы открыто требовали запрета на торговлю слоновой костью.

Решение «выйти в народ» далось непросто. Обычно мы стремились довести до конца наше расследование, прежде чем давать ход кампании: заявивши о себе, вести подпольную работу куда труднее. Но после нашей последней поездки мы чувствовали, что выбирать не приходится. Дни африканского слона были сочтены. Все, что мы видели и слышали в Африке, говорило о том, что торговля костью находится вне всякого контроля. И поскольку ни одна организация, как видно, не стремилась этого добиться, этим «кем-то» выпало стать ЕИА.

Работая в Лондоне, мы сознавали, что время поджимает. За десять месяцев до следующей конференции КИТЕС нужно было сделать бездну дел:

оказать влияние на ВВФ, чтобы заставить его изменить свою позицию; до мая месяца успеть подобрать страну, которая согласится внести предложение запрета на торговлю костью; и, самое главное, нужно было растормошить общественное мнение и создать такую атмосферу, которая сделала бы социально неприемлемой покупку слоновой кости. Это было серьезной задачей, и чем раньше мы начнем, тем лучше.

Через несколько дней по возвращении из Дар-эс-Салама я позвонил Мэгги Илс, главному редактору иностранного отдела компании Ай-ти-эн, и предложил ее вниманию наш фильм о Кении и Танзании. Мэгги заинтересовалась нашей историей еще с нашей первой поездки в Объединенные Арабские Эмираты, имевшей место восемь месяцев назад, и Ай-ти-эн уже оказала нам большую поддержку, одолжив видеокамеру-«восьмерку», которой мы пользовались в Африке, и проявив нашу киноплёнку. Когда я рассказал, о чем наш фильм, Мэгги тут же проявила живой интерес.

— Можете прийти к нам завтра же утром? — спросила она.

В студии Мэгги представила меня Полу Дейвису, которому и предстояло сделать репортаж из нашего материала. Мы вместе посмотрели фильм, и, похоже, обоим нашим друзьям понравилось.

— Прекрасная история, Дейв, — спокойно сказала Мэгги.

Материал вышел в эфир на следующий же день во всех трех важнейших выпусках новостей Ай-ти-эн. Он открывался кадрами, запечатлевшими второе стадо диких слонов, увиденных нами в Цаво, затем на экране возникли трупы изуродованных браконьерами слонов, обнаруженные нами в ходе той же поездки. Вслед за этим был показан питомник Дафны Шелдрик для

осиротевших слонят: «Перед вами слоненок Дика, до сих пор не оправившийся от шока после того, как у него убили мать и других членов семьи».

Наконец на экране крупным планом возникла Дафна и выступила со страстным обращением «к народам Америки, Британии и других стран» с призывом перестать покупать конечный результат браконьерской охоты — резную кость. «В конце концов, без кости отлично можно обойтись, — подчеркнула она, — но пока существует спрос на кость, слонов в Африке будут продолжать убивать».

Следующим сюжетом была кладовая слоновой кости в Дар-эс-Саламе с комментарием Пола Дейвиса: «Только в этой кладовой хранятся бивни 3000 слонов, погибших в страшных мучениях. Некоторым было всего несколько месяцев от роду».

Фильм заканчивался сценой, в которой слониха Элеанора, приемная мать осиротевших слонят, удалялась от камеры в гаснущий вечерний свет, что символизировало угасание этого вида животных. Телефильм получился впечатляющим. Сразу за выпуском новостей последовало записанное заранее интервью с Джулией Соммервилл, в котором я повторил свой призыв к британскому народу прекратить покупать изделия из кости. Теперь оставалось ждать реакции.

А реакция себя ждать не заставила. Следующим же утром я давал интервью в студии Би-би-си для программы «Время завтракать». Ведущая выразила удивление, что до сих пор ни одна из крупных природоохранных организаций не провела антибраконьерской кампании, — ведь, сколько горя от браконьеров, если судить по нашему фильму. Я сказал ей, что сам удивляюсь.

Вскоре после того, как программа увидела свет в новостях Ай-ти-эн, мы продали наш фильм программе новостей Си-би-эс для демонстрации в Соединенных

Штатах. Этим мы заработали кое-какие деньги, столь необходимые нам для финансирования следующей поездки. Теперь мы стояли перед дилеммой: либо вести переговоры — возможно, весьма длительные — о продаже нашего фильма другим телекомпаниям по всему миру, либо предложить его Всемирной службе теленовостей, которая передает программы новостей по спутниковой связи на весь мир, но не платит их авторам. Последний вариант гарантировал бы фильму немедленный и широкий отклик во всем мире, и это повлияло на наше решение. Правда, это лишало нас столь необходимых для ЕИА средств, но куда сильнее будет эффект от нашей кампании и куда быстрее дойдет до сознания публики, что такое торговля слоновой костью. А для нас это было самое главное. Решение оказалось оправданным. В считанные дни наши материалы увидели свет на первых полосах газет, и затем в течение многих месяцев они публиковались на страницах журналов.

Мы видели показанный в новостях Си-би-эс вариант нашего фильма; он оказался еще более впечатляющим, чем в редакции Ай-ти-эн. В нем нашлось место для маленькой Файоны, играющей в питомнике осиротевших слонят; при этом голос за кадром читал леденящий душу комментарий: «Все, что осталось от ее семьи, находится на полках магазина по соседству с вами». Си-би-эс также включила в программу архивные кадры, показывающие отстрел целого стада слонов — это было травмирующее зрелище, как огромные животные, одно за другим настигнутые пулями, бились в конвульсиях, прежде чем упасть бездыханными на землю. Кристина Стивенс сообщила, что эта передача породила волну протеста против торговли костью в Америке. Разве могло быть иначе? Пущенный нами снежный ком набирал скорость. В первых числах нового года окрыленный Эллан примчался в офис. «Отделение

„Гринпис“ в Германии готово поддерживать нас шесть месяцев!» — восторженно воскликнул он. Отделение «Гринпис» в Германии всегда проявляло активный интерес к исчезающим видам, и в прошлом Эллан проводил расследования совместно с ними. Едва мы вернулись в Лондон, мы тут же сообщили им о миссионерах, занимающихся контрабандой слоновой кости; эта история, укрепившая в членах «Гринпис» решение помочь спасению слонов, побудила их предоставить нам грант в размере 50 000 долларов на продолжение расследования контрабанды слоновой кости.

За это время с нами искали контактов не менее четырех телевизионных компаний, каждая из которых планировала сделать фильм о торговле слоновой костью. Мы вели долгие дискуссии с Роджером Куком и его командой, которая готовит программы о расследованиях «Кук Репорт» для Центрального телевидения. Компания приглашала одного из нас поехать с ними на месяц в Африку в качестве консультанта, но мы отклонили их предложение. «Кук Репорт» собиралась лишь повторить наш материал, а связь с ними затруднила бы наши собственные расследования.

Первым, что я счел нужным сделать, было отправиться в Дубай. Кларк Бейвин из департамента рыбоохраны и дикой природы США сообщил нам, что если бы мы могли добыть документы, подтверждающие, что Дубай продолжает вывозить кость в Тайвань, Сингапур или Гонконг и после августа 1988 года, США будут вынуждены запретить импорт из этих стран. От ВВФ до нас донеслись слухи, что после того, как Гонконг закрыл лазейку, на воротах косторезных фабрик, в Джебель-Али появился замок; но мы не были в этом уверены. Дубай был далеко не самым любимым нашим местом на земном шаре, но, по

крайней мере, одному из нас придется ехать туда и выяснять, остались ли фабрики на прежнем месте.

По понятным причинам мы всегда старались избегать проводить требующую точности или секретности работу в одиночку. Но драматическое развитие событий в Танзании побудило Эллана немедленно возвращаться туда. У нас в офисе ЕИА работало несколько добровольных помощников, и я попросил одну из них — Сьюзи Уоттс — отправиться в Дубай вместо Эллана. Сьюзи, полуангличанка-полуяпонка, провела детство в Танзании и с теплотой вспоминала о слонах, составлявших часть ее детского мира. А главное, она была куда очаровательнее, чем Эллан. «Чаще улыбайся арабским мужчинам, и они сами во всем сознаются!» — поддразнивал я Сьюзи.

...Прошла еще неделя, и вот мы со Сьюзи в Свободной зоне Джебель-Али — ставим машину и шагаем к корпусу 65-А, наслаждаясь средневосточным солнцем, которое греет нам спины: благодатная перемена после промозглого январского Лондона. Теперь я уже знал, за какие ниточки надо потянуть, чтобы без особого труда получить пропуск в Джебель-Али. Мы выхлопотали разрешение свободно разъезжать по зоне в течение нескольких часов.

Двери обеих косторезных фабрик были тщательно завинчены болтами. Я приложил ухо к двери «МК-Джувелри». В ответ — тишина: не слышно ни бормашин, ни китайской музыки, ничего. Мы побывали в смежных цехах и спросили, что случилось с косторезными фабриками.

— Они съехали в сентябре. Власти Дубая предписали им обратиться, — сказал один начальник цеха.

— Они вернулись назад в Гонконг?
Наш собеседник покачал головой.

— Не думаю. Я слышал, что они перебрались в Аджман.

Хорошенькое утешение для ВВФ, не правда ли? Аджман — соседний эмират, всего в часе езды от Джебель-Али. Мы со Сьюзи решили было сегодня же съездить туда, но передумали: сначала правильнее было проделать кое-какую подготовительную работу да предварительно выведать, где находятся фабрики и работают ли они по-прежнему.

* * *

— Мы привезли вам фотографии.

Завотделом грузоперевозок недоверчиво взял у меня из рук снимок, но затем улыбнулся, узнав себя. Специально к этому визиту я заготовил целую папку фотографий, что мы отсняли в Дубае в ходе предыдущей поездки.

— Забыли, что ли? Мы-то закончили наш фильм о торговле, что снимали в прошлом году.

— Как же, помню, — улыбнулся он.

— Позвольте мне в последний разочек взглянуть на авианакладные, — продолжил я. — Они оказались очень полезными для нашего фильма. Нам нужно быть в курсе текущих контактов — хотим знать, какие компании экспортировали свои грузы в прошлом году, с тем, чтобы ввести свежие данные в наш фильм. Можно ли взглянуть на последние авианакладные?

Зав. отделом не высказал возражений, более того, и в этот раз позволил делать все, что хотим, с авианакладными. Теперь я знал, где искать, и поиски свидетельств не заняли мною времени.

— Взгляни, — прошептал я Сьюзи и подал ей пачку накладных на обработанную кость, отгруженную в Тайвань.

Именно это нам и надо было для требования окончательного запрета ввоза кости в США из Тайваня. Вот бы еще найти такие же доказательства в отношении Сингапура и Гонконга! Продолжение экспорта значило почти наверняка, что косторезные фабрики продолжают работу где-то в Объединенных Арабских Эмиратах. Я переснял ряд инкриминирующих накладных, а Сьюзи просто-напросто сунула их к себе в сумку: поскольку груз уже ушел, накладных едва ли кто-то хватится, а съемка была сделана для страховки: вдруг нам почему-либо не удастся вывезти подлинные свидетельства из страны, тогда остались бы хоть фотокопии.

Для помощи нам был придан служащий офиса, показывавший нам записи об импорте и помогавший в поисках. Мы просмотрели сведения по африканским авиалиниям, но — что вряд ли вызывало удивление — не нашли ни одного документа о слоновой кости. Впрочем, вскоре наш помощник, вытащив какую-то бумагу, помахал ею в воздухе.

— Взгляните, — с улыбкой сказал он, — вот так товар: зубы бегемота из Танзании.

— Правда? Как интересно, — сказала Сьюзи и нахмурилась: зубы бегемота приравнивались к слоновой кости.

— Кому адресован этот груз? — спросил я.

Наш помощник прочел адрес вслух:

— Компания «Аль-Редха Трейдинг» в Дубае.

Это была та самая компания, которая, по словам шотландского моряка, владела кораблем «Фадхил Аллах», перевозившим контрабандную кость.

Делая вид, что теряю интерес, я побрел в другой конец офиса и попросил чиновника помочь мне найти документы «Уганда Эйрлайнз». Взглянув через его плечо, я увидел, как накладная на зубы бегемота скользнула в сумку Сьюзи.

Вернувшись в номер, мы вытряхнули на постель содержимое сумки Сьюзи и принялись изучать наши трофеи. Подробности, которые мы узнавали из накладных, были интереснейшие. На накладной на зубы бегемота значился адрес экспортера в Танзании: Аль-Ваффа. Эллан мог бы с ним встретиться — он собрался лететь в Танзанию на этой неделе. Этим мог бы заинтересоваться и Коста.

Из остальных накладных было ясно, что косторезная фабрика Пуна «МК-Джувелри» по-прежнему являлась главным экспортером кости, каждые две недели отсылая груз в Тайвань, хотя и пользовалась услугами другой авиакомпании. Но была еще одна фирма, экспортировавшая кость, — «Дубай Трейд энд Траст», с которой мы ранее не сталкивались. Вместо адреса на накладной значился дубайский почтовый ящик. Я тут же созвонился с журналистом, которого помнил по своей первой поездке в Дубай.

— Вы слышали что-нибудь о компании «Дубай Трейд энд Траст»? — спросил я.

— Еще бы! — ответил он. — Будете смеяться, но я как раз сейчас делаю материал о его визите в Дубай. Все лимузины и вся охрана эмира отдана в его распоряжение.

— Чей визит? В чье распоряжение? — не понял я.

— Простите. Я думал, вы знаете. Мохаммед Файед. Компания «Дубай Трейд энд Траст» принадлежит братьям Файед. Они купили знаменитый лондонский универмаг «Хэрродс».

Вот след, по которому надо идти. Из дальнейших расспросов выяснилось, что штаб-квартира компании «Дубай Трейд энд Траст» находится в Международном торговом центре Дубая — импозантном небоскребе на шоссе Абу-Даби. На следующий же день я сунул выданную мне Ай-ти-эн видеокамеру в свой вещевой мешок, и мы со Сьюзи отправились по следу «Хэрродс».

Офис компании «Дубай Трейд энд Траст» находился на 20-м этаже торгового центра. Выйдя из лифта, мы оказались в фойе, устланном плюшевыми коврами. За столом сидела секретарь; позади нее был список всех компаний, связанных с «Дубай Трейд энд Траст». В конце списка значилось название, состоящее из единственного слова: «Хэрродс».

— Надо как-то заснять этот список на видео, — прошептал я Сьюзи. — С добрым утром, — сердечно приветствовал я секретаря. — Мы хотели бы отправить кое-что из наших вещей из Танзании в Дубай. Мне посоветовали обратиться именно к вам.

— Да, сэр. Я позвоню, сейчас к вам выйдут.

Она набрала номер, вышел молодой человек и провел нас в офис. Десять минут спустя мы вернулись в приемную, обещав молодому человеку позвонить, «когда будут уточнены данные».

— Вы не возражаете, если мы на минутку присядем? — спросил я секретаря.

— Пожалуйста. Будьте как дома, — улыбнулась она.

Сьюзи села рядом со мной. Я развязал мешок и вытащил оттуда видеокамеру. Список фирм, который мне хотелось заснять, находился позади нас. Выглядело бы слишком подозрительно, если бы я встал и начал снимать его открыто. Я несколько секунд подержал камеру на вытянутых руках и набросился на Сьюзи.

— Так я и знал! Сколько раз говорил: бережнее обращайся с камерой! — прорычал я.

На лице Сьюзи было написано удивление.

— Ну, вот же, сломана! Видишь, в окошечке нет картинки.

— Я обращалась с ней бережно, — запротестовала она. — Ты что-то сочиняешь, она не могла сломаться.

Я встал и сделал несколько шагов по приемной, прижав глаз к окошечку, а затем посмотрел в глаза Сьюзи.

— Ни черта не работает, — сердито сказал я и направил камеру прямо на перечень компаний. — Да, починка влетит нам в копеечку.

Как я и думал, секретарь, не желая быть свидетелем столь неприятной семейной сцены, и не глядела в нашу сторону.

— Ей-богу, я обращалась с ней бережно, — сказала Сьюзи, — ума не приложу, как это могло случиться.

Видно было, что она вот-вот зальется слезами. Я и не подозревал в ней такую замечательную артистку.

— Хочешь, не хочешь, а придется искать мастерскую, — холодно сказал я. — Пойдем.

Как только за нами закрылись двери лифта, Сьюзи снова набросилась на меня с протестами.

— А что бы изменилось, если б она работала? Нам все равно не удалось бы заснять этот список, не вызвав подозрений.

Похоже, она и вправду была в отчаянии.

— А что, ремонт действительно стоит так дорого?

Я чувствовал, что виноват.

— Извини меня, Сьюзи. Я думал, ты так здорово вошла в роль. Так ты не поняла, зачем мне все это было надо? — улыбнулся я. — Камера-то в полном порядке. Просто иначе этот список было никак не заснять.

Сьюзи мгновение потрясенно смотрела на меня, а затем разразилась смехом.

* * *

Мы договорились побывать в ходе нашей поездки в компании «Аль-Редха Дженерал Трейдинг», той самой, в чьей собственности находилось судно «Фадхил Аллах». Адрес мы нашли на авианакладной. Оказалось, под столь помпезным названием скрывается крошечный магазинчик одежды в старой части Дубая. Мы

поставили машину на стоянку при коммерческом банке; Сьюзи проверила микрофон, скрытый за брошью у нее на блузе, и подключила маленький диктофон, спрятанный под ремнем у нее на джинсах. Впервые за все время наших расследований она явно нервничала.

— Ничего, сойдем за туристов и разведем, что там происходит, — успокоил я Сьюзи. — Не будем напрашиваться на неприятности — их и не будет. А знаешь что? Давай-ка сойдем за молодоженов, о'кей?

Сьюзи неуверенно взглянула на меня, улыбнулась — и мы, взявшись за руки, направились к выходу.

Магазинчик и в самом деле был крошечным, с небольшим офисом позади торгового зала. Араб и два индуса восхищенно смотрели на Сьюзи, пока я копался в грудях тщательно упакованных рубашек и джинсов.

— Как тебе вот эти, милая? — спросил я, вытащив пару голубых джинсов.

Сьюзи бросила на меня озорной взгляд.

— Я предпочитаю, когда ты носишь черные. А ну-ка примерь!

Я подобрал пару черных джинсов, и араб повел меня через офис в маленькую примерочную за лестничным пролетом. Я заметил, что лестница ведет в более крупный офис — должно быть, там-то и совершаются операции «Аль-Редха». Надев пару джинсов, я вернулся в магазин, где Сьюзи мило болтала с тремя мужчинами — от ее былой нервозности не осталось и следа.

— Маловаты что-то. Примерю-ка другие, — пробормотал я, чтобы не прерывать ее разговор.

Сьюзи поглядела на меня.

— Вот это да! Три месяца не прошло, как поженились, а ты успел отрастить брюшко! Дождешься, что будешь по целым дням искать для себя пятьдесят восьмой размер!

Я скорчил ей кислую мину. Мужчины загоготали на мой счет. Взяв еще три пары джинсов, я снова скрылся в

том же направлении. Осматриваясь, я с опаской взобрался по лестнице.

Офис наверху был куда больше, чем тот, что находился внизу. Внутри — телефоны и телекс, но никаких следов обычной для офиса бумажной работы. И уж тем более никаких инкриминирующих документов. Очевидно, хозяин офиса был или свехаккуратным, или свехбдительным.

Спустившись вниз, я надел пару джинсов и вернулся к Сьюзи. Она с мужчинами зашла в дальний угол магазинчика и с интересом разглядывала покрытый стеклом стол. Под стеклом — уложенные рядками комплекты африканских банкнот.

— Какие милые бумажки! — воскликнула Сьюзи. — Вы, наверно, часто бываете в Африке. Я не знала, что джинсы оттуда.

— Да нет, — ответил араб, — я не за джинсами туда езжу. За слоновой костью!

— Правда? Как здорово! Куда вы за ней ездите? — спросила Сьюзи с невинным видом.

— Да куда только не ездим! И в Танзанию, и в Бурунди, и в Замбию, и в Руанду, и в Кению, — хвастался он.

Я сделал вид, что мне это безразлично, и взял еще одну пару джинсов для примерки, чтобы дать Сьюзи еще пять минут для расспросов. Наконец я вернулся, остановив свой выбор на паре джинсов, и присоединился к разговору.

— А что вы потом делаете с этой костью, посылаете в другие страны? Здесь-то она зачем? — бросил я якобы мимоходом, подавая пару джинсов, чтобы мне ее завернули.

— Кое-что посылаем, но большую часть обрабатываем здесь же, на фабриках, — ответил он.

— Как, в самом Дубае? — спросил я и осекся.

К счастью, он не заметил изменения тона моего голоса. Взгляд его был устремлен на Сьюзи.

— Да, а еще в Аджмане, недалеко от здания муниципалитета. Мы возем кость из Танзании в небольшой дубайский порт Хамрийя. Там все законно, никаких проблем, — благодушно сказал он, протягивая мне сдачу.

— А неплохо было бы посетить эти фабрики, — сказала Сьюзи. — Не знаете, кто ими владеет?

— Китайцы, — бросил ее собеседник и на мгновение задумался — очень уж хотелось ему угодить Сьюзи. — Сейчас у них Новый год, и все боссы сейчас в Гонконге, но фабрики могут быть открыты. Дубайская фабрика находится близ транспортной развязки имени Обороны.

Сьюзи осмотрелась в поисках стула и, усевшись, раскрыла сумочку.

— Вы не возражаете, если я закурю?

Ни один из троих не возражал. Никто из них не запротестовал, когда она вынула фотоаппарат и сфотографировала их — «я так хочу, чтобы у меня осталась память о вас, когда вернусь домой». Очевидно, они решили, что так и должно быть, и охотно позировали, гордясь собой.

— Как вас зовут? — спросила она проболтавшегося контрабандиста, когда мы уже собрались уходить.

— Абдулла Ямви, — произнес он внушительным тоном. — А моего босса зовут шейх Абдулла Али Бамакрама.

* * *

Указанная транспортная развязка находилась на границе Дубая, на дороге в Джебель-Али. Мы припарковали машину и начали бродить вокруг в неведении, где что искать, пока Сьюзи не наткнулась на валявшийся неподалеку от здания «Шейх Рашид» деревянный упаковочный ящик с надписью: «Сделано в Бурунди. Ки Лунг, Тайвань». Цель наших поисков была где-то рядом! На другом валявшемся рядом ящике значилось содержимое: зуболюбные бормашины; надпись была на китайском и английском. Наконец, рядом лежал еще железный сундучок с наклейкой авиакомпании «Эйр Зимбабве».

Мы спросили у одного-двух прохожих, не знают ли они, что находится в здании. Нам сказали, что его занимает местная компания «Белон-Трејдинг», но, как и предупреждал приятель Сьюзи Абдулла Ямви, она не работала по случаю китайского Нового года. Не важно. Самого факта ее существования достаточно, чтобы развеять миф, будто дубайские косторезы остались не у дел.

Я побывал в Статистическом управлении, справившись о новейших данных по экспорту-импорту. Более всего я интересовался данными по торговле с августа 1988 года, но, к моему огорчению, эти сведения еще не были готовы. Впрочем, я обнаружил, что свыше шестнадцати тонн кости было вывезено из Танзании за первые девять месяцев 1988 года. Это будет интересно

и Косте, подумал я. Дубай ввозил также кость из Бурунди, Кении, Зимбабве, Камеруна, Греции и Англии. Крупнейшими же получателями были Гонконг и Тайвань, не говоря уже о Сингапуре.

Придерживаясь выработанной нами политики, самую рискованную, как мы ожидали, часть расследования — поиск аджманских фабрик — мы оставили напоследок. Прежде мы решили заручиться каким-нибудь официальным прикрытием, и Сьюзи, дозвонившись до офисов правительства Аджмана, договорилась о встрече с советником управления экономики.

Аджман разительно отличается от Дубая и других эмиратов. Он меньше и беднее, чем соседи, с пустынными, грязными и немощеными закоулками. Чиновники, расшибаясь в лепешку, чтобы помочь нам со съемками «фильма о торговле», устроили нам экскурсию в Свободную зону Аджмана. Она оказалась в самой запущенной части порта — куда там до оснащенного по-современному Дубая! Нас таскали от одного предприятия к другому — но нигде ничего имеющего хотя бы отдаленное отношение к торговле костью. Я неоднократно пытался склонить нашего гида к разговору о кости, но, сколько ни пытался заговаривать о китайских предприятиях, ремеслах или изготовлении украшений, наталкивался лишь на пустой взгляд. Мы сделали вид, что интересуемся другими производствами, но, похоже, день у нас пропадавал зазря, пока в ходе нашей поездки по зоне порта с нашим гидом мы не очутились перед небольшим каботажным судном.

Что-то в его внешнем виде заинтриговало меня. Корабль был явно старым, но красили его совсем недавно, и притом в яркую окраску; корпус судна был светло-голубым. Я наклонился, чтобы прочесть название, и обомлел. Это был тот самый «Фадхил

Аллах», с известия о контрабандных операциях которого началась вся наша кампания.

Сьюзи и я одновременно записали это название и, недолго думая, отправились поговорить с командой, которая болталась без дела на набережной. Я не ошибся в способностях Сьюзи сводить с ума мужчин-арабов: минута — и нас уже встречали на борту как дорогих гостей и представили самому капитану. Увы, то, что мы услышали, нас разочаровало.

— Моя компания лишь недавно приобрела этот корабль, — сказал капитан. — Вот только что сделали рейс в Бомбей.

Стало быть, судно уже не принадлежит шейху Абдулле Али Бамакрама.

Но Сьюзи не отступала.

— Меня всегда захватывали судьбы кораблей. Не поведаете мне историю этого?

Снисходительно улыбаясь, капитан наклонился и отпер буфет.

— Вот судовой журнал за последние несколько лет, — сказал он и протянул Сьюзи растрепанный журнал. — Посмотрите, если вам угодно.

В журнале были записаны маршруты, даты, имена членов экипажа, названия портов захода за последние пару лет.

— Можно сфотографировать несколько страниц? Просто на память о вашем корабле, когда вернемся домой, — попросил я.

— Безусловно.

На второй странице обложки значилось имя Саид Фарадж — это было имя агента в Момбасе, которое два года назад называл нам шотландский моряк. Я тут же сфотографировал эту страницу. Я стал листать дальше, и мне в глаза бросались названия портов захода — Могадишо, Ламу, Момбаса, Танга, Дар-эс-Салам — все крупнейшие порты в Восточной Африке, через которые

вывозится контрабандная кость. Теперь не оставалось ни тени сомнения в достоверности информации, побудившей нас удариться в эту кампанию.

Как бы там ни было, но нам не удавалось выцарапать из аджманских чиновников даже намек на то, где могут располагаться косторезные фабрики. Единственное, чем мы располагали, — это сведения, сообщенные Сьюзи Абдуллой Ямви из «Аль-Редха Дженерал Трейдинг». Распростившись с нашими гидами, мы поехали к зданию аджманского муниципалитета, которое назвал Абдулла. Было жарко и пыльно. Мы обратили внимание на свежевыстроенные пристройки к зданию. Туда мы и направились. Так и есть: подойдя возможно ближе, я безошибочно расслышал знакомый звук сверления.

— Вот они где! — прошептал я Сьюзи, включившей потайной диктофон. Видеокамера, правда, пока нацеленная в землю, тоже заработала.

Стеклянная дверь фабрики была прикрыта газетами, явно от посторонних глаз. Наружный металлический затвор был вытасчен на одну треть.

— Улыбайся, — проинструктировал я Сьюзи. В ответ она скорчила мне рожу. Открыв дверь толчком, мы вошли внутрь.

В нашу сторону обернулись десятки изумленных лиц. Судя по всему, большинство работающих были индийцы или пакистанцы.

— Привет! Мы из компании «Фильм-Лондон», — заявил я на весь цех. — Мы снимаем фильм о промышленности Аджмана. Что вы производите? Нам так любопытно!

— Здесь никого нет, — ответил один из индийцев. — Через неделю прибудет мистер Пун.

Тут какой-то китаец, одетый в нечто подобное пижаме, выскочил за дверь. Остальные немедленно прекратили работу и столпились вокруг нас, силясь

понять, что происходит. Фабрика оказалась еще меньше, чем в Джебель-Али; она состояла из двух цехов, вдоль стен которых стояли сверлильные машины. На полу валялся мешок, из которого в беспорядке рассыпались бивни. Никаких признаков изготовления печатей или крупных резных изделий. Судя по всему, все занимались изготовлением бус. Наполненные ими пластмассовые пакеты были сложены у одной из стен.

Я вынул фотоаппарат, и тут же всеобщее изумление сменилось гневом.

— Вы не имеете права здесь снимать! — кричал рабочий, с которым я только что разговаривал. Пользуясь тем, что рабочие сгрудились вокруг меня, Сьюзи проскользнула с видеокамерой в соседний цех.

— Мы направлены сюда правительством Аджмана, — соврал я. — Они разрешили нам снимать здесь все, что угодно.

Это заявление вроде утихомирило рабочих, но они по-прежнему смотрели с подозрением. Тем временем я лихорадочно отщелкивал кадр за кадром.

Вдруг дверь распахнулась — это вернулся китаец и заорал на нас на кантонском наречии.

— Он из Гонконга. Очень волнуется, — сказал индус, хотя в объяснениях не было никакой необходимости.

Я продолжал снимать, чем окончательно вывел китайца из себя. Вынув из кармана листок бумаги, он стал набирать номер телефона. По цифрам я понял, что номер международный. Я подошел и взглянул на листок; на нем значилось два номера. Не обращая внимания на свирепые взгляды китайца, я переписал номера к себе в блокнот. В этот момент вошла Сьюзи с улыбкой на лице, хотя в улыбке ее явно ощущалась тревога.

— Поехали отсюда, Дейв, — шепнула она краешком губ. — Я не в восторге от сегодняшней съемки. Я

держала камеру на уровне пояса, чтобы они не видели. Боюсь, из этого ничего не получится.

— О'кей. Дай сюда камеру, я сниму все как надо, и поехали, — сказал я. Теперь нам, похоже, терять было нечего — маска сорвана и поэтому можно было рисковать чем угодно. Но эта возможность, очевидно, была последней.

Бросив уставившимся на меня рабочим безмятежную улыбку, я направил объектив видеокамеры на пакеты с бусами. На одном из них я заметил название «Ф-ка Фунь» — это была одна из сингапурских фабрик Пуна, посылавшая полуфабрикаты в Гонконг. Однако в этом году Сингапур еще не значился в официальной статистике в качестве направления экспорта слоновой кости из Дубая. Если так, значит, Соединенные Штаты внесли Сингапур в «черный список». Тогда каким же круглым путем она шла? Или декларировалась на таможне под видом чего-то другого?

Сьюзи прервала мои раздумья.

— Ну, поехали же, Дейв, — умоляла она, — ну, ради Бога!

Что касается китайца, единственного не уехавшего из Аджмана на празднование китайского Нового года, он продолжал неистово набирать номер, когда мы вышли. Вернувшись в гостиницу, я поискал у себя в папках визитную карточку Пун Тат Хонга, которую тот вручил мне при знакомстве в Гонконге. Я сравнил два телефонных номера на карточке с теми, по которым менеджер безуспешно пытался дозвониться. Как я и подозревал, одним из них был номер фабрики Пуна в Гонконге. Другой — номер магазина по продаже кости в Коулуне. Через каких-нибудь несколько часов семейство Пун поймет, что их аджманские фабрики разоблачены.

— Пакуй сумку, — сказал я Сьюзи. — Пора домой.

Глава одиннадцатая
Январь — февраль 1989
Лондон и Танзания

Эллан

«Внимание Эллана и Дейва. Срочное сообщение. Индонезийский посол задержан с контейнером добытой браконьерами слоновой кости при попытке контрабандой вывезти ее из страны. Полиция извлекла из контейнера: 184 необработанных бивня, 24 полуфабриката, 82 фигурки, ожерелья, набалдашника из кости. Сообщите в британскую прессу!

Лиз и Нейл».

Я тут же позвонил Джону Мерриту в «Обсервер».

— Я только что получил телекс из Танзании с новостями, которые послужат вам прекрасным материалцем, — сказал я.

Потом я связался с Лиз и Нейлом по телефону. Несколько дней спустя они сообщили мне, что индонезийский посол с женой пытались вылететь из Танзании в Сингапур, но были задержаны таможней, обнаружившей в их багаже десятки изделий из кости. Он попытался сослаться на дипломатический иммунитет, но не разжалобил танзанийскую таможню и акцизный отдел.

22 января 1989 года воскресный номер «Обсервера» дал на международной полосе материал под

заголовком:

«ДИПЛОМАТ ПОЙМАН ПРИ ПОПЫТКЕ КОНТРАБАНДЫ СЛОНОВОЙ КОСТИ». Статья Джона Меррита гневно обличала браконьерскую охоту за слоновой костью и вовлеченность Гонконга в нее и заканчивалась так: «Британия должна нести особую ответственность за контроль ввоза (слоновой кости) на ее территорию, так как до сих пор он, похоже, оставался вне контроля». Теперь, по крайней мере, британская пресса стояла твердо на стороне слонов.

Данное развитие событий подразумевало, что мне надо опять лететь в Танзанию, чтобы довести дело до конца. Скандал с дипломатами, попавшимися на контрабанде, даст превосходный материал для нашей кампании. А тут еще отделение «Гринпис» в Германии снабдило нас грантом на продолжение расследования истории с миссионерами. Значит, я просто обязан был отправиться в путь.

Как раз перед моим отлетом из Вашингтона прибыл Джорген. На деньги, полученные от продажи прав на использование нашего фильма, мы оплатили ему билеты и расходы на исследования, необходимые для выработки предложения по Приложению I для КИТЕС. Он взял месячный отпуск за свой счет и теперь держал путь в Найроби, где ему предстояло ознакомиться с новейшими данными о численности слонов, подготовленными Йеном Дуглас-Гамильтоном, и другими сведениями.

— Успеешь к концу марта? — настаивал я. — Время поджимает. Даже если успеешь к сроку, у нас останется всего два месяца на поиски страны, готовой внести предложение о запрете.

— Успею, — заверил меня Джорген. — Я буду держать вас в курсе, как идут дела.

* * *

— Карибу, — улыбнулась Лиз, приветствовав нас знакомым словом. — Рада вновь видеть вас.

По пути из аэропорта в Дар-эс-Салам она подробно рассказала мне, как было дело с индонезийским послом.

— Сейчас его отпустили с миром, но говорят, что его выгнали из министерства иностранных дел Индонезии без выходного пособия. Кость ему, конечно же, пришлось оставить здесь, на нее и сейчас наложен арест. Конфуз для индонезийского правительства огромный. Скандал получил широкую международную огласку — вы, кажется, тоже к этому руку приложили? — улыбнулась Лиз. — В то время, как это случилось, министр иностранных дел Индонезии находился в Пекине, и надо думать, что китайская пресса не осталась в стороне.

— Вот это да! — сказал я. — А ведь Рекс сообщил мне, что и китайских дипломатов ловили на том же!

* * *

Сначала мы отправились к Нейлу в офис. Он отлучился по делам, но, когда вернулся, Лиз показывала мне материал, подготовленный для журнала «Майомбо» Общества сохранения живой природы Танзании, который она редактировала.

— Теперь мы называем вещи своими именами, — сказала она.

«ПОКУПАЯ СЛОНОВУЮ КОСТЬ, ВЫ УБИВАЕТЕ СЛОНОВ», — гласил заголовок на первой же полосе. Это был заголовок большой статьи, написанной председателем общества Недом Китомари и

призывавшей к международному запрету на торговлю слоновой костью.

Когда я читал эти строки, в голове у меня зашевелилась идея.

— А если внести предложения или изменения... — сказала Лиз, словно читая мои мысли.

— Вот и-мен-но! Только дело вот в чем, — медленно произнес я. — Надо внести ходатайство КИТЕС о запрете международной торговли костью. А что, если мы подключим к этому Танзанию? Нам надо, чтобы какая-нибудь страна внесла предложение к Приложению I. Иначе КИТЕС просто не станет рассматривать этот вопрос. Танзания представляется идеальной для этого страной. Давайте-ка вспомним: сколько слонов вы потеряли из-за браконьерства?

— Сто тысяч за последние десять лет, — сказал Нейл.

— Точно.

— Ну вот. Теперь пусть председатель даст добро, но с этим проблем не будет. Но как бы убедить департамент живой природы поддержать нас... — В голосе Лиз звучали нотки безнадежности.

— Полагаю, об этом не стоит так беспокоиться, — вмешался Нейл. — Думаю, там скоро грянут большие перемены.

Я только что разговаривал с господином Лумбангой из министерства земель и туризма. Он предан делу охраны природы, и до него дошло известие, что его хотят сделать новым постоянным секретарем при министерстве. Все это здорово, но еще ценнее то, что, как мне сообщили, скоро будет назначен новый директор департамента. — Сказав это, Нейл загадочно подмигнул мне.

* * *

На сей раз я остановился в просторном доме Лиз и Нейла, в котором одновременно помещалась и гостиница; он находился недалеко от отеля «Кундучи-Бич», служившего мне пристанищем в прошлый раз.

— Имейте в виду, подъем в шесть, — предупредила меня Лиз, когда я укладывался спать.

— И то если заспимся, — добавил Нейл.

Вполне естественно, в полседьмого утра мы уже были в офисе. Со времени моего прошлого приезда изрытая воронками дорога была отремонтирована дорожными рабочими, и теперь мы плавно неслись вдоль прохладного голубого Индийского океана, окаймленного пальмами, в направлении города. Радовавший глаз вид с лихвой компенсировал недосыпание.

Я расположился в офисе, и Нейл принес экземпляр газеты «Танзаниэн дейли ньюс».

— Ну, что я говорил? — воскликнул он.

На первой полосе сообщалось, что новым директором департамента живой природы назначен Констанциус Млэ.

— Bravo! — вздохнул Нейл с облегчением. — Ну, теперь-то в департаменте наступило время перемен!

— А как насчет предложения по Приложению I? — спросил я.

— Можем начать лоббировать уже сейчас, — улыбнулся Нейл.

Фред Львесуэла остался не у дел. Девять лет он возглавлял департамент живой природы, и за это время поголовье танзанийских слонов оказалось почти полностью истреблено. Теперь, когда он стал никем, а его кресло занял Коста — кто знает, что станет возможным дальше? Еще несколько дней назад казалось несбыточным сном, что Танзания может внести в КИТЕС предложение о запрете на торговлю костью. И вдруг эта возможность стала реальной.

Коста обещал появиться в воскресенье утром. Мы поджидали его на веранде дома Лиз и Нейла, стоявшего на пологом склоне, спускавшемся к морю. Высоко над нами громадный паук плел свою паутину размером с небольшой гамак; по деревянному полу туда-сюда сновали юркие ящерицы, и скакала невесть откуда взявшаяся лягушка. Собаки Нейла и Лиз лежали рядом, смотря на своих хозяев и прислушиваясь.

Небеса Танзании тоже всегда полны жизнью. Ночью воздух наполняет шорох летучих мышей, перелетающих над заброшенным бассейном, охотясь за комарами, а поутру его расцвечивают яркие бабочки, жуки и птицы. Нейл сидел с биноклем наготове, время от времени вскакивая, едва заметив черную точку в нескольких сотнях метров, и восторженно вскрикивал:

— Лиз, взгляни, какая прелесть! Это же...

Хлопнула дверца машины, и собак как ветром сдуло с веранды. Через несколько мгновений в проходе показался Коста.

— Поздравляю, — сказал я и пожал ему руку.

Скромно улыбаясь, он сел рядом со мной.

— Ну, о чем будем говорить? Кто подскажет? — спросил он.

Я только что связался по телефону с Дейвом, находившимся в Дубае, и получил информацию об агенте по слоновой кости в Танзании по имени Аль-Ваффа. Записав все подробности, я передал их Косте.

Он просмотрел записи с большим интересом.

— Спасибо, Эллан. Мы расследуем это дело и увидим, как поступить, — сказал он, тщательно сложил листок и сунул в карман.

— Коста, расскажи Эллану про индонезийского посла, — подсказал Нейл. — Коста присутствовал при обнаружении слоновой кости, — объяснил он.

Коста улыбнулся.

— Хитрили посол с женой! Да все напрасно! Полиция задала послу вопрос, имеется ли слоновая кость в его контейнере. Тот ответил: «Знаете, у жены может оказаться несколько безделушек среди личных вещей». Тот же вопрос был задан ей отдельно, и она ответила: «Знаете, у мужа может найтись несколько безделушек среди личных вещей». Ничего себе, несколько безделушек! — Тут Коста откинул голову и рассмеялся. — Мы распаковывали ее всю ночь! Ящик за ящиком.

— Думаю, индонезийский посол принес слонам огромную пользу, — задумчиво сказала Лиз.

Я понял, что она имеет в виду. Каких-нибудь сто восемьдесят четыре бивня, конечно же, капля в море контрабандной кости, но скандал из этого выйдет громадный. Вызванный инцидентом гнев

общественности во многом способствовал борьбе за запрет торговли слоновой костью.

— Я привез вам кое-какие документы, Коста. Сейчас, только принесу их из своей комнаты, — сказал я.

Перед вылетом из Лондона я составил краткий отчет о таможенной статистике Тайваня, Сингапура и Дубая. В нем была зафиксирована слоновая кость, заявленная танзанийского происхождения и ввезенная этими странами в последние годы. Я также привел оценочную цифру нелегального вывоза через Бурунди, будучи уверенным, что значительная доля этой кости приходится на танзанийскую. В итоге получалось, что не менее 173 тонн кости ежегодно вывозилось из Танзании.

— Впечатляет? Только из цифр, взятых на таможне, неясно, сколько из этой кости вывозится легально, — сказал я, подавая документы Кости.

— Я могу сказать, — ответил он. — Легально не вывозится почти ничего. Знаете, сколько кости вывезено из Танзании на законном основании за последние два с половиной года? И двадцати тонн не наберется.

Коста внимательно рассматривал мой отчет и экземпляры статистических сведений, приложенные к нему.

— Элан, по-моему, тебе следует показать это господину Лумбанге, новому постоянному секретарю при министерстве, — сказал он, наконец. — Это очень веское доказательство того, что творится.

— Так, по-вашему, Танзания согласится внести предложение о дополнении к Приложению I?

— Возможно, — осторожно сказал Коста. — Это как раз то, чего мы можем добиваться.

— Как же вы предлагаете это делать?

— Ну, во-первых, пожалуй, можно создать руководящий орган Общества защиты живой природы

для выработки политики. Думаю, председатель согласится, если собрание пройдет в редакции «Майомбо». Как ты думаешь, Лиз?

Лиз кивнула.

— Я говорила с мистером Китомари. Он во всем готов оказать нам поддержку, но, я думаю, нужно также поставить в известность президента Мвиньи о наших намерениях. Он покровитель нашего общества, в конце концов.

— А что, если написать во все организации, борющиеся за охрану природы, в Европе и Америке, наконец, по всему свету? — предложил я. — Ваше танзанийское общество могло бы обратиться к ним с просьбой направить письма вашему правительству с призывом обратиться к КИТЕС о введении запрета на торговлю костью. Я думаю, эффект получится колоссальный. Так называемые эксперты в Европе и Америке постоянно твердили нам о том, что африканцы не хотят введения запрета. Если сами африканские группы, борющиеся за охрану живой природы, призовут обратиться с ходатайством о таком запрете, это всколыхнет все мировое движение за защиту природы. Людям придется еще раз задуматься.

— По-моему, неплохая идея, — подумав, кивнула Лиз. — Она вызовет мощную поддержку. Так садитесь писать письма, а я попрошу мистера Китомари как председателя общества подписать их.

* * *

— Привет, Эллан! — Сидни тепло пожал мне руку. — Я добыл вам кое-какую весьма интересную информацию о миссионерах.

Сидни пробыл неделю в Южной Танзании. Результатом его расспросов явился документ на восьми

страницах. Его отчет включал записи интервью как с бывшими, так и с теперешними членами миссии. Я жадно вчитывался в них. Один из сотрудников миссии признался, что ему доплачивали полторы тысячи танзанийских шиллингов (равняется 5 английским фунтам) в неделю за то, что он хранил ключ кладовой, куда прятали скупленную у браконьеров кость; но он умолял Сидни не выдавать его, чтобы не навлечь на него больших неприятностей. Становилось очевидным, что ради сохранения в тайне закулисной деятельности миссии обслуживающему персоналу запрещалось приглашать к себе членов семьи или друзей. «Если же кто-то и приходит, как вот вы пришли, святой отец требует от всех остальных не спускать с него глаз и прислушиваться, не станет ли он задавать неподобающие вопросы о святом отце», — сказал Сидни один из служителей.

Другой уточнил: «При святом отце состоят семь-восемь резчиков, которых на весь рабочий день запирают в комнате. Они вырезают изделия из кости и отсылают в миссию в Германии». Никто из рабочих, которых опрашивал Сидни, и поверить не мог, что они делают что-то незаконное. «Святой отец очень важный здесь человек. У него бывает много важных посетителей. Я уверен, что у него есть разрешение на эту деятельность», — сказал один из них.

— Превосходная информация, — сказал я Сидни, захлопывая папку.

Сидни улыбнулся.

— Но это еще не все, Эллан. Где-то в апреле миссия отправит очередную партию кости, и я постараюсь разузнать название корабля, на который она будет погружена.

— А порт назначения известен?

— Известен. Гамбург.

— Спасибо, Сидни! Представляю, как этим заинтересуются мои друзья из отделения «Гринпис» в Германии!

* * *

Теперь мне хотелось получить снимки, относящиеся к истории танзанийского парламентария, приговоренного к тюремному заключению за контрабанду слоновой кости. Редактор газеты «Танзаниэн дейли ньюс» охотно пошел мне навстречу, предоставив десятки фотографий не только данного, но и многих других случаев. Здесь были снимки нафаршированного слоновой костью автомобиля вышеозначенного высокопоставленного лица, снимки кости, конфискованной в частных жилищах, в поездах, у водителей грузовиков, оборудованных тайниками. Он позволил мне взять эти снимки для копирования в департаменте информации при правительстве.

Когда заказ был готов, и я возвратился за копиями и уселся рассматривать их, то услышал у себя за спиной чей-то голос:

— Какое зверство, не правда ли?

Я оглянулся и увидел молодого человека, заинтересовавшегося фотографиями.

— Да, это действительно зверство, — повторил он. — Кончится тем, что из-за торговли костью в Танзании перебьют всех слонов.

Юношу звали Раймонд. Он назвался учителем, получившим образование в Англии.

— И вы интересуетесь браконьерством? — спросил он.

Отрицать было бесполезно.

— Я сейчас занимаюсь исследовательской работой, — сообщил мне Раймонд. — Мой офис

находится в здании позади этого. Я знаю несколько интересных историй, связанных со слоновой костью. О, сколько же с ней связано коррупции! Хотите, пойдём ко мне и поговорим ещё?

Я последовал за ним. Офис, где работал юноша, был обшарпанным и грязным, как, впрочем, большинство правительственных учреждений Танзании. В нём был простой деревянный стол и допотопная механическая пишущая машинка.

Раймонд сел напротив меня.

— У меня есть друг, он работает журналистом на юге Танзании. Он рассказал мне, что как-то раз в прошлом году троих арестовали, найдя у них кость — свыше двухсот бивней. Двое из них были влиятельными бизнесменами. Через два дня всех троих отпустили из тюрьмы. А кость... — тут он пожал плечами, — просто-напросто исчезла из полицейского участка. Мой друг написал об этих арестах и послал материал в свой офис в Дар-эс-Саламе, но он так и не был опубликован. Когда же мой друг решил справиться о судьбе материала, босс ответил ему: «Забудьте об этом и не посылайте больше информации на эту тему».

— Да, это скорее напоминает Сицилию, чем Африку, — сказал я.

Раймонд улыбнулся.

— Слушайте дальше. У меня ещё есть большой друг, служащий в полиции. Он сказал мне, что в начале 1988 года полиция конфисковала около трехсот бивней. Они принадлежали местному бизнесмену и предназначались к отправке в Йемен. Кость отвезли в полицейский участок, и для осмотра были приглашены старшие офицеры. Через две недели бивни исчезли.

— Их не могли просто отвезти в кладовую слоновой кости в Дар-эс-Саламе? — предположил я.

Раймонд покачал головой.

— Нет. Он это проверял.

— Откуда вы знаете, что он говорит правду?

— Он же мой друг. Мы происходим из одного племени и выросли вместе. Он мне все это рассказал, чтобы излить душу. «Я хочу, чтобы, когда подрастут мои дети, еще остались живые слоны», — вот что он мне сказал.

Я вспомнил: те же слова сказала мне Дженни.

— У него есть знакомые и на таможне, — неожиданно сказал Раймонд.

— В порту Дар-эс-Салам?

— И не только. По его словам, в таможне все знают, что происходит. Старшим чиновникам дают на лапу, чтобы они не заглядывали в те или иные контейнеры — не только в те, где кость, но и где вообще что-нибудь ценное. Но младшим-то служащим, как правило, ничего не перепадает, и их обычно легко разговорить.

Все это звучало интересно.

— Могли бы вы разузнать о кости, уходящей из порта? Я хотел бы узнать о конкретных отгрузках: кто, когда, кому и где.

— Да. Я могу расспросить своего друга. — Тут мой собеседник перешел на шепот. — Я знаю, что посол одной весьма уважаемой страны отсылает кость к себе на родину. Мой друг, служащий в полиции, знает подробности. Хотите с ним встретиться?

— Безусловно, — ответил я.

...Договориться о встрече было делом двадцати минут. Ловим такси — и вот уже сидим за столиком ресторана. Наш собеседник — высокий полицейский в форме. Когда мы представлялись друг другу, он поначалу выглядел сдержанным и недоверчивым, но Раймонд подбодрил его, и тот подобрел. Он подтвердил рассказ Раймонда о после из весьма уважаемой страны.

— Его назначили сюда в январе 1988 года, и с тех пор он отправил на родину, по крайней мере, три партии кости. Он договаривается с браконьерами об

отстреле слонов в Селусском заповеднике, а кость ему доставляют прямо в посольство.

По сравнению с размахом Пуна масштабы здесь были невелики: ну двадцать бивней, ну пятьдесят, но — еще один случай с послом, какой скандал! Если бы мы раскрутили эту историю, это принесло бы огромную пользу. Я записал все подробности себе в блокнот.

— Спасибо за все, — сказал я, — я чувствую, что снова встречу с вами.

Вернувшись в офис Нейла, я сел за компьютер для подготовки подробного доклада о международной торговле слоновой костью новому постоянному секретарю министерства земельного хозяйства и туризма г-ну Лумбанге, с надеждой, что это побудит его поддержать запрет на торговлю слоновой костью.

Следующим, что я сделал, было написание писем от имени Общества сохранения живой природы Танзании для рассылки природоохранным организациям по всему миру. Типов писем было несколько, в зависимости от того, какую позицию занимала группа в текущий момент. Один тип письма — в адрес групп, противившихся запрету, другой — в адрес сторонников, третий — в адрес еще не определившихся или не знакомых с ситуацией.

В последующие несколько дней я изготовил десятки экземпляров каждого текста. К каждому письму прилагался экземпляр журнала «Майомбо» со слонем и броским лозунгом «ПОКУПАЯ СЛОНОВУЮ КОСТЬ, ВЫ УБИВАЕТЕ СЛОНОВ» на обложке. Написав адреса природоохранных организаций, Лиз и я понесли письма на подпись к председателю общества мистери Китомари.

Господин Китомари был также назначенным управляющим Банка Танзании, и из его замечаний было ясно, что страна ничего не приобретала от нелегального вывоза кости. Напротив, на богатстве

Танзании, разоряя при этом один из ее важнейших ресурсов для туризма, наживались другие страны, в то время как сама Танзания с огромным трудом боролась с девальвацией национальной валюты.

К моему удивлению, мистер Китомари, похоже, ничего не знал о роли Бурунди в торговле добытой браконьерами костью. Когда я сообщил ему, что в настоящее время в Бурунди находится огромное количество добытой в Танзании кости, которую Бурунди пытается легализовать, чтобы продать на мировом рынке, он пришел в гнев.

— Я свяжусь с нашим посольством в Бурунди. А общество должно будет послать в секретариат КИТЕС телекс с протестом против этих попыток продать кость. Ее у нас украли, так что у них нет никакого права продавать ее.

— А сколь важен для Танзании доход от легальной продажи кости? — спросил я. Хотя Коста заверил меня, что в последние годы было легально вывезено лишь двадцать две с половиной тонны, мне хотелось прояснить отношение Танзании к этому бизнесу. — Будет ли потеря выручки в случае введения запрета большой проблемой для казначейства?

Китомари ответил философски.

— Мы постоянно нуждаемся в иностранной валюте, — сказал он, — ее так не хватает стране! Но слоны для нас ценнее. И защитить их — наш долг.

— Могли бы вы поговорить с министром финансов, чтобы он не выступал против введения запрета на торговлю костью?

Этот вопрос был критическим.

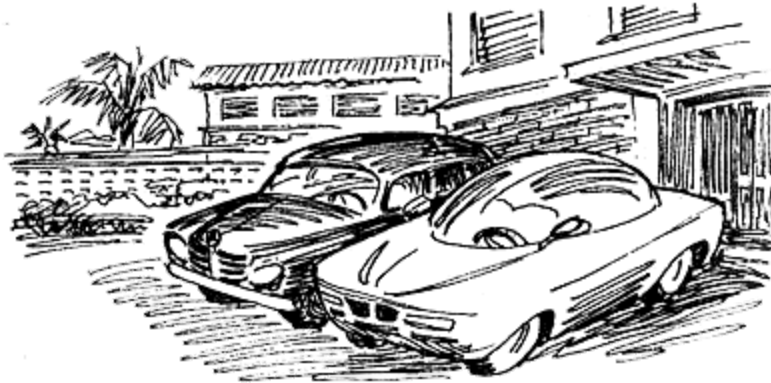
Мистер Китомари улыбнулся.

— Да, я поговорю с ним, — обещал он. — Он мой большой друг. Проблем не будет.

На этой оптимистичной ноте можно было возвращаться в Лондон.

Глава двенадцатая
Март 1989
Дубай — Сингапур

Дейв

В начале 1989 года ЕИА переехала в новый офис из трех комнат в Айлингтоне. Объем работы, сделанной во имя спасения слонов, уже не вмещался в единственную комнату. Большую часть накопленного материала составляли пресс-релизы и интервью; и то и другое было необходимо, чтобы нести наше слово по всему свету. Но отношения с прессой не всегда совпадали с нашими планами.

В феврале одно из воскресных цветных приложений опубликовало крупную статью о браконьерской охоте на слонов в Кении. Для моей фотографии двух убитых слонов, сделанной в национальном парке Цаво, был отведен целый разворот; в статье были использованы и другие фотографии, сделанные ЕИА. Это была хорошая реклама. Мы знали, что работа над такой статьей идет; более того, Рос даже сопровождала автора по национальному парку Цаво во время нашей поездки в декабре. И что же? Ни одного упоминания о ЕИА, кроме как в крошечной подписи к фотографиям. Более того, журнал опубликовал адрес ВВФ и агитировал, чтобы именно на его счет присылались пожертвования на спасение слонов — и это при том, что ВВФ по-прежнему противился самой мысли о запрете на торговлю костью.

За пощечиной последовал плевков в душу. Я давал интервью четвертому каналу Би-би-си для программы по естественной истории, в котором защищал позицию ЕИА, оспаривая аргументы международного эксперта ВВФ Симона Листера. Плюс к агитации посылать пожертвования ВВФ, в надежде, что это спасет слонов от истребления, Симон по-прежнему выступал за «рациональное использование живой природы». Я высказал мысль, что его рассуждения далеки от истины, потому что основываются на, мягко говоря, слабом знании фактов, но моего собеседника было пушкой не прошибить.

Пропасть между нами углублялась. Тем удивительнее, что несколько дней спустя Симон позвонил мне. Еще удивительнее было то, что он обратился ко мне с просьбой. Принц Чарльз собрался в Дубай поиграть в поло, и ВВФ хотел поставить его в известность о ситуации со слоновой костью в этой стране. Неудивительно — поскольку ВВФ ничего не знал на сей предмет, ему самому это сделать было трудновато.

— Не могли бы вы составить нам доклад, чтобы мы могли передать его принцу Чарльзу? — любезно попросил Симон.

Пока ВВФ не окажется по одну с нами сторону баррикады, нам не хотелось играть с ним в одной команде.

— Извините, Симон, мы не можем. Но мы сообщим принцу Чарльзу о ситуации, если кто-нибудь из его офиса захочет войти с нами в контакт, — столь же вежливо ответил я.

Но никто из офиса принца Чарльза не изъявил желание вступить в контакт с ЕИА.

Ближайшие несколько месяцев Эллану и мне предстояло бывать в Англии лишь наездами. Эллан в третий раз отправлялся в Танзанию с надеждой

добиться прогресса в убеждении правительства этой страны выступить с предложением к Приложению I для рассмотрения в КИТЕС. В эти же сроки мне предстояло быть в Сингапуре, и снова в компании Сьюзи — ее новоявленный талант актрисы обещал стать бесценным приобретением.

Мы сделали остановку в Объединенных Арабских Эмиратах и провели несколько дней в поисках свежих статистических данных. К моему огорчению, цифры по торговле после августа 1988 года по-прежнему оставались недоступны. Я заподозрил, что дубайские власти поняли, за чем мы охотимся, и стремились замести следы.

Китайские работяги вернулись из отпуска на аджманские фабрики, и мы немножечко там пошпионили. Припарковав близ фабрики нашу машину, мы заметили шикарный «мерседес» и не менее роскошный «БМВ» — как нам ранее сообщили, это были машины Джорджа и Сэма Пуна.

Прибыв в Дубай, мы захотели взглянуть на самые свежие документы в отделе грузоперевозок аэропорта. В прошлый раз мы увели оттуда несколько авианакладных, так что переступали порог офиса с некоторым трепетом. Но и на сей раз каждый был сама любезность, и нам охотно вынимали папки со счетами. Мы спросили, нет ли у них небольшой комнаты для работы с документами — мол, нам не хочется мешать вам; нам показали какую-то не то кухню, не то столовую.

Изучая накладные, мы открыли, что фабрика «МК-Джувелри» по-прежнему регулярно экспортировала кость, хотя и по новому аджманскому адресу. Агента по перевозке звали Аль-Раис. Тот же агент отправил нечто под названием «модная бижутерия» в Германию и Бельгию. Любопытно, что ящики, в которых

экспортировался этот груз, были того же размера и веса, что и ящики со слоновой костью!

Мы сфотографировали соответствующие накладные и, как прежде, сунули их к себе в сумки. Но на сей раз, сделать это было куда труднее. Служащие офиса явно не хотели оставить нас одних; скорее походило на то, что им было велено не спускать с нас глаз. Я повернулся к стене и в тот момент, когда казалось, что никто на меня не смотрит, одним движением вытянул накладные из папки. В тот момент, когда я фотографировал документы, некто, проходя мимо стеклянной двери, бросил взгляд сквозь нее. Осторожно выждав две секунды, показавшиеся вечностью, я вытащил накладную из папки и глянул, ушел ли он. Он явно положил на меня глаз. Я похолодел. Если нас поймают на краже документов, нас упекут в тюрьму — в лучшем случае на несколько дней, пока не придет ответ из посольства. А может, и на куда более долгий срок.

Я обратился к Сьюзи.

— По-моему, пора сматываться, — сказал я.

И как раз в этот момент дверь распахнулась.

Это был старший начальник.

— Ну, как идут дела? Вы кончили? — спросил он. В его голосе, хотя по-прежнему вежливым, уже не было заметно былой дружелюбности.

— Думаю, хватит. Сейчас уходим, — с улыбкой ответил я.

— Вы проводите исследования по-прежнему для фильма?

— Именно так, — кивнул я.

— Пройдемте к директору.

Это выглядело скорее предписанием, чем просьбой.

Мы взяли сумки, гоня неотвязные мысли об их инкриминирующем содержимом. Я спешно запихнул высунувшийся из сумки Сьюзи листок бумаги обратно в сумку.

Начальник провел нас в аккуратный офис, в котором стоял стол, покрытый матовым стеклом; на рабочем столе из красного дерева были аккуратно разложены брошюры с рекламой путешествий.

— Так. Вы из компании «Фильм-Лондон», я вас правильно понял? — спросил чей-то голос.

Я оглянулся. Это был тот самый человек, который видел, как я вытаскивал авианакладную из папки. Он тщательно изучал мою фиктивную карточку, — Как я понял, вы снимаете фильм о торговле. Вы бывали здесь прежде? — Это был явно риторический вопрос.

Я протянул ему руку.

— Рад встретиться с вами. Осмелюсь доложить, ваши сотрудники очень помогли нам, — с теплотой в голосе сказал я.

Он был слегка удивлен.

— Д-да. Я ув-верен, что так оно и было. Но, видите ли, вам следовало сперва обратиться ко мне. Должен же я знать, что у меня тут происходит.

В этот момент вошел инспектор с одним из клерков. Закурив сигарету, директор пристально посмотрел на нас.

— Когда вы были здесь в прошлый раз, вы случайно не прихватили с собой какие-то документы насчет каких-то зубов бегемота? Наш сотрудник говорит, что вы ими особенно заинтересовались. — Он улыбнулся так, что от его улыбки мне стало не по себе. — А потом они исчезли.

— Ты помнишь, Дейв? Я что-то не припомню, — произнесла Сьюзи с невинным видом.

— Да, было что-то такое. И мы еще хорошенько посмеялись: кому это могли понадобиться зубы бегемота? — Клерк кивнул в знак подтверждения наших слов. — Нет, мы ничего не брали. Может быть, они смешались с какими-то другими бумагами, которые мы

смотрели. Извините, что так получилось. Наверное, мы случайно засунули их не туда, куда надо.

— Наверное, — сказал директор, дав понять, что наши слова его не убедили.

— Простите, что мы отняли у вас столько времени, — решительно сказал я. — Я рад был встретиться со всеми вами, не знаем, как и благодарить вас всех.

Я и Сьюзи встали, пожали всем руки и зашагали по направлению к двери.

— Секунду, — сказал директор.

Я обернулся.

Он посмотрел на меня пристальным взглядом.

— Вы не забыли здесь ничего из своих вещей?

Намек был ясен.

— Ничего не забыли, спасибо, — кивнул я.

— Тогда всего хорошего. Вы сказали, что летите сегодня вечером?

Он сказал это таким тоном, что следовало понимать: «Чтобы ноги вашей здесь больше не было».

— Да. Самолет через пару часов.

— Так мы больше не увидимся, — кивнул он.

— Ноги нашей тут не будет, — выпалила Сьюзи, когда за нами захлопнулась дверь.

* * *

Мы продолжили наш путь в Сингапур. Вылетели вечером и летели еще целый день. Поскольку из экономии мы покупали самые дешевые билеты, то нам редко доводилось летать прямыми рейсами. На этот раз по пути в Сингапур нам предстояли посадки в Бангкоке и Куала-Лумпуре.

Приземлились в Сингапуре порядком измотанными. Но и в Сингапуре нам не удалось расслабиться.

Сингапур — город контрастов: с одной стороны — вседозволенность, с другой — драконовские законы. Мы остановились в туристской гостинице «Грэнд-Сентрал», находящейся в стороне от главных улиц. При ней была обшарпанная торговая площадка и заведение, скрывающееся под вывеской «фитнесс-центра» с предложением «массажей». Девушки открыто слонялись у входа, ожидая, пока их выкрикнут по имени, и наблюдая, как японские и американские клиенты расплачиваются с помощью кредитных карточек. А вот за переход в неположенном месте или за брошенный на мостовую окурок можно было нарваться на крупный штраф.

Сингапур процветает благодаря торговле. Здесь есть огромный порт, с бесплатным заходом в не столь широко разрекламированные свободные зоны. В начале 1980-х годов многие гонконгские бизнесмены начали свою карьеру именно в Сингапуре. Среди них было немало нелегальных торговцев костью, которые чувствовали себя стесненными даже теми либеральными правилами, которые КИТЕС собиралась наложить на Гонконг. Теперь мы знали, что некоторые из первых косторезных фабрик, использующих гонконгскую лазейку, возникли здесь. Сингапур не присоединялся к КИТЕС до 1986 года, когда находившемуся здесь внушительному складу в 270 тонн кости была дарована «амнистия». Это не была конфискованная кость. Вся она находилась в собственности дельцов, и когда благодаря легализации ее стоимость за одну ночь подскочила вдвое, семейство Пун, семейство Лэ, К. Т. Вонг и другие им подобные увеличили свое состояние на миллионы фунтов и консолидировали свое главенство на рынке слоновой кости.

Завладев легализованной костью прямо со склада, они взвинтили цены, и многие легальные торговцы

костью оказались не у дел.

Ужесточение норм КИТЕС по отношению к Сингапуру выглядело явно смехотворным. Мы знали, что в 1987 году до меньшей мере 39 тонн контрабандной кости прибыло в Сингапур из Дубая. Мы также знали, что компания «Фунь Айвори» по-прежнему получала слоновую кость с аджманской фабрики. Свидетельства, собранные нами в Гонконге, говорили о том, что Сингапур по-прежнему используется как ступенька при входе на эту британскую территорию. Что мы надеялись проделать за короткое время пребывания в Сингапуре — разоблачить роль Сингапура в нелегальной торговле костью.

В первые два дня пребывания в Сингапуре мы занимались нашей обычной рутинной работой: заходили в какой-нибудь магазин по продаже кости и делали вид, что хотим приобрести печати ханко.

— Что с ними делают? — спрашивала Сьюзи с невинным видом.

— Эти печати используются для подписи документов, — объясняли ей. — Они заменяют вашу подпись.

— Как ты на это смотришь, милая? — отвечал я. — А не купить ли нам дюжину в подарок друзьям? Я сделаю рисунки и закажу вырезать.

Тут Сьюзи смотрела на меня влюбленными глазами.

— Какая прекрасная идея, милый! Только вот бы узнать, где их можно вырезать. Нет ли здесь случайно поблизости фабрики?

...Таким путем мы мало-помалу собирали информацию о компаниях, чьи фабрики работали в Сингапуре.

Затем мы отправились в Коломбо-Корт — комплекс правительственных учреждений недалеко от знаменитого отеля «Раффлз». В офисе на семнадцатом этаже находился свой «Компани-хаус», где всякий

желающий мог получить данные о компаниях с помощью компьютера. Одно нажатие кнопки — и перед нашими глазами вся сеть, множество нитей, ведущих от Гонконга к Сингапуру; имена Пун и Тат Хинг всплывали на каждом шагу.

Мы составили список имен и адресов держателей акций компаний, делающих свой бизнес на слоновой кости, и постарались расположить их в порядке значимости, в зависимости от числа акций и размеров компании. Когда мы справились, что же кроется за адресами компаний, мы были удивлены: многие из них ютились в непритязательных квартирах в кварталах многоквартирных домов в небогатых частях города. Но когда мы отправились по адресам сингапурских резиденций гонконгских директоров, нам открылась совсем иная картина; виллы, шикарные квартиры в самых престижных районах. Многие из них были оборудованы контрольно-пропускными пунктами. Было очевидно, что контроль за деятельностью компаний велся именно отсюда.

* * *

Сьюзи дозвонилась до правительственного учреждения, ответственного за соблюдение ограничений КИТЕС, и попросила об интервью. На другом конце провода с неохотой шли на сотрудничество и сначала потребовали список вопросов. Поэтому мы изменили наши планы и сначала направились к косторезной фабрике «Сан Чон», находившейся в собственности гонконгской семьи Лэ и основанной в 1984 году. Мы знали, что Майкл Лэ, наряду с братьями Пун, был одним из тех, кто больше всего нажился на «амнистии» слоновой кости в 1986 году.

Фабрика располагалась на четвертом этаже крупного здания, разделенного на маленькие производственные помещения. Мы поднялись по лестнице и очутились на лишенном козырька балконе; солнце напекало нам головы. На верхней лестничной площадке стояли три больших упаковочных ящика; я переписал с их стенок данные об отгрузке товара. Откуда-то неподалеку доносился звук сверления.

Я вошел в открытую дверь, ведущую с балкона в помещение, Сьюзи последовала за мной. К нам подошел молодой китаец. Доверительно улыбаясь, я протянул ему карточку «Бокс филмз».

— Привет. Не хотите ли поговорить с нами? Мы собираем материал для фильма о торговле слоновой костью.

Я заранее решил играть в открытую. В конце концов, эта фабрика принадлежала не Пуну.

Ход оправдал себя. Наш собеседник назвался Лэ Ю Ки — членом семейного синдиката Лэ. Похоже, он был счастлив всё нам показать и повел нас в цех, где рабочие размечали бивни для изготовления печатей. Машина, с помощью которой они вырезались, непрерывно подавала воду к режущему инструменту. На изготовление каждой печати уходило не более пяти секунд — вся процедура напоминала очистку шкурки с яблока. Ю Ки похвастался, что даже мелкие обрезки идут не на свалку, а в дело — из них изготавливаются бусы.

Готовые печати паковались в ящики, по тысячи в каждый; вес такого ящика составлял двадцать килограммов.

— Мы сегодня производим лишь один ящик в день, — сказал Ю Ки, видимо, рассчитывая на сочувствие, — у меня сегодня только десять рабочих, а было куда как больше; когда мы впервые

перебазировались в Сингапур, чтобы избежать контроля со стороны КИТЕС, у нас их было пятьдесят.

«Да, но коль скоро каждая печать продается по двадцать фунтов, то оборотец-то все равно немаленький», — подумал я.

— Значит, переехав сюда, вы смогли использовать лазейку в системе КИТЕС? — спросил я, решившись на еще более смелый шаг. — Это путем ввоза обработанной кости в Гонконг?

— Именно так, — кивнул Ю Ки.

— А нет ли в этой системе еще лазеек? Может быть, кто-то другой пользуется ими?

Ю Ки улыбнулся с видом знающего человека.

— Да есть одна простая лазейка — ею пользуются компании, изготавливающие бусы. Они вывозят обрезки кости из Гонконга — по легальным разрешениям. Те же разрешения должны использоваться и при экспорте бус. Но при изготовлении бус в отходы идет до двадцати процентов. Значит, из каждых ста килограммов обрезков кости получается 80 килограммов бус. Значит, остается разрешение еще на двадцать килограммов кости.

— И как же эти разрешения используют?

— Ввозить готовую продукцию в Сингапур можно по-прежнему без разрешений. Так было всегда, но сегодня, после того как гонконгская лазейка закрылась, этот путь приобрел особое значение. Стало быть, они ввозят сюда законченные изделия из добытой браконьерами кости, обработанной где-нибудь в Тайване или Дубае. А затем уже их везут в Гонконг или Японию по остающимся разрешениям.

Так вот как все это делается. Теперь мы знали, каким образом Сингапур играет роль посредника между дубайскими фабриками и потребителями их продукции. Роль Сингапура возросла с августа 1988 года, когда Гонконг ужесточил свое законодательство. Дело было

не только в фокусах с отходами производства: у них на руках еще оставалось множество документов об «амнистии» слоновой кости, которые могли быть предъявлены, если кость, контрабандой ввозимая в Гонконг, все же будет раскрыта.

— Все, что вы рассказали, впечатляет, но уж больно хитроумно для нашего фильма. А как по-твоему, Сьюзи?

Сьюзи поправила брошь, под которой у нее был спрятан микрофон.

— Все это интересно, хотя я ничего толком не разобрала, — соврала она. — Спасибо за то, что потратили на нас время, мистер Лэ.

По пути назад в отель мы обсуждали откровения мистера Лэ.

— В общем, надо изучать фабрики бус. Их множество, — сказала Сьюзи.

— Теперь еще эта лазейка с обрезками, — сказал я, по-прежнему находясь под впечатлением наших открытий. — Это действительно способ покупки разрешений. Бумага — вот что становится самым ценным. С ее помощью отмывается браконьерская кость, которая таким путем вдвое возрастает в цене. Да что там вдвое! Обрезки кости стоят каких-нибудь двадцать долларов за кило, а бивни, если на них имеется разрешение, — около двухсот!

— Так им даже не нужно делать бусы, — заключила Сьюзи. — Ведь можно просто выкинуть обрезки, а выданные на них разрешения использовать для экспорта хоть сырья, хоть готовой продукции, и по-прежнему делать огромные деньги!

...Мы вернулись в гостиницу, анализируя наши открытия. На доске объявлений висело письмо для некоей Наоми Уоттс. Наоми — имя, которое Сьюзи получила при рождении, но никогда не пользовалась им. Я был уверен, что во всем Сингапуре один я посвящен в то, что у Сьюзи есть еще имя Наоми.

Мы закрыли за собой дверь ее номера и только тогда распечатали конверт. Когда Сьюзи читала послание, у нее дрожали руки.

— Оно на официальном правительственном бланке, — неуверенным голосом произнесла она, — они приглашают нас завтра для неформальной беседы. — Ее лицо было совершенно бледным. — Похоже, они следят за нами, если знают, что меня зовут Наоми.

Взяв карандаш, она черкнула несколько строк на листке из блокнота и сунула мне: «Давай больше не разговаривать о слоновой кости в гостинице — ни у меня, ни у тебя в номере. Я напугана. Сьюзи».

* * *

Встретившие нас два правительственных чиновника были вежливы, но держались с осторожностью. Фактически весь разговор вел один.

— Надеюсь, вы понимаете, что это не интервью. Мы пригласили вас затем, чтобы довести до вашего сведения информацию о принимаемых нами мерах по проведению в жизнь ограничений на торговлю слоновой костью, налагаемых КИТЕС. Позиция сингапурского правительства по данной проблеме сходна с позицией вашего премьера Маргарет Тэтчер. Мы стремимся к возможно меньшему вмешательству в вопросы торговли.

Было очевидно, что он не хотел прерывать заготовленную заранее речь.

— Сингапур является первой страной в регионе, которая ввела у себя правовые нормы КИТЕС, — похвастался он.

— Впечатляет, — улыбнулась Сьюзи, пытаюсь разрядить атмосферу.

— Да, но когда вы присоединились к КИТЕС, в Сингапуре было обнаружено большое количество кости, — вмешался я.

Чиновник тут же прикусил язык. Ему явно не хотелось ни вести разговоры о складе слоновой кости, ни вступать в дискуссии о том, в чьи руки она попала.

Я попробовал другой ход.

— Известно ли вам, что дельцы используют разрешения, выдаваемые для обрезков слоновой кости, для отмывания поступающей в Сингапур кости, добытой браконьерами?

Наш собеседник занял оборонительную позицию.

— Все это несущественные мелочи, — строго и наставительно сказал он. — Вам следовало бы заняться слонами, которые еще живы! Наши ограничения в области импорта призваны решать более серьезные задачи — например, предотвращения занесения бешенства кошками и собаками. Мы не занимаемся пустяками.

Его коллега не выдержал искушения вставить слово.

— Такие, как вы, проводя расследования, отвлекают людские ресурсы развивающихся стран от неотложных дел! Я сохранял настойчивость.

— Верно ли, что тридцать девять тонн кости поступили в Сингапур из Дубая в 1987 году?

— Мы пригласили вас не для того, чтобы давать интервью, — взъярился чиновник.

— Но это важный вопрос, не так ли?

— Откуда у вас эти сведения?

— Из статистических сводок Дубая, — спокойно ответила Сьюзи.

— Возможно, эти сводки неверны, — парировал он, — и вообще, я считаю невероятным, чтобы в Сингапур ввозилась слоновая кость. — Он пожал

плечами, как бы пытаюсь и от разговора. — Но даже если ввозится, всё в рамках ограничений КИТЕС.

Его коллега разговаривал более спокойным тоном.

— Видите ли, слоновая кость здесь, в Сингапуре, как и во всем регионе, объявлена объектом культуры. Ее можно приравнять к Бетховену, Баху или великим европейским мастерам кисти. Ее значение трудно объяснить европейцам.

Я закусил губу. Можно было, конечно, попытаться объяснить чиновнику всю неуместность подобных сравнений в данной ситуации. Слоновая кость перемалывалась в безделушки, которые затем наводняли Европу, Америку и Японию. Продукция, которую выпускают Пун и ему подобные, не имеет никакого отношения к подлинному искусству. Но такая попытка была бы бессмысленной тратой времени. Да мы и не ставили целью изменить их «официальную» точку зрения, носившую характер доктрины. Встреча закончилась ничем. Мы распрощались.

* * *

Окрыленные тем, как тепло нас приняли на фабрике «Сун Чон», мы решили попробовать фабрику «Фунь Айвори». Может быть, продолжать преследовать семейство Пун значило искушать судьбу, но я полагал важным составить полную картину их деятельности. Да и самому любопытно.

— Не забывай, Сьюзи, никакой героики, — пошутил я, припарковывая машину напротив фабрики.

— Постараюсь, — спокойно сказала она.

Я чувствовал, что охватившее меня напряжение передается и ей. Она знала, что я, идя по следу Пуна, побывал в таких уголках его империи, как Гонконг,

Дубай и Аджман, и наверняка семейство Пун начнет охотиться за мной.

— Если там окажется кто-то из семьи Пун, как ты поступишь? — спросила меня Сьюзи.

— Ну... Спрошу, как он себя чувствует, и поболтаем по душам, — ответил я.

Сьюзи бросила мне уничтожающий взгляд, подключила потайной микрофон к диктофону, спрятанному у нее за поясом, и покорно сказала:

— Войдем.

Я шел с ней рядом, неся видеокамеру. Чтобы попасть на фабрику, нужно было взобраться на седьмой этаж, а потом еще идти по длинному коридору. Шум сверлильных аппаратов навел нас на след. Дюжина работяг, сидя на скамейках вдоль стен, трудилась над заданием. Тут к нам подошел мужчина и начал говорить что-то на кантонском наречии, но, видя, что этот язык нам неизвестен, отправился в другую комнату и привел женщину, говорившую на ломаном английском.

— Мы — представители кинокомпании, — объяснил я.

— Кино? Нье знаю, — осторожно ответила она. Обменявшись с мужчиной несколькими фразами по-кантонски, она повернулась к нам: — О'кей. Входьите.

Мы не стали ждать, пока она передумает. Вытащив камеру, я навел ее на рабочих, сидящих на скамейках. И только теперь сообразил, что они делали. Все обрабатывали фрагменты бивней, просверленные посередине. На полу стояли большие пластмассовые коробки, полные бус и ожерелий.

— Она и есть, — взволнованно шепнула Сьюзи. — Одна из фабрик, которые мы ищем. Вот о чем говорил Лэ Ю Ки.

Круг замыкался. Фабрика «Фунь Айвори» в Сингапуре являлась получателем многих грузов, недавно отправленных Пуном из Дубая. Становилось

ясным почему. Готовые изделия из слоновой кости здесь, возможно, даже не распаковывались, а направлялись дальше в Гонконг по подложным документам. Ловкач этот Пун: только закрылась одна лазейка, сразу нашел другую. Разрешения на «амнистированную» кость, разрешения на фрагменты — и контрабанда по-прежнему шла в Гонконг как по накатанным рельсам.

Женщина снова подошла к нам.

— Миссис Вонг приходит завтра. Она босс.

— Правда? — спросил я. — Я думал, здесь Пун Тат Хонг босс.

— Да, он владеет фабрика, но никогда не бывает здесь. Вы знаете мистера Пун?

— Да, я встречался с ним. Мы хотим завтра встретиться с миссис Вонг. Вы передадите ей?

Удивительно, но в ее голосе чувствовалось уважение. Как видно, на нее произвели впечатление мои знакомства.

— Да, да, я скажу ей, что вы приходите.

Но когда поутру Сьюзи позвонила на фабрику, ответ был краток и резок: «Миссис Вонг нет здесь. Уехала по семейным обстоятельствам». И трубка замолкла.

В подобных обстоятельствах пытаться вынюхивать дальше значило искушать судьбу. Наша поездка и так достигла цели. У нас в руках были имена десятков людей, замешанных в нелегальной торговле. Имелось подтверждение вовлеченности Сингапура в это неблагоприятное дело. Теперь мой путь лежал в Кению. В последнюю ночь мы перефотографировали все документы из наших обычных соображений предосторожности и отослали почтой в Англию.

— Спасибо, Сьюзи, — сказал я. — Надеюсь, скоро встретимся в Лондоне.

Глава тринадцатая
Март 1989
Танзания — Дубай

Эллан

Я прилетал в Дар-эс-Салам уже в третий раз. Со мной был целый груз учебных пособий, книг, лент для компьютера и прочих материалов, заказанных Лиз и Нейлом. Письма, которые я разослал в адрес природоохранных обществ, возымели огромный отклик. Лиз и Нейл показали мне ответы в первый же день моего пребывания в Дар-эс-Саламе. Тридцать девять американских групп написали совместное обращение к Танзании с призывом ходатайствовать перед КИТЕС о дополнении к Приложению I. Письма поддержки приходили и от различных групп «Гринпис» и иных обществ по всей Европе и Америке. Эхо было колоссальным — даже принц Саруддин Ага-Хан, вице-президент международной организации ВВФ, лично написал в поддержку запрета: «Коль скоро все другие меры закончились провалом, необходимо сделать следующий шаг».

Фактически единственное расходящееся с общим потоком голосов послание пришло от ВВФ. Бафф Боулен, босс Джоргена, написал письмо Китомари с предложением подождать и посмотреть, что будет дальше. Но, хотя он и не поддержал запрета, какой-то сдвиг в его отношении к проблеме, как мне показалось,

все же произошел. Я подал письмо Лиз, чтобы она перечитала его.

— Что ты скажешь, Лиз? Похоже, Джорген все-таки обрабатывает Баффа.

— Хм. Интересно, а что ты вот на это скажешь? Он послал факсом Косте свое личное письмо, которое, похоже, подтверждает это. Вот, взгляни. Письмо вроде бы доверительное, но поскольку он послал его факсом, а не в запечатанном виде, его, как видно, не особенно волнует, кто его прочтет.

Я читал письмо Баффа и все меньше верил своим глазам.

«В частном порядке ВВФ США заявляет о своей поддержке дополнения к Приложению I, видя в нем единственную возможность спасти слонов. Но по стратегическим и иным соображениям мы не желаем в настоящее время обнародовать эту нашу позицию».

— Как ты думаешь, Лиз, кого они боятся обидеть? — задумался я.

— И мне непонятно. Южную Африку? Зимбабве? Может быть, остальных членов ВВФ? Кого еще?

Читая следующий абзац, я заметил пристальный взгляд Лиз, желающей увидеть мою реакцию.

«Если Танзания выступит с предложением по поводу Приложения I, мы можем предоставить вам на эксклюзивной основе предложение, полностью основанное на документах...»

У меня рот раскрылся от удивления. Мы прекрасно знали, что ВВФ не работал над подобным предложением. В противном случае Джорген бы нам сообщил. Объяснение столь щедрому предложению могло быть только одно. Каким-то образом ВВФ присвоил предложение, ради написания которого ЕИА выделила Джоргену деньги.

Я был одновременно шокирован и обрадован. Меня бесило, что ВВФ выдает наше предложение за свое, но

вместе с тем я знал, что это был судьбоносный шаг к попытке ввести запрет на торговлю слоновой костью. Нам необходимо было побудить ВВФ поддержать запрет, и было ясно, что Джорген использовал наше предложение, чтобы заручиться поддержкой Баффа и добиться, чтобы ВВФ не противился запрету.

Вошел Нейл и сделал вывод из ситуации, увидев меня с письмом Баффа Боулена.

— Не правда ли, интересное письмо? — улыбнулся он. — Какая она, оказывается, щедрая, эта организация с названием ЕИА — взяла и нашла средства на поддержку кучки отважных борцов, имя которой — ВВФ!

* * *

При всем том, что новая политика ВВФ США относительно слоновой кости уже стала выкристаллизовываться, позиция международной организации ВВФ по-прежнему приводила в замешательство. Было ясно одно: слишком много еще было противников введения запрета.

Лиз и Нейл сообщили мне, что недавно в Танзании побывал с двухдневной агитпоездкой представитель международной организации ВВФ Джон Хэнкс и имел бурную встречу с руководящим комитетом Общества сохранения живой природы Танзании.

— Он яростно выступал против дополнения к Приложению I и пытался разубедить Танзанию ходатайствовать о нем, — сказала Лиз. — Он напирал на то, что от запрета на торговлю костью все равно не будет толку, так как, по его мнению, семьдесят пять процентов товарной кости ввозится в Японию и традиционный спрос не прекратит одним решением КИТЕС. Он говорил, что запрет даст обратный

результат, так как резко возрастет объем нелегальной торговли, вовсе не поддающейся контролю.

Позиция Хэнкса покорила здешнюю братию защитников природы.

— Ну и малый, — сказал Нейл, — приперся и воображает, что будет диктовать Танзании, что делать, а чего не делать! Ко всему прочему, данные, которыми он оперирует, мягко говоря, не соответствуют действительности. Он говорит как о неоспоримом факте, что Япония ввозит три четверти мировой товарной кости. Мы разубедили его в этом. Помнишь, я послал тебе в Лондон факс с просьбой о цифрах по Японии?

Я помнил. Я ответил, что, по нашим данным, основанным на самых свежих статистических сведениях, японский импорт поглощает едва 40 процентов мирового экспорта кости.

— Я представил Хэнксу ваши таблицы и спросил, на чем основываются его суждения. Он не ответил.

В разговор вмешался Сидни, неожиданно появившийся в офисе.

— Хэнкс продолжает настаивать на коммерческом использовании слонов с целью получения денежных поступлений для африканских стран. Я спросил: «А что сказать об экологической роли слонов? Она, по-вашему, не столь важна для стран Африки?» Он и на этот вопрос не дал ответа.

— Эта идея «коммерческого использования» весьма отвечает политике Зимбабве, — сказал Нейл. — Но ему прежде следовало бы прислушаться к мнению и других африканских стран.

* * *

Я прилетел в Танзанию в надежде завершить ряд начатых ранее дел. Перед отлетом из Лондона я переговорил с Сидни по телефону. Новые данные, полученные в ходе расследования истории с миссионерами-контрабандистами, выглядели вдохновляюще. По своим каналам он узнал, что груз кости, возможно, будет отправлен из порта Мтвара в дни пасхальных праздников. Если все пойдет по намеченному плану, я надеялся заснять арест этого груза танзанийскими властями. Священнослужители, занимающиеся контрабандой кости, возбудят в прессе еще больший шум, чем послы-браконьеры.

Но план сорвался. Название судна, которое было сообщено Сидни, как я установил проверкой, не значилось в регистре Ллойда. Данный факт сам по себе еще не внушал подозрений: многие суда, ходящие у африканских берегов, не зарегистрированы у Ллойда. Но Сидни открыл, что в праздники Пасхи в Мтвару вообще не заходило ни одно судно. Значит, или святые отцы изменили планы, или моего друга попросту ведут по ложному следу. А ведь отделение «Гринпис» в Германии надеялось поймать попов-контрабандистов тепленькими! Впрочем, возможно, еще не все потеряно и откроется другая возможность.

Между тем Дейв вылетел из Сингапура в Кению, чтобы узнать там о развитии событий; далее мы планировали встретиться в Дар-эс-Саламе. Мы оба навестили Косту в его новом директорском кабинете, чтобы сообщить ему нашу новейшую информацию о связях Танзании и Дубая. Авторитет и доверие к ЕИА в Танзании становились все прочнее. С тех пор, как Коста был назначен директором, танзанийские власти приняли ряд существенных мер против браконьерства (возможно, этим и объясняется, что священники-контрабандисты изменили свои планы). По сигналу Дейва они присмотрелись к деятельности Аль-Ваффы, и

Коста сообщил нам, что крупная партия нелегальной кости, предназначенной Аль-Ваффе, была недавно погружена на борт судна, следовавшего в Объединенные Арабские Эмираты. Предупрежденная полиция наблюдала за его погрузкой с побережья Дар-эс-Салама. Но корабль ушел. Тем не менее, был дан знак Интерполу, и тот отдал распоряжение арестовать судно «Хайрат Оман» по прибытии в порт.

— На следующей неделе мы высылаем нашу команду в Дубай, чтобы попытаться получить нашу кость назад, — сказал Коста. — Интерпол сообщил нам, что они задержали кость и отвезли в Абу-Даби.

Я повернулся к Дейву.

— А ты мог бы поехать в Дубай и помочь людям из команды Косты? Ты ведь хорошо знаешь тамошнюю обстановку.

Дейв ответил стоической улыбкой.

— Ну, если они снова впустят меня в страну — тогда что ж.

В свою очередь, улыбнулся Коста.

— Что ж, если вы сделаете вид, что случайно оказались в Дубае одновременно с нашей делегацией, — уверен, это будет весьма полезно.

— А как быть с предложением к Приложению I? Есть что-нибудь новое? — Я испугался, что забуду о самом главном.

Коста кивнул.

— Мистер Лумбанга известил министерство о многочисленных письмах из различных обществ, и министерство воодушевлено такой поддержкой. Я подал рапорт кабинету министров для обсуждения. Похоже, надежда есть. Я уверен, что дело на мази.

— А на каком уровне оно должно быть одобрено? Можно ли дойти непосредственно до президента?

— Предложение может исходить из кабинета в целом или от заседания внутреннего кабинета;

президент может и сам внести такое предложение — в этом случае оно получит силу декрета. Последний вариант, несомненно, самый лучший. Да вы не беспокойтесь! Как бы там ни было, мы найдем поддержку.

Перед уходом мы сняли интервью с Костой, которое мы планировали включить в следующий выпуск нашей программы для Ай-ти-эн. Обычно Коста избегал интервью, предпочитая не распространяться о своей работе, но на сей раз он согласился. Последняя сказанная им фраза перекликалась с тем, что несколько месяцев назад сказала Дафна Шелдрик: «Люди, живущие в Англии, Германии, Франции, США и Японии, должны понять, что, покупая изделия из кости, они обрекают слонов на смерть».

* * *

На следующий уик-энд мы решили сделать перерыв и поехали вместе с Нейлом и Лиз в парк Микуми, что в четырех часах езды к западу от Дар-эс-Салама. Уже темнело, когда у дороги неожиданно появились черные тени и в свете фар блеснули бивни. После стольких печальных цифр было радостно снова увидеть живых слонов. Кроме Лиз и Нейла с нами была пара из Ирландии, которая должна была повезти нас на следующий день снимать фильм. Проехав еще милю, мы увидели стадо из тридцати пяти слонов. Наш хозяин заглушил мотор «лендровера», и я стал снимать видеокамерой-«восьмеркой», которой снабдила нас Ай-ти-эн. Это был первый случай, когда мы снимали стадо живых слонов с близкого расстояния.

Стадо состояло главным образом из самок, причем в большинстве своем молодых, менее двадцати лет. На конференции КИТЕС в Найроби я встречался с госпожой

Джойс Пул, которая писала статью о грозящей катастрофой возрастной структуре популяции слонов в Микуми. Браконьерство привело к тому, что самцов в половозрелом возрасте не осталось почти совсем: в отличие от самок, способных приносить потомство на втором десятке лет жизни, самцы достигают половой зрелости к двадцати пяти, а то и к тридцати годам. Это привело к резкому сокращению количества рождений в слоновьих стадах.

Животные медленно обступили нас. Мы с Дейвом направили объективы на крошечного новорожденного слоненка, который бегал от матери к теткам, неуклюже переступая ножками, хлопая ушами и едва не наступая себе на хобот.

Стадо сгрудилось вокруг нас еще теснее; некоторые из слонов забрались в пруд в каких-нибудь десяти футах от нас, плескались и поливали друг друга водой, катались в грязи, не обращая на нас никакого внимания. Наши хозяева сообщили нам, что с недавних пор случаи браконьерства в Микуми резко пошли на убыль в результате введения строгого антибраконьерского режима, и у слонов постепенно возвращается доверие к человеку. Из Микуми мы вернулись воодушевленными — теперь нам было чем похвастаться, наш тяжелый труд дал реальный результат.

* * *

Вечером перед отъездом Дейва в Дубай мы отведали деликатесного, как нам сперва показалось, блюда — сырых креветок. Наутро я проснулся от страшной боли в желудке. Было видно, что и бедняга Дейв чувствовал себя неважно, но все-таки он улетел в тот день.

Я добился встречи с мистером Китомари, в ходе которой я задал ему вопросы, чем кончились его попытки вернуть обратно танзанийскую кость, ушедшую в Бурунди, и устроить встречу Общества сохранения живой природы Танзании, на которой бы я председательствовал. Как он сообщил, прогресса ни по одному из этих вопросов достигнуто не было. Впрочем, известной компенсацией явилось то, что Китомари предоставил мне доступ к экспортным картотекам Банка Танзании. Там, несмотря на колотье в желудке, мне удалось докопаться до сведений о деятельности Аль-Ваффы — агента, чье имя значилось на похищенной Дейвом авианакладной на зубы бегемота. Подтвердилось, что Аль-Ваффа не раз имел дело с компанией «Аль-Редха» в Дубае. Случайно я нашел также четыре документа, заполненные немецкими миссионерами. В них значилось нечто описанное как «деревянные резные изделия маконде», и этот груз адресовался монастырю в Германии. Скопировав их, я отправился на встречу со школьным учителем Раймондом, с которым я общался в ходе своей предыдущей поездки. Юноша приготовил мне еще документы: сведения о недавних подозреваемых отгрузках кости, которые добыл его друг-полицейский, и подозрения на политических деятелей, замешанных в этом. Все это было необходимо, чтобы подтвердить наши собственные предположения, и я был счастлив, что, когда мы вернемся в Лондон, возиться с этими бумагами, приводя их в надлежащий порядок, будет Чармиэн, а не я.

Мы с Раймондом сидели в кафе и просматривали документы, когда в кафе вошли двое высоких, хорошо одетых мужчин в черных очках. Вид у них был весьма зловещим. Оглядев бар, они зашагали прямо к нам и, пожав Раймонду руку и заговорив с ним на суахили, нетерпеливо погладывали на меня. Раймонд был не на

шутку встревожен. Я заметил, что они присматриваются к моим бумагам, и прикрыл их как можно менее бросающимся в глаза движением.

Окончив разговор, мужчины направились к бару, откуда начали открытое наблюдение за нами. Раймонд наклонился ко мне.

— Они из тайной полиции, — прошептал он. — Они спросили, кто мой друг. Они всё хотели о вас знать. Боюсь, за ними стоит еще кто-то.

Человек, на которого он показал, что-то записывал в свой блокнот, сидя за столом в соседней комнате как раз напротив нас. Он встретил мой взгляд и нахмурился. Раймонд зажег сигарету. Его рука дрожала, как в испуге.

— Я им сказал, что вы мой старинный приятель из Англии, — сказал он.

— Как ты думаешь, они заметили имена на этих документах? — спросил я.

Раймонд неуверенно пожал плечами.

— Насчет документов они ничего не сказали, да и не скажут. Думаю, что не видели. Нет, я всерьез надеюсь, что не видели.

Какое до нас дело тайной полиции? Похоже, что они были в курсе моих расследований торговли костью. Раймонд называл мне самых высокопоставленных лиц, вовлеченных в это. Если они дознались до этого, нам обоим не поздоровится. Но возможно и другое. Они могли начать за мной слежку, когда я находился в банке. Если они заметили, как я копирую торговые документы, они могли принять меня за ревизора, высматривающего инкриминирующие документы или нечто еще более зловещее. Но ни одна из этих гипотез не выглядела достаточно убедительной. К тому же мой испорченный желудок окончательно вывел меня из терпения.

Я встал.

— Пойдем куда-нибудь еще, Раймонд.

Мы вышли из кафе и отправились за угол, борясь с искушением оглянуться, нет ли за нами слежки. Когда мы еще раз свернули за угол, Раймонд неожиданно сказал: «Вон туда» — и нырнул в открытую дверь. Мы вошли в здание и, пройдя два лестничных пролета, вышли через задний ход. Пройдя еще несколько ярдов, мы вошли в другое здание, и, пройдя его насквозь, вышли на другую улицу. Мужчин в черных очках не было нигде.

— Там есть еще одно кафе, — сказал Раймонд, — там мы будем подальше от посторонних глаз.

Заказав напитки, мы подытожили наш разговор. Никто из нас больше не вспоминал об этом случае, но, когда при расставании Раймонд зажигал очередную сигарету, я заметил, как у него дрожали руки.

Ближе к вечеру того же дня Дейв позвонил в офис Нейлу.

— Как долетел? — спросил я его.

— Скверно, — ответил он.

— Это из-за креветок, — посочувствовал я. — Как дела в Дубае?

— По-моему, они провели танзанийцев. Кость ушла, судно, по-видимому, тоже. Но я сегодня еще повстречаюсь с людьми, которые, может быть, скажут мне больше.

Я упаковал документы и видеокассету и отправил рейсом «Свиссэр». Когда я вернулся, Лиз рассказала, что в мое отсутствие звонил Джорген Томсен. К моему облегчению, он сообщил, что предложение по Приложению прибудет в Дар-эс-Салам через день-два. Мы решили направить предложение непосредственно Обществу сохранения живой природы Танзании. Они поработают над ним, чтобы сделать приемлемым с танзанийской точки зрения, а после этого общество обратится с ходатайством в правительство.

Перед отлетом в Лондон мне пришлось проделать еще кое-какую бумажную работу, за которой я позабыл и про тайную полицию, и про ее интерес ко мне. Я писал проекты ответов на письма, полученные от множества природоохранных групп; затем, хотя казалось невероятным, что я встречу с ним лично, я написал письмо по поводу предложения к Приложению I самому президенту Мвиньи. Наконец, я набросал черновик формального обращения к министерству с просьбой заверить, что правительство Танзании будет ходатайствовать о предложении к Приложению I, и отдал Китомари на подпись.

На этой неделе Сидни побывал в Танге на побережье Северной Танзании. Это недалеко от того места, где «Фадхил Аллах» обычно забирал груз кости. Мы подозревали, что корабли, которые в настоящее время находятся в собственности компании «Аль-Редха», по-прежнему заходят в эти места, чтобы взять груз бивней и везти в Дубай. Хотя дело было к ночи, Сидни в венце из улыбок ввалился в кабинет Нейла; на ферме вблизи Танга он нашел клад из 800 бивней и 200 рогов носорога, ожидающих отправки из порта.

— Этой фермой владеет очень богатый человек. У него большой дом, а на крыше большая антенна. Возможно, он переговаривается по радио с кораблями, перевозящими кость в Дубай, — сказал он.

Я кивнул. Похоже, так и было дело.

Сидни сообщил нам подробности о четырех кораблях, которые должны были забрать там кость. Он располагал также информацией о датах отгрузки и именах местных чиновников, подкупленных торговцами костью; кроме того, он предоставил конспекты десятков интервью, подтверждающих личность крупнейших нелегальных торговцев костью в регионе. В общем, у Сидни были все основания быть довольным собой.

Дейв

Моя незапланированная поездка в Дубай не увенчалась ожидаемым успехом. Я лелеял надежду, что вмешательство Интерпола и перехват браконьерской кости из Танзании наделает шуму в средствах массовой информации, так что нам не придется преждевременно публиковать данные о наших исследованиях, чтобы привлечь интерес публики к проблеме; но дело не выгорело. Началось с того, что у танзанийской делегации еще в аэропорту конфисковали паспорта; во-вторых, с кем бы я ни пытался говорить по поводу судна «Хайрат Оман», которое, как предполагалось, было перехвачено Интерполом, я всюду натыкался на непонимающие лица.

Мы решили, что было бы неосторожным поселиться в одной гостинице с членами танзанийской делегации. Я предполагал помочь им, чем могу, в поиске украденной кости. Но власти и без того проявляли явно враждебное отношение к танзанийцам, а тут еще я с украденными накладными и фальшивыми карточками кинокомпаний... Соответственно, я поселился в отеле «Палм-Бич», где останавливался и в свою предыдущую поездку; вообще же я пребывал в таком состоянии, какого не пожелал бы никому из своих сподвижников при проведении исследований.

Я позвонил одному из членов танзанийской делегации, который у себя на родине возглавлял антибраконьерскую бригаду, — Полу Саракикья. На предыдущей неделе Коста меня ему представил. Мы тайком встретились, и я повез его в порт Хамрийя. После безуспешных попыток найти судно «Хайрат Оман» мы отправились в бар пропустить по маленькой. Проходя через киноторговый комплекс, мы неожиданно

наткнулись на каток «Хиатт» — экстравагантное сооружение с круглогодичной минусовой температурой, даже когда на улице за девяносто градусов по Фаренгейту. К нему примыкали роскошные ювелирные магазины и магазины модной одежды. Я обратил внимание, что Пол отстал и пожирал глазами эту кричащую демонстрацию самодовольства и роскоши. В Дар-эс-Саламе не было ничего отдаленно похожего на подобное великолепие. И, похоже, никогда не будет.

— Нефтедоллары? — иронично спросил он. — Или костедоллары?

* * *

За две недели нашего пребывания в Эмиратах мы с Полом стали добрыми друзьями. Но скоро стало ясно, что попытки вернуть кость кончатся ничем. Работал над этим в основном я и в ходе расследования посетил каждый порт в регионе, в том числе Порт-Зайед в Абу-Даби, но не обнаружил ни судна «Хайрат Оман», ни хоть кого-нибудь, кто его видел. Это была пустая трата времени. Похоже, власти ОАЭ умышленно ставили танзанийцам все, какие есть, преграды. Полиция признала, что судно с костью было задержано, но сообщила, что экипаж отпущен на свободу; они настаивали, что на борту было всего каких-нибудь три тонны кости, хотя танзанийцы отлично знали, что в порту Танга ее было погружено семьдесят; они отказывались сообщить, где держат захваченное судно; они требовали перевода танзанийских документов на арабский и т. д., и т. п. Все было безнадежным. Собрались идти по горячим следам, а следы остывали с каждым днем. Я отдавал себе отчет в том, что время, оставшееся до мая, когда должно быть внесено

предложение по Приложению I, уходит. А я тут занимаюсь неизвестно чем.

...Хор-Факкан, что в двух часах езды по пустыне от Дубая, оставался моей последней надеждой. Это одно из немногих оставшихся мест, куда мог причалить «Хайрат Оман» и где я еще не побывал. Дорога, ведущая в порт, то взбирается на холмы, то вьется вдоль побережья; по ней проходит и граница с Оманом. Здесь море соединяется прямо с Индийским океаном, а само побережье славится своими бухточками, столь удобными для контрабандистов.

Сразу за чертой шикарного современного города Хор-Факкана находится удобная для маленьких суденышек бухточка, к которой примыкают таможенный причал и контейнерный порт. Я подрулил к бухточке, но «Хайрат Омана» там не было. Тогда я направился в контейнерный порт, где работал знакомый мне чиновник-европеец. Я встретился с ним в одну из своих предыдущих поездок, представившись ему как фотожурналист.

— Привет! Как дела? — весело приветствовал я своего знакомого. — Я проездом в Эмиратах, дай, думаю, навещу друга.

Он ошеломленно поглядел на меня. В Хор-Факкан редко кто заглядывает.

Похоже, не было особого смысла играть в прятки.

— Я расследую дело о слоновой кости, — сказал я. — Ты что-нибудь слышал о судне, задержанном береговой охраной где-то неподалеку отсюда?

— Нет, не слышал.

— Да Бог с ним, — уступил я. — Это я между делом, а так мне просто хотелось ненадолго вырваться из Дубая. Это, знаешь ли, не самое любимое мое место на свете.

Этим я, похоже, сломал лед. Он вскипятил кофе, и за чашечкой мы разговорились о последних новостях

Дубая, да заодно и о торговле слоновой костью. Он был поражен, когда узнал, что ОАЭ являются крупнейшим в мире перевалочным пунктом для добытой браконьерами слоновой кости. Это поражало и многих из тех, кто впервые слышал об этом.

— Пошли, — сказал он, поставив на стол недопитую чашку кофе. — Я познакомлю тебя с одним местным жителем, который, возможно, что-то знает.

В соседнем офисе пила чай небольшая группа арабов. Войдя, я сердечно приветствовал их.

— Так вы по поводу слоновой кости? — откликнулся один из них. — Да, что-то слышал, пару лет назад какую-то лодку задержали с костью. По-моему, из Сенегала. — Он в раздумье почесал подбородок. — Погодите, я сейчас узнаю.

Подойдя к стене, на которой висел телефон, он набрал номер и с минуту с кем-то быстро говорил по-арабски. Я и понятия не имел, что он говорит и кому он звонит, но, когда он отошел от аппарата, его лицо сияло.

— Из меня выйдет хороший репортер, — сказал он. — У меня для вас ценная информация.

— Спасибо. Вы очень любезны. А вдруг я и в самом деле подыщу вам работу? — пошутил я.

— «Хайрат Оман» заходил сюда две недели назад. Он не был задержан, а только подошел к таможенному причалу. Береговая охрана задержала его и передала в руки местной полиции только сутки спустя.

«Интересно, в какой момент на его борту осталось только три тонны кости?» — хмуро подумал я.

— Мой друг сказал, что два или три дня решали, что делать с ним. Но, в конце концов, кость кому-то передали. Кому, не знаю. Судно и команда были отпущены. Три дня назад оно ушло в Дубай.

Вернувшись в Дубай, я позвонил Полу и сообщил всё, что узнал. Мы обсудили возможность предания

огласке истории со слоновой костью, выставив на позор Объединенные Арабские Эмираты, но вышестоящий коллега Пола счел, что это может дать обратный эффект, и я не стал настаивать. Право, какая газета или телекомпания заинтересуется историей с кораблем, контрабандой перевозящим кость из Танзании, когда корабль уплыл, кость исчезла, а сами танзанийцы ничего не знают?!

...До возвращения в Лондон у меня оставалось два дня, и я решил, почти без надежды на успех, навестить своего старого друга из Управления статистики. Когда я разговаривал с ним в последний раз, я был уверен, что его проинструктировали не иметь со мной дела, но я ошибся. Я так обрадовался, когда он наконец-то предоставил мне данные за последние три месяца 1988 года. Вернувшись с распечаткой к себе в номер, я принялся тщательно изучать ее. Но был разочарован. Меня интересовало подтверждение, что Гонконг и Сингапур по-прежнему ввозят кость из Дубая. Это побудило бы Соединенные Штаты к действию. Но Пун обхитрил нас всех. Единственной страной, получавшей кость после августа 1988 года, в распечатке значился Тайвань.

* * *

За день до отлета из Дубая я позвонил своему знакомому, который знал семью Пун. Он сообщил мне, что третий из братьев Пун заправлял одной из аджманских фабрик, а Джордж — другой. Совсем как это было в Джебел-Али.

— Какая фабрика в чьей собственности находится? — спросил я.

Эти мелкие факты позволяли дополнить картину и снижали риск, что мы будем схвачены за руку, добывая

данные на местах.

— Насколько я знаю, все цеха расположены рядом, — ответил он. — Я там не был, но побывал мой коллега. Он сказал, что там три или четыре цеха. И всё это вместе называется Фабрикой ремесел.

Я наострил уши. Фабрики, что я видел в Аджмане, назывались Жемчужная мастерская и Коралловая мастерская.

— Секундочку. Это те, что возле аджманского муниципалитета?

Мой собеседник был явно удивлен.

— Нет, вроде нет. Это возле пакистанской школы.

Я записал координаты и на полном газу поехал в Аджман. Еще фабрики! Когда всё это кончится!

Как мне и сообщал мой знакомый, Аджманская национальная фабрика ремесел состояла из трех расположенных в ряд цехов, окна каждого из которых были тщательно завешены металлическими жалюзи. Я припарковал машину и вышел. Было так жарко, что асфальт плавился под ногами.

— Привет! Там кипит славная работа.

Я с удивлением обернулся и увидел позади себя араба.

— Так, говорите, славная работа? — сказал я, прислушавшись к шуму дрелей, доносящемуся из-за жалюзи.

— Да, — кивнул он.

— И что они там делают?

Он моментально огляделся вокруг и ушел, что-то бормоча себе под нос.

Я сделал несколько снимков здания фабрики и сел назад в машину. Было бы глупостью рваться внутрь. Я и так знал, что там происходит, и у меня уже были снимки, сделанные на другой аджманской фабрике.

На душе у меня было безрадостно. Я думал, что, может быть, возрастающая во всем мире кампания

против торговли костью возымеет здесь какой-то эффект. И что же? Новые фабрики растут как грибы. Каждый день множество слонов обрекалось на заклятие ради удовлетворения их запросов. Даже если мы добьемся запрета, не будет ли это слишком поздно?

Я поехал назад мимо другой аджманской фабрики. В последние две недели я регулярно следил за ней, часами наблюдая из машины всех входящих и выходящих. На главной улице Аджмана были специально созданные неровности, чтобы усмирять лихачей; проезжая первый такой бугор, я заметил, как рядом со мной снизил скорость белый «БМВ». За рулем сидел китаец, а с ним рядом на переднем пассажирском сиденье — элегантная китайка. У меня заколотилось сердце. Я знал, что у Джорджа Пуна как раз белый «БМВ». Я пропустил эту машину вперед и вижу: как только она поравнялась с аджманской фабрикой, свернула к краю дороги, и водитель вышел.

Я припарковал свою машину на том самом месте, которое обычно занимал, когда мы приезжали сюда с Сьюзи, и включил кондиционер. Джордж Пун (я был уверен, что это он) наблюдал за тем, как над воротами цеха, который пустовал, когда я тут был в последний раз, навешивали табличку: «ЖЕМЧУЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ».

Похоже, он еще и расширял свой бизнес.

* * *

Перед отлетом из Дубая в Лондон я пригласил Пола Саракикья пообедать. Он был почти все время прикован к гостинице, в которой жили члены его делегации, и перед отлетом я хотел в последний раз встретиться с ним. Мы отправились в ресторан «Интер-Континенталь», который при всей своей роскоши

славился умеренными ценами. Обедать в ресторанах и кафе весьма популярно в Дубае, время за хорошей едой пролетает быстро. В этот ресторан съезжается публика со всего побережья залива.

Полу все это было в новинку. Разглядывая шикарные интерьеры, он качал головой, не веря своим глазам.

— Невероятно! И все это благодаря нефти! — засмеялся он.

Похоже, во взглядах Пола, что самая счастливая жизнь — на лоне дикой природы, вдали от всех соблазнов цивилизации, появилась трещина.

— Ты рад, что едешь домой?

— Жду не дождусь, — улыбнулся он, — но мы еще не едем. Начальство еще хочет остаться. Они настроены на то, чтобы добиться хоть какого-то сотрудничества с дубайскими властями.

Я с пессимизмом оценивал их шансы, но промолчал.

— Я огорчен тем, как они нас приняли, — признался Пол. — Власти мало чем помогли нам. Такое впечатление, что они не хотят прекращения торговли слоновой костью.

— Что ж, если предложение Танзании будет принято КИТЕС, у них не будет другого выхода. Они больше не смогут продавать браконьерскую кость. По крайней мере, странам — членам КИТЕС.

— Во-первых, Дейв, КИТЕС еще должна принять это предложение. Надо постараться довести до сведения общественности, что происходит здесь и в Гонконге. Если удастся решительно настроить общественное мнение, КИТЕС придется с ним считаться.

...Это был хороший дружеский обед. Мы не просто сдружились с Полом, но каждый из нас оценил вклад другого в дело спасения слонов.

Выйдя из-за стола, Пол положил мне руку на плечо.

— Приезжай в октябре ко мне на свадьбу, Дейв.

— Спасибо, Пол, — сказал я. — Я бы с удовольствием. Но вряд ли смогу. В любом случае, я в этом месяце буду в Швейцарии на конференции КИТЕС — воевать за принятие запрета на торговлю костью.

Пол сдержанно взглянул на меня.

— Точно. Как же я забыл об этом! — Он поразмышлял еще мгновение. — Что ж, перенесу свадьбу на ноябрь.

— Я глубоко польщен, — сказал я, тронутый такой заботой. — В этом случае я приеду обязательно.

Глава четырнадцатая
Апрель 1989
Вашингтон — Танзания —
Дубай

Эллан

На следующий день по возвращении из Танзании — это было воскресенье — я пошел в офис ЕИА забрать адресованную мне корреспонденцию. Там меня ждал неприятный сюрприз. Оба верхних лестничных пролета были завалены щепками. В щепы была разнесена входная дверь офиса, так что даже рама была наполовину вырвана из дверного проема.

Всего-то взяли около сотни фунтов мелочью да кое-какие вещицы с письменного стола, но мы больше беспокоились, что же с нашей работой. Взломщик хорошо похозяйничал в офисе, и бумаги были разбросаны всюду. Все ли документы были целы, сказать было невозможно. С виду работа взломщика-дилетанта; но так ли это было на самом деле?

Впрочем, размышлять об этом не было времени. Дейв только что вернулся из Дубая, а через несколько дней Дженни ввела нас в курс того, что происходило в Европе время нашего отсутствия. Предание огласке ситуации с браконьерством набирало силу. Программа «Кук рипорт» о слоновой кости была назначена на 15 мая, и мы хотели подготовить к этому сроку наш фильм. Дейв снова провел переговоры с Ай-ти-эн. Просмотрев наш последний фильм, они собирались сделать

спецвыпуск из трех частей, давая в течение трех вечеров подряд в программе новостей. Эти передачи придутся как раз на крайний срок подачи заявления в КИТЕС — 12 мая. Но тут была вот такая загвоздка. Они хотели снять несколько сцен на месте, со своим ведущим, и просили, чтобы я или Дейв поехали с ними в Танзанию и Дубай и помогли на местах. Поскольку мы опять сидели на мели, а Ай-ти-эн предлагала нам семь с половиной тысяч фунтов за право первого показа, отказаться не было никакой возможности; но мне нужно было лететь в Вашингтон, так что дорога в Дубай опять предстояла Дейву, который по возвращении из своей последней поездки в эту страну клятвенно заверил меня, что ноги его там больше не будет.

* * *

Моя поездка в Америку преследовала две цели: довести до сведения департамента рыбоохраны и живой природы США наши последние открытия и встретиться с рядом американских природоохранных групп, в частности с ВВФ США. К моему облегчению, разработанный Джоргеном проект предложения к Приложению 1 был направлен Обществу сохранения живой природы Танзании как раз перед моим вылетом в Вашингтон. Это был превосходный документ, основанный на авторитетных данных. Танзания конечно же не будет медлить, и все шло к тому, что мы уложимся к сроку — 12 мая.

Особую позицию в отношении к Приложению I занимала американская сторона. В прошлом году страны ЕЭС последовали за США, которые ввели более строгие ограничения на импорт кости. Если США поддержат запрет, то Европа, несомненно, последует их примеру. Попытаться стоило в любом случае. Меня

просили подготовить для двух старших чиновников Службы рыбоохраны и живой природы — Маршалла Джонса и Арта Лазаровица — краткий отчет о деятельности ЕИА по расследованию торговли слоновой костью. Со мной пришла Кристина Стивенс. Она вообще впервые слышала подробный отчет о том, что было сделано ЕИА на средства, выделенные ее группой.

Я с трудом соображал, с чего начать, но решил, что наиболее уместно будет начать с истории судна «Фадхил Аллах». Я подробно рассказал о деятельности компании «Аль-Редха», о том, какими маршрутами плывут суда контрабандистов, везущих кость из Кении или Танзании в Дубай. Я также поведал им о расследовании сети браконьеров и перекупщиков, возникшей за девятилетний период пребывания Фреда Львесуэлы в должности главного попечителя танзанийской природы; о контейнерах с костью, вывозящихся через танзанийские порты или идущие по дорогам Танзании в Бурунди. Я рассказывал о том, как зарубежные дипломаты вывозят из Африки кость под прикрытием «дипломатического иммунитета».

— Если в настоящее время объем мировой торговли слоновой костью оценивается в семьсот — восемьсот тонн, то, по нашим оценкам, четверть этого количества ежегодно вывозится из Танзании или проходит через нее, — сказал я. — Мы довели до сведения танзанийского кабинета министров документацию, содержащую доказательства вышеприведенных данных. Мы уверены, что эта информация побудит танзанийское правительство внести предложение по Приложению I. Танзания ровным счетом ничего не выигрывает от торговли слоновой костью. Это абсолютно бедная страна, а прибыли, получаемые от продаж вывозимой из нее кости, достаются другим странам. Случай с Танзанией не подтверждает

аргумента ВВФ, что торговля костью поддерживает экономику Африки.

Маршалл Джонс и Арт Лазаровиц внимательно слушали, изредка задавали вопросы, но больше вели записи.

Наконец я перешел к персональному посланию Косты, сделанному им уже в качестве директора Танзанийского общества сохранения живой природы; в нем он обращался к Соединенным Штатам с призывом поддержать на правительственном уровне предложение к Приложению I, касающееся африканских слонов. Его послание заканчивалось так: «Танзания нагревается внести предложение по Приложению I, потому что это единственный способ спасти оставшихся слонов».

— Спасибо, Эллан, — сказал Маршалл. — Пожалуйста, передайте Косте Млэ, что мы внимательно рассмотрим предложение африканской стороны и надеемся на благополучный исход. Мы окажем ему нашу полнейшую поддержку.

«На дипломатическом жаргоне это значит: „Никаких обязательств мы брать не собираемся“», — подумал я.

— Что вы узнали о косторезных фабриках в ОАЭ? — продолжил Маршалл. — Они закрылись?

— Ничего подобного, — ответил я. Я рассказал об отбытиях, сделанных Дейвом в Аджмане и Дубае, о том, что Бурунди продолжает поставлять в Дубай кость и после введенного правительством запрета в 1988 году. — Мы уверены также, что торговцы костью в Дубае нашли пути обхода введенных Гонконгом в августе ограничений, — сказал я. — Они теперь не пересылают кость открыто, но описывают ее как «модную бижутерию» или «фальшивые драгоценности». В 1988 году — десять тонн таких грузов, большинство из них поступает в Европу на адреса подставных лиц.

Это те же самые адреса, на которые поступала кость и до введения августовских ограничений.

Я рассказал всё, что нам было известно о сингапурской торговле слоновой костью, о том, как обработанная кость до сих пор открыто посылается в Сингапур из Дубая, об открытии Дейвом и Сьюзи способа использования разрешений на вывоз обрезков для отмывания больших количеств браконьерской кости.

Вот теперь-то, думал я, они убедятся, что контрольные системы КИТЕС не то что бездействуют, но просто не могут работать, когда дельцы так ловко находят способы обходить их.

Когда я кончил речь, оба американца еще продолжали что-то записывать в свои блокноты. Затем слово взял Маршалл:

— Я надеюсь, Коста Млэ будет участвовать в работе следующего заседания группы КИТЕС по слонам в июле в Ботсване. Это будет судьбоносное заседание. Его присутствие будет весьма полезным.

Они не дали никаких обещаний. Да я и не ожидал этого от них. Но я покидал офис департамента рыбоохраны и живой природы с определенным чувством оптимизма.

* * *

Я дал согласие рассказать о нашей работе сотрудникам штаб-квартиры Американского отделения «Гринпис» в Вашингтоне. Обдумывая выступление, я вспомнил о фундаментальных принципах, лежащих в основе нашей кампании по спасению слонов. О них легко позабыть, когда в ходе нашей рутины изо дня в день срываются то одни, то другие планы. После показа фильма «репортажа из коробки», снятого в Дубае, и

видеозаписей погибших слонов, сделанных в национальном парке Цаво, я обратился с речью к собравшимся, среди которых было немало моих старых друзей по «Гринпис».

— Один из первых философских принципов, на которых зиждется деятельность «Гринпис», был заимствован у квакеров. Этот принцип — «ответственность свидетеля», — напомнил я собравшимся. — Это значит: если вы чувствуете или видите несправедливость, на вас лежит ответственность за то, чтобы устранить ее или, во всяком случае, привлечь к ней внимание. В первые дни существования «Гринпис» именно это чувство «ответственности свидетеля» двигало наши надувные лодочки наперерез вооруженным гарпунами китоловным судам, заставляло нас прикрывать нашими телами детенышей тюленей на айсбергах у восточного побережья Канады. Теперь чудовищное закление африканских слонов — ни много ни мало сто тысяч в год — взывает к нашему чувству ответственности, если, конечно, мы не хотим их полного истребления.

Мои друзья по «Гринпис» тепло поддержали меня. По-прежнему сияя, я вернулся к Кристине и увидел, что и она глубоко взволнована.

— Мне только что звонил Мануэль Лухан, — сказала она, — он сказал мне очень интересные вещи!

Мануэль Лухан, секретарь министерства внутренних дел, отвечал за Службу рыбоохраны и живой природы.

— И что же он сказал?

— Он хотел больше знать о подоплеке и спрашивал, какая, по моему мнению, может быть оппозиция запрету. Он думал, что воспротивиться могут охотники — ты ведь знаешь, сколь сильно в Штатах охотничье лобби. Но я сказала ему, чтобы он не волновался об этом, потому что бивни, добытые на сафари на законном основании, не рассматриваются как объект

коммерции. Так что, я думаю, есть надежда, что предложение по Приложению I будет поддержано. — Кристина улыбнулась мне торжествующей улыбкой. — Как бы там ни было, мы растормошили их насчет слонов, Эллан!

* * *

Между тем у ВВФ США появился новый президент — Кэтрин Фуллер, в прошлом юрист из департамента юстиции США. Она произвела самое позитивное впечатление на Кристину, и та была уверена, что Кэтрин будет активнее бороться за принятие закона, чем ее предшественник Билл Рейли. Она назначила мне встречу на завтра в штаб-квартире ВВФ США в современном импозантном здании на 24-й стрит.

Когда я вошел, Кэтрин Фуллер устремила на меня пронизывающий изучающий взгляд, какого только и можно ожидать от многоопытного юриста. Я почувствовал, что уж она-то вникнет в суть проблемы. В ходе нашей встречи я напирал на то, что ВВФ США до сих пор не пришел к четкой позиции в вопросе о слоновой кости. От разных групп приходили противоречивые послания, и я поделился с ней мнением, что ВВФ необходимо твердо заявить о своей позиции относительно запрета на торговлю слоновой костью. Разумеется, я считал, что запрет должен быть поддержан, и сделал все, чтобы склонить Кэтрин Фуллер к своей точке зрения.

— ВВФ выставит себя в очень невыгодном свете, если его члены не покажут себя активными борцами за запрет торговли слоновой костью, — сказал я. — Их поведение будет расценено как раскол в движении за защиту природы, и это сильно подорвет авторитет ВВФ.

Кэтрин кивнула.

— Согласна. Я уже лоббировала президента Центральноафриканской Республики за поддержку предложения к Приложению I. Группа США стоит за запрет, но я разделяю ваше беспокойство, что ВВФ еще не выработал единой позиции по данному вопросу. Мы скоро этого достигнем.

Перед тем как проститься, я передал Кэтрин краткое резюме нашей работы в Объединенных Арабских Эмиратах и на Дальнем Востоке, разъясняя, какие еще остались лазейки в системе контроля за торговлей костью. Я лелеял надежду только на то, что новая метла по-новому метет да под влиянием Джоргена здравый смысл восторжествует, и ВВФ придется-таки изменить свою политику.

Я возвращался в Лондон на следующий день. Как раз перед моим отъездом в аэропорт вернулась Кристина с ошеломляющими новостями.

— По-моему, кто-то все-таки прислушался к тому, что мы рассказывали, — воскликнула она. — Сам госсекретарь Джеймс Бейкер позвонил мне и попросил о встрече. Я как раз кончила с ним беседовать. По его мнению, скоро администрация Буша выступит в поддержку запрета! Они скоро объявят о своем решении.

Дейв

Одномоторный самолетик «Сессна» летел на юг, держа курс на Селусский заповедник. Наш пилот Джеральд Бигаруби ведал осуществлением селусского проекта и участвовал в противобраконьерских операциях. Под нами блестела разлившаяся после недавних ливней река Руфиджи; Джеральд показал вниз: «Присмотритесь и увидите бегемотов». Сидевший рядом со мной Десмонд Хэмилл, один из ведущих корреспондентов Ай-ти-эн, вытянул шею, чтобы лучше разглядеть. Десмонд всей душой увлекся нашим делом, и его личный интерес к дикой природе был неподдельным. С самолета бегемоты были похожи на плавающие бревна, но, услышав гул мотора, они в панике один за другим нырнули в глубину.

С нами в самолете был и мой друг Пол Саракикья, с которым я познакомился в Дубае. Теперь он командовал антибраконьерскими силами в Восточной Танзании. Пятым членом нашей команды был вольнонаемный кинооператор Моиндер Диллон, нанятый Ай-ти-эн. Целью нашего полета была съемка дополнительного материала для включения в первый спецвыпуск Ай-ти-эн, посвященный проблеме браконьерства и трудностям борьбы с ним. Перед полетом мы обработали материал, отснятый Десмондом в кладовой слоновой кости в Дар-эс-Саламе.

Мы совершили первую посадку на травяную полосу в Кингупире — антибраконьерской базе в восточном секторе Селусского заповедника. Нас вышла встречать группа егерей, предупрежденных о нашем прибытии, и помогла выгрузить кинооборудование из самолета. Его отнесли под крышу обширного сборного сарая, где приютилась целая разномастная коллекция сломанных

автомобилей. Джеральд Бигаруби объяснил нам, что ввиду скудости средств этот парк патрульных машин по большей части стоит на приколе из-за отсутствия запчастей.

Десмонд прислушался к сказанному. Разоренная танзанийская экономика выступала как серьезнейший фактор в нашей истории. Он отснял интервью с Джеральдом, стоящим у своего самолета. Поплакавшись по поводу бедственного положения автопарка, Джеральд сказал как бы между прочим, что у него на самолете уже четыре месяца как не работает радиосвязь из-за невозможности достать запчасти. Помимо опасности летать без радиосвязи, пилот не имеет возможности сообщить находящимся на земле егерям о браконьерах, если обнаружит их с воздуха. Словом, куда ни кинь, всюду клин — борьбу с браконьерами приходилось вести на голем энтузиазме. В таких условиях любой банде мало-мальски соображающих браконьеров ничего не стоило ускользнуть у охотинспекторов из-под носа. И ускользали. Коста сообщил нам, что в текущий момент положение с браконьерством особенно обострилось. Было известно, что в лесах на юго-западе Селусского заповедника орудует банда из по крайней мере пятидесяти браконьеров, но антибраконьерские части были бессильны положить конец их бесчинствам. Полоса для приема самолетов там была закрыта из-за наводнения, и в любом случае патрулирование лесных массивов требовало большого количества наземных патрулей, достать средства для которых было негде.

Мы единодушно выразили желание лететь дальше, пока освещение благоприятствует съемке, и снова набились в нашу воздушную колымагу. Моиндер спросил, не возражает ли Джеральд против того, чтобы снять дверь для удобства съемки кинофильма. Джеральд сказал, что летать со снятой дверью ему еще

не приходилось, но неустрашимо согласился попробовать. Моторчик взревел, ветер ворвался в кабину, и мы оторвались от кочковатой полосы. «Курс на запад! В этом направлении слоны должны быть уже неподалеку отсюда», — сказал Джеральд.

Перепись поголовья слонов в Селусском заповеднике в 1981 году насчитала 100 000 животных. К 1986 году их число сократилось до 50 000. Никто не знает, сколько еще осталось, но мы надеялись снять с воздуха хотя бы несколько сотен. Селусский заповедник — размером с Шотландию, но район, над которым мы пролетали, был слабо покрыт высокой травой и деревьями, так что парк просматривался на много миль вокруг. Мы пролетели над несколькими стадами импала, рассыпавшимися в разные стороны при звуке нашего мотора, но видели очень мало слонов.

Наконец Пол показал в сторону горизонта.

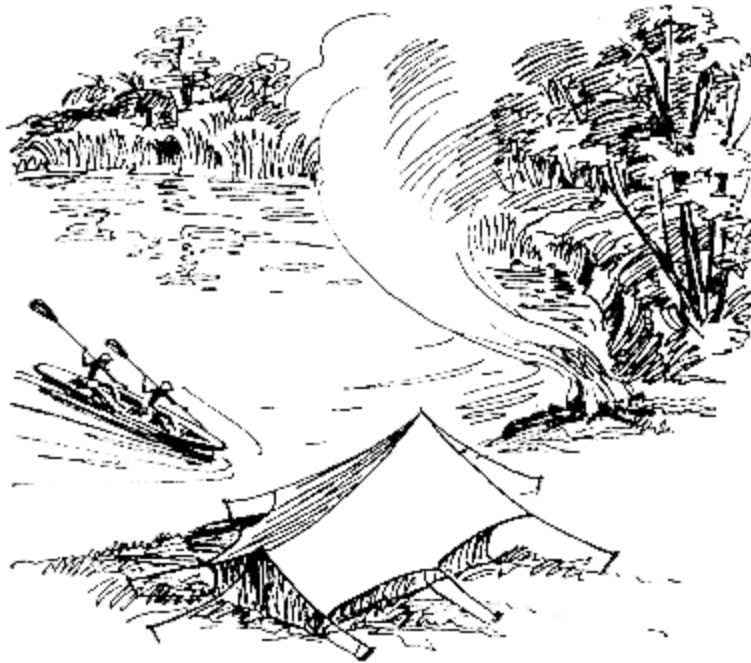
— Вон там стадо.

Туда мы и направились. Насчитали едва 30 животных. Пилот сделал над стадом несколько кругов, чтобы дать нам с Моиндером возможность запечатлеть эту сцену.

— Предлагаю углубиться в центр заповедника, — сказал Пол.

От пейзажа под крылом захватывало дух. То там, то здесь мы пролетали над заросшими лесом холмами, приближаясь к региону, где, как нам было известно, орудовали браконьеры, но наши поиски крупного стада слонов оказались тщетными. В одном месте Джеральд показал на две груды белых костей, ясно различимых на берегу реки.

— Видимо, стали жертвами браконьеров несколько месяцев назад, — сказал он.

Джеральд должен был бы вернуться в Дар-эс-Салам на прививку — он только что встал на ноги после приступа малярии, — но мужественно принял решение в этот раз отказаться от вакцинации, чтобы дать нам возможность провести ночь в охотничьем домике на северо-западе заповедника. И вновь мы в полете над этой величественной страной; ориентируемся главным образом по реке Руфиджи. Пролетая над небольшим озерцом, мы заметили каноэ с двумя людьми и лагерь на берегу.

— Вот они, браконьеры, — сказал Пол. — Ловят рыбу на ужин.

Мы несколько раз пронеслись над ними на малой высоте, наблюдая, как они неистово гребут к берегу.

— Понимают, что мы сообщим охотинспекторам, где их найти, — объяснил Пол. — Но без радиосвязи потребуются часы, прежде чем мы сможем сообщить патрулю на машине. За это время лагерь, конечно же, опустеет.

Инцидент наглядно продемонстрировал нам, сколь бесплодными оказываются усилия антибраконьерских

частей.

Охотничий домик, где мы должны были расположиться на ночлег, был закрыт на сезон дождей, но несколько человек из персонала все же оставались в нем для поддержания порядка. Они сбились с ног, чтобы мы почувствовали себя как дома, пока мы наслаждались видом нетронутой дикой природы, сидя на веранде. Вдали резвились бородавочники, играя в свои вечерние игры. Кто-то из персонала притащил припрятанную на всякий случай бутылку шотландского виски «Джонни Уокер», и мы впятером — Десмонд, Джеральд, Моиндер, Пол и я — наслаждались до глубокой ночи, потягивая виски и прислушиваясь к рычанию львов.

На следующий день съемки прошли успешно. Нам показали добытые антибраконьерской командой трофеи — 16 бивней и автомат — и при активном участии Пола были реконструированы сцены находки тайника и погрузки бивней в «лендровер». Десмонд взял интервью у Пола, спросив, какие, по его мнению, меры могут пресечь браконьерство. Сознывая, что его слово может прийти до миллионов людей, он некоторое время поразмыслил, прежде чем выступить перед кинокамерой.

— В первую очередь — я умоляю международное сообщество положить конец всякой торговле костью. Пока торговля костью существует, где бы то ни было — в Гонконге ли, в Дубае, — для наших слонов будет оставаться угроза. Если мировое сообщество закроет рынки сбыта, это будет великим делом, которое облегчит наше бремя.

На обратном пути в Дар-эс-Салам я стал допытываться у Пола, чем закончилось тогда его пребывание в Дубае. Он скорбно улыбнулся:

— Я даже думаю — была ли вообще конфискована кость, что бы там ни утверждали власти. Я рассказывал

тебе, что нам удалось поговорить с Абдуллой Аль Бамакрама, владельцем компании «Аль-Редха Джeneral Трейдинг»?

— Нет, не рассказывал. И что же он сказал?

— Он сказал, что продал кость, находившуюся на судне «Хайрат Оман», но не помнит кому!

Тем не менее, по прибытии в Дар-эс-Салам Пола, да и всех нас, ждали утешающие известия. Новости, которых мы столько ждали, наконец, пришли. Предложение по Приложению I, выдвинутое Танзанией, только что передано в посольство Швейцарии в Дар-эс-Саламе для последующей передачи в секретариат КИТЕС. Коста направил в штаб-квартиру КИТЕС в Швейцарии телекс с официальным уведомлением о предложении Танзанией международного запрета на торговлю слоновой костью.

Мы были в восторге и, чтобы отметить такой успех, пригласили Лиз, Нейла и всё остальное наше «лобби» в защиту слонов на званый обед в шикарный отель на побережье. Обед удался на славу — как же может быть иначе, раз компания своя!

— Ну, ребята, теперь дело за вами, — сказал Нейл мне и Десмонду. — Сварганьте-ка несколько убойных репортажей о международной торговле слоновой костью, всколыхните-ка мировую общественность — вот, мол, в какой беде слоны — и вообще, боритесь как сумасшедшие!

— О'кей! Начнем уже в конце недели. Только не забудьте: я должен повезти Десмонда на экскурсию в Дубай.

В ответ последовал взрыв хохота. О моей растущей антипатии к Дубаю знали все.

— Семейство Пун, видать, заливаётся горячими слезами, тебя заждавшись, — поддразнил Нейл. — Сколько уже недель ты к ним не заходил?

И вот мы с Десмондом стоим на крыше огромной машины, нанятой нами с помощью Ай-ти-эн, и пытаемся заглянуть, что происходит за стенами косторезной фабрики «Белон Трейдинг» в Дубае. Эта фабрика не принадлежала Пуну, но, тем не менее, это была рискованная операция.

— Похоже, нам повезло. В первый раз вижу, что жалюзи открыты, — сказал я.

— Ну что, старина, а не заглянуть ли нам внутрь? — предложил Десмонд.

Я уже успел привыкнуть к его экстравагантной манере поведения, за которой стояло его беспечное отношение к жизни — впрочем, стоившее ему немалых передряг, в которые его бросала жизнь за двадцать два года карьеры в Ай-ти-эн.

Фильм, который мы хотели сейчас заснять, был призван дополнить уже имеющийся у ЕИА материал, иллюстрирующий роль Объединенных Арабских Эмиратов, посредничавших в торговле костью. Это должен был быть второй фильм цикла спецвыпусков новостей Ай-ти-эн. Наш оператор Моиндер вернулся в Найроби, так что вся ответственность за съемки в Дубае легла на мои плечи. Я навесил на плечо видеокамеру-«восьмерку» и толкнул дверь косторезной фабрики. Там, как и в былые времена, сидели рабочие, склонившись над станками; на полу стояли ведра со слоновой костью, очевидно, размачиваемой в воде. Тут к нам подошел индус.

— Слушай-ка, где здесь клуб здоровья? — сказал я. (Означенный клуб находился за третьей дверью.)

— А впрочем, здесь тоже интересно, — прервал меня Десмонд. — Что это вы тут делаете?

Поверив, что мы просто зеваки, индус посвятил нас в тайны ремесла резчиков и даже позволил кое-что заснять на видео.

— А теперь пойдёмте за мной, — сказал он и повел по коридору в соседнюю комнату.

На полках вдоль трех из четырех стен сгрудились сотни обрезанных фрагментов кости. На полу стояли упакованные коробки, уже опечатанные и готовые к отправке. Индус восторженно наблюдал, как мы снимаем, — ему и в голову не приходило что-то от нас прятать. Десмонд включил потайной микрофон, провод от которого тянулся к камере, и, пока я снимал, задал несколько вопросов.

Тут индус ненадолго вышел из комнаты, а Десу только этого и надо было — как не воспользоваться случаем?

— Пойду-ка я в мастерскую да поговорю с ними по душам. Это будет сильнее, чем просто наш комментарий за кадром.

— А чего ж, попробуем, — согласился я. — Вроде особого риска в этом нет, но я не представляю, как ему до сих пор не пришло в голову: если мы всего лишь туристы, зачем мы всё это снимаем?

Держа потайной микрофон, Десмонд тихо произнес:

— Итак, перед нами косторезная фабрика — одна из тех, что, по мнению некоторых, закрылись в Дубае. Пройдем по ней и покажем, что мы обнаружим.

Он зашагал, а я последовал за ним, непрерывно снимая.

— Вот здесь кухня производства, — продолжил он. — Вот мешки, а в мешках, — он подошел к одному из них и развязал его, — обрезки кости, которые будут подвергнуты обработке в соседней комнате.

Всё складывалось для нас как нельзя лучше, и когда я закончил съемку, а Дес — комментарий, я до того осмелел, что решил сходить к машине за

фотоаппаратом. Но, шагая через цех, я заметил китайца, идущего по улице в направлении фабрики. Когда он приблизился, я узнал в нем менеджера компании «Белон Трейдинг» — мне не раз случалось видеть его прежде, когда я наблюдал за воротами фабрики из машины.

Я опрометью бросился назад на фабрику.

— Начальство идет! — предупредил я Деса. Но было уже поздно.

Увидев нас, менеджер сдержал свой шаг.

— Эй, вы что здесь делаете? — крикнул он, уставившись на видеокамеру в руках Десмонда и на мой фотоаппарат.

— А, привет! Да вот искали клуб здоровья, — сказал Дес с самой невинной улыбкой, — но здесь у вас так интересно!

— Мы туристы, — добавил я.

Хотите верьте, хотите нет, но менеджер поверил этой байке и пригласил нас подняться по лестнице и посмотреть цельные бивни. Даже назвал свое имя — Симон Ли.

— Некоторые из этих бивней в плохом состоянии, — как бы извиняясь, пожаловался он. — Они испорчены песком и водой, потому что их зарывали в африканском лесу.

Когда мы стали допытываться, то вытянули из него признание, что некоторые из них добыты браконьерами.

— Что вы сейчас выпускаете на фабрике? — спросил Дес, не выпуская из рук потайного микрофона, в то время, как я снимал видеокамерой.

— Здесь мы делаем только полуфабрикаты. Конечный продукт производится на другой фабрике, — сказал он, по-видимому, несколько сконфузясь.

Я понял, на что он намекает. Беспokoило только, дошло ли это до Деса. Но тревога оказалась напрасной.

— А где это? — спросил Дес.

— Может, в Гонконге, может, в Тайване, — ответил менеджер.

Вот это и было тем инкриминирующим признанием, которого мы добивались. Это заставит США принять меры против Гонконга.

Возможно, поняв, что сболтнул лишнего, Симон Ли неожиданно стал осторожнее.

— Это нужно только вам? — забеспокоился он.

Я сцепил руки за спиной.

— Да не волнуйтесь вы! Мы всего лишь туристы, — заверил я нашего собеседника.

* * *

— Для начала неплохо, — сказал Дес, когда мы заказали обед в отеле «Хилтон». Мы только что просмотрели отснятый материал и нашли его потрясающим.

— Ну, теперь после обеда съездим к нашему старому другу Пуну, и домой, — сказал Дес. — Мне надо

подготовить сюжет о Танзании к концу недели, чтобы на следующей же неделе дать его в эфир.

Между тем было уже начало мая, и именно в эти дни важно было запустить кампанию на всю катушку.

...Я подрулил к зданию аджманского муниципалитета, еще не зная, что мы там найдем. Хотя сцен, что мы наснимали утром, уже достаточно для успешной телепередачи, съемка в Аджмане послужит лучшим дополнением к материалу, снятому в Джебель-Али, потому что и то и другое является частью империи Пуна. Нашей целью на вторую половину дня было добыть материал, который усилил бы обвинительный акт против Пуна.

Я поставил машину туда, откуда можно было вести наблюдение за Жемчужной мастерской и соседними фабриками. На сей раз одно из металлических жалюзи было полуоткрыто, так что мы могли наблюдать заходящими внутри людьми. Несмотря на все наши прошлогодние вторжения, было похоже на то, что на фабриках ныне еще меньше бдительности, чем тогда.

Со времени моего последнего посещения было пущено еще несколько цехов; у одного из них стоял большой грузовик с контейнерами.

— Взгляни, Дес, — сказал я. — Или они забирают сырье, или грузят полуфабрикаты для отправки в Гонконг. Снять это было бы слишком большой наглостью. Поедем-ка к другим фабрикам на окраинах Аджмана и посмотрим, что там происходит.

Но когда мы туда приехали, все жалюзи были тщательно закрыты, хотя доносившийся изнутри шум говорил о том, что Аджманская национальная фабрика ремесел функционирует по-прежнему. Пробраться внутрь представлялось непросто.

— Ну что ж, начнем с этой, — сказал Дес. — Откроем дверь и попросим кого-нибудь из начальства.

Но все же мы вернулись к Жемчужной мастерской и обнаружили, что вокруг нее жизнь бьет полным ключом. Мы просидели в машине битый час, по очереди снимая китайцев, возящихся с ящиками.

— О'кей, — наконец сказал Дес. — Ну что, вылезем и скажем здрасьте?

Я включил видеокамеру и усмехнулся ему.

— Как скажешь.

Я заклеил черной лентой красный огонек, так что единственным, что могло выдать, что она работает, могла самонаводящаяся фокусировка. Опустив ее вниз и держа у бока, я вылез из машины, едва не задохнувшись в знойном аджманском воздухе, и последовал за Десом к полуоткрытым жалюзи.

— Взгляни, можно ли отсюда снять резчиков, — тихо сказал Дес.

Незаметным движением я сунул камеру под жалюзи. И тут же к нам выскочил чем-то обеспокоенный китаец и забормотал что-то на кантонском наречии.

— Нам нужен владелец фабрики, — ледяным голосом произнес Дес.

— Владелец? — с сомнением повторил китаец.

— Ну, начальник, — кивнул Дес.

— Мистер Пун?

— Именно мистер Пун, — улыбнулся Дес.

Китаец, которого мы вроде убедили в законности нашей просьбы, повел нас через дорогу и вдоль рядов цехов к тому самому помещению, которое мы со Сьюзи снимали много недель назад. Теперь было ясно, что весь этот ряд занят производствами Пуна.

— Подождите, — сказал китаец и зашел в цех.

Через несколько мгновений он вернулся в сопровождении того самого человека, которого я видел за рулем белого «БМВ» в свою последнюю поездку. Джорджу Пуну перевалило за тридцать; он был весьма

упитан и одет в дорогие с виду широкие брюки и голубую рубашку. Он опасливо поглядывал на нас.

Дес решительным шагом выступил вперед.

— Мистер Пун! Я из Независимой телекомпании новостей в Лондоне. Нам известно, что здесь у вас имеются фабрики по обработке слоновой кости.

Джордж Пун вытаращил глаза на него, озадаченный, как оценить ситуацию.

— Мы желаем произвести съемки внутри помещения фабрики, — продолжал Дес.

Последовала краткая пауза. Вдруг Пун залопотал нам что-то по-кантонски. Мы решительно смотрели на него. Вдруг поток слов на мгновение захлебнулся, и в глазах Пуна вспыхнул звериный блеск.

— Нет англиски! Вы говорить по-китайски? — сказал он.

— Позвольте задать вам вопрос о фабриках, находящихся здесь у вас, — повторил Дес.

В ответ Пун повернулся к нам спиной и заковылял к тому цеху, где были полуоткрытые жалюзи. С нашей точки зрения, лучшего кадра для интервью было не найти. Пун скажет сам за себя, показав спину многомиллионной аудитории телезрителей. Я наклонился, чтобы проверить работу видеокамеры, затем еще раз. Мое сердце разрывалось при мысли, как бы не сорвалось. Характер звука, исходящего от видеокамеры, говорил о том, что ничего из съемки не получится. Шепча проклятия, я осторожным движением перефокусировал объектив на широкий угол — только так можно было поймать в объектив Пуна, не пользуясь видеоискателем. Я навел объектив Пуна в спину, моля Бога, чтобы он, наконец, повернулся ко мне лицом. Десмонд побежал за Пуном вслед, пытаясь приставать к нему с вопросами, но тот ничего не отвечал.

Дойдя, наконец, до полуоткрытых жалюзи, Пун что-то завизжал по-кантонски, и жалюзи немедленно

закрылись.

— Мы знаем, что вы проводите операции со слоновой костью, — настаивал Дес.

К моей радости, Пун наконец-то повернулся лицом к видеокамере, подрагивая плечами и мотая головой с кислой гримасой на лице. Он подошел ко мне так близко, что мне пришлось бы поднять камеру, чтобы запечатлеть его. Но все это было не важно. Я заснял его. Десмонд теребил Пуна за руку, пытаюсь разговорить, но тот по-прежнему только тряс головой и безразлично пожимал плечами с неизменно кислой улыбкой на лице.

Мы отошли в направлении нашей машины, чтобы запечатлеть Пуна во весь рост на фоне новехонькой вывески «Жемчужная мастерская» — этот кадр как нельзя лучше состыковался с другими сценами, снятыми в Аджмане. Бедняга Пун, доведенный до ручки, погнался за нами, пока не соединился по ту сторону дороги с группой рабочих, сбегавшихся на его крики.

— Теперь я хочу снять контейнер, — сообщил я Десу.

— Прекрасная мысль, — кивнул он, — думаю, большего мы не получим. Он не идет на контакт. Он прекрасно понял, к чему я клоню.

В первый раз я поднял камеру на уровень глаз и задержал на несколько секунд на контейнере, стоящем на грузовике. Позади, где-то в тридцати футах от нас, стоял бедняга Пун, уже успокоившийся и, более того, наслаждавшийся тем, как он пресек наши попытки ворваться в его владения. Я навел камеру в упор на него.

Реакция была — драматичней не придумаешь.

— Не снимайте фильм обо мне, не снимайте фильм! — заорал он — уже по-английски...

Мы с Десом обменялись взглядами и поняли друг друга: пора смываться.

— Отдайт филм! — завопил он и бросился на нас. — Вы не имейт права! Отдайт филм!

Когда мы добрались до машины, я повернулся к нему лицом.

— Ну, я же кончил! — крикнул я в ответ и бросил камеру на заднее сиденье. Тем временем Дес вскочил на переднее пассажирское. Пун уже нагнал меня, когда я сядил в машину, и прежде чем я успел захлопнуть дверцу, он вцепился и повис на ней, как мартышка.

— Отдайт камеру! — вопил он.

Задние дверцы были заперты на замок, так что камера покоилась в безопасности на заднем сиденье, и дорваться до нее Пун мог бы, только выкинув меня из водительского кресла. Для этого ему пришлось бы пойти на открытый разбой. Я тряхнул связкой ключей и — благодарю судьбу! — сразу нашел ключ зажигания. Мотор завелся с полоборота.

— Ви не имейт права снимать филм обо мне! Отдайт мне камеру! — повторял он с перекошенным от гнева лицом и вдруг что-то крикнул одному из китайцев, который взирал, словно загипнотизированный, на невиданное зрелище. Тот ринулся в цех. Мы испугались, как бы он не вернулся с заряженным ружьем.

— Ну, теперь газуй, — спокойно сказал Дес, — пора удирать.

Я не заставил повторять просьбу дважды.

Между тем Пун, которому удалось вскочить на подножку, продолжал цепляться за открытую дверь, как если бы собирался вырвать ее вместе с петлями. Я перескочил на третью скорость.

— Отдайте камеру! — вопил он, между тем как машина, набирая ход, увозила беднягу все дальше от рабочих.

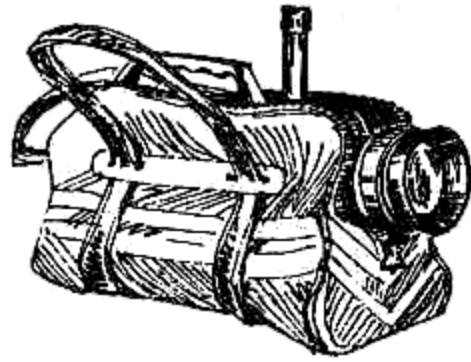
— Самый полный! — крикнул Дес. — Если он прежде не жаждал сниматься, то теперь уж точно не сдастся без боя.

Машина рванула. Пун уже почти достиг цели, пытаясь дорваться то до рулевого колеса, то до меня — слава Богу, он не соображал, с чего начать. Я еще поддал газу, понимая, что улица скоро кончится, а там я вынужден буду сбросить ход, дав тем самым противнику реальный шанс атаковать. Я уже не понимал, что он там орет, но гнев его не нуждался ни в каком переводе.

К моему облегчению, в противнике, наконец, взяло верх чувство самосохранения, и, когда машина набрала скорость 50 километров в час, он таки отцепился. Взглянув в зеркало заднего обзора, я увидел, как он поднимается и грозит нам вслед кулаком. Машина уже свернула за угол, а нам вслед еще доносились его ругательства...

...Я взглянул в глаза Десу. Он повел бровью и ответил мне слабой безмятежной улыбкой...

В общем, Джордж Пун не жаждал быть узанным. Я вырулил на трассу и, соблюдая предельную бдительность, взял курс на Дубай. Что ж, нам не привыкать к осторожности. А это было только начало...

Глава пятнадцатая
Май 1989
Лондон

Дейв

«Жизненный цикл африканского слона, самого крупного млекопитающего суши, схож с жизненным циклом человека. Это существа разумные, живут дружными семьями, вступают в брачные отношения примерно в возрасте тридцати лет, доживают до шестидесяти — семидесяти. Бивни взрослого самца могут достигать веса в 60 и более килограммов — во всяком случае, так было в прошлом...»

Репортаж ЕИА о живых и погибших слонах с комментарием Десмонда Хэмилла — первый спецвыпуск Ай-ти-эн — вышел в эфир 10 мая 1989 года, как раз в тот день, когда танзанийское правительство обратилось к мировому сообществу с призывом запретить мировую торговлю слоновой костью — «завтра будет поздно!». Ай-ти-эн поставила этот сюжет главным в блоке новостей и ни разу не прерывала его рекламными паузами; ему даже было отведено эфирного времени чуть дольше обычного, и главная тема — угроза, нависшая над слонами, — прозвучала совершенно недвусмысленно. Даже традиционно нейтральный ведущий Джон Сачет, и тот высказал свое личное мнение. «Африканский слон в буквальном смысле слова борется за выживание под дулами

автоматов браконьеров, которые довели этот вид почти до полного исчезновения ради удовлетворения спроса человека на слоновую кость», — заявил он.

Выпуск включал в себя сюжет, снятый в кладовой слоновой кости в Дар-эс-Саламе; здесь Дес брал в руки шестидюймовые бивни новорожденных слонят и сравнивал их с гигантскими 66-килограммовыми бивнями, бывшими некогда вожаками добычей охотников. Затем последовало интервью, которое мы с Элланом взяли у Косты в марте; потом — интервью Деса с Джеральдом и Полом в Селусском заповеднике. Фильм заканчивался кадрами, показывающими антибраконьерскую бригаду, выгружающую крошечные бивни из багажника «лендровера». Голос Деса за кадром: «Пусть телезритель запомнит эту цифру: уже сейчас каждая семья слонов на треть состоит из осиротевших слонят. Через шесть лет слонов может не остаться вовсе».

Реакция на телепередачу оказалась мгновенной. Едва закончилась программа, показываемая в обеденный перерыв, я позвонил Эллану прямо из студии Ай-ти-эн. Он сообщил мне, что телефоны в офисе ЕИА раскалились от звонков с выражением поддержки и запросами интервью для прессы. «Надеюсь, откликов будет еще больше, когда эта же передача выйдет вечером в главной программе новостей», — предположил он.

Я направился обратно в студию, где Дес с помощью нашего редактора Алекса Барбура работал над фильмом для показа следующим вечером. Десу же приходилось отвечать на телефонные звонки.

— Да. Это будет замечательно, — сказал он в трубку и тут же прикрыл микрофон ладонью. — Дейв, — прошептал он, — это Йен Мак-Интайр из отдела связей с общественностью ВВФ. Он хочет послать мне факс об усилиях ВВФ по защите слонов.

«Прекрасно, — подумал я, — мы расшевелили-таки ВВФ».

— Спроси его, поддержит ли ВВФ предложение Танзании запретить торговлю слоновой костью.

Дес передал мой вопрос собеседнику.

— Ну что он сказал? — спросил я после того, как Дес положил трубку.

Дес сделал кислую улыбку.

— Он пытался увильнуть от ответа. Сказал, что они собирают средства на защиту слонов, но у них «своя точка зрения».

— Раз так, то зачем ему было звонить? — с горечью сказал я, а сам думал, как бы нам поступить, чтобы склонить ВВФ к нашей точке зрения.

Зато вечер принес обнадеживающие вести. Кристина позвонила Эллану и сообщила, что, как мы и надеялись, США готовы поддержать предложение Танзании по Приложению I. Это было нечто фантастическое — при том огромном влиянии, которым пользовались американцы, поддержка США предложения о запрете оказала бы мощное давление на КИТЕС.

Назавтра в час дня вышел второй спецвыпуск нашего цикла — «Специально о слонах». Перед показом фильма было сделано заявление, что не только США, но и Кения присоединилась к предложению, выдвинутому Танзанией. Сегодняшний фильм был посвящен тому, как в Объединенных Арабских Эмиратах отмывалась добытая браконьерами кость. Сюда же мы включили и сюжет с Джорджем Пуном, снятый в Аджмане, в который вмонтировали кадр с его подписью, снятый в кладовой слоновой кости в Дар-эс-Саламе. Затем последовал сюжет о фабриках в Аджмане, снятый во время китайского Нового года, и самый боевой сюжет за весь прошлый год — «репортаж из коробки», снятый в корпусе 65-А. Кульминационной частью фильма

явилось саморазоблачение Симона Ли, признавшего, что полуфабрикаты, выпускавшиеся на его косторезной фабрике, шли затем в Гонконг и Тайвань. После этого телеэкран показал длинные ряды полок с горами обрезков кости, снятых на той же дубайской фабрике, — этим сюжетом и заканчивался спецвыпуск. «Через четыре недели весь этот запас кости будет израсходован. Для его восполнения придется забить 300 слонов — и все ради того, чтобы обеспечить работой эту крошечную фабричку. Десмонд Хэмилл, Ай-ти-эн, Дубай».

Последний, третий выпуск был посвящен Гонконгу и почти полностью состоял из материалов, снятых ЕИА. Мы просидели несколько часов в монтажной, прежде чем добились удовлетворительной структуры нашего фильма. Сначала показали бурундийскую кость на фабрике Ли Чэта, затем сюжет о фабрике Пуна в Коулуне с ящиками полуфабрикатов из Дубая, так что этот сюжет состыковывался с темой вчерашнего выпуска. Следующим сюжетом были готовые изделия из слоновой кости — вот, оказывается, ради чего гибнет столько слонов! Как нельзя кстати явился и сюжет об американцах, заснятых нами в магазине изделий из кости. Как они тогда улыбались и смеялись перед камерой! Что ж, вот я и прославил их на весь свет, как обещал! При этой сцене голос Десмонда за кадром сообщал, что, хотя к этим сувенирам выдаются разрешения на пропуск через таможню, данные по Танзании показывают, что 94 процента подобных сувениров изготавливается из кости, добытой браконьерами. Конец фильма, знаменуя собой завершение цикла, возвращал нас в Дар-эс-Салам, где был снят сам Дес, стоящий на крыше отеля «Килиманджаро».

«Очень многое зависит от того, как будет принят этот документ в течение нескольких последующих

месяцев, — сказал он и показал перед камерой предложение к Приложению I. — На этих страницах содержится подробная информация, с помощью которой танзанийское правительство доказывает, что единственный реальный способ положить конец браконьерству — это запретить продажу слоновой кости по всему миру и закрыть рынки. К этому и призывает мировое сообщество данный документ».

Затем на экране возникли душераздирающие архивные кадры — мертвый слоненок с согнутыми ногами, смотрящий с экрана незрячими глазами. «Если мировое сообщество останется равнодушным, такие убийства будут продолжаться, — предупредил голос Деса за кадром. — Крупные слоны давно перебиты. Теперь браконьеры не брезгуют и новорожденными слонятами... Вот где начинается все то, что вы видите на полках шикарных магазинов бижутерии. На африканских полях смерти».

* * *

— Ну что, по-моему, дело сделано, — осторожно сказал Эллан. — Я никогда прежде не видел столь полного раскрытия сюжета о живой природе в выпуске новостей. Даже тогда, когда «Рейнбоу Уорриор» был в зените славы.

— Слоны могут гордиться Ай-ти-эн, — согласился я. — Теперь постараемся извлечь капитал из реакции общественности и добиться международной поддержки предложения по Приложению I.

Вскоре после нашей программы в эфир вышли две другие передачи, посвященные теме слоновой кости, которые очень помогли нашему делу. Первая — «Кук рипорт» — вышла 15 мая. Она во многом строилась на тех же сюжетах, что и наши фильмы. Впрочем,

комментатор плакался, что фабрики в ОАЭ оказались недоступны для проникновения; но публика-то видела на предыдущей неделе наши сюжеты, снятые как раз внутри! Мы воспылали гордостью, чувствуя себя победителями, особенно когда увидели кадры, как Пун Тат Хонг запустил пепельницей в Роджера Кука, попытавшегося проникнуть на одну из гонконгских фабрик.

Вечером следующего дня телекомпания «Гранада» дала в эфир программу «Земля черепов», о том, как зимбабвийская армия борется с браконьерами. Так тема о слонах, до этого почти никому не известная, неожиданно получила приоритет в телесюжетах о живой природе. Даже на обложке журнала «ТВ-Тайм» был изображен слон.

Столь же горячо ухватились за эту тему газеты. Практически каждая газета, от бульварных до пухлых, дала в эти дни обзор наших спецвыпусков. Газеты изо дня в день призывали к запрету, и многие редактора критиковали Британию за то, что она не поддерживает Танзанию, США и Кению, тем более что к предложению присоединились еще четыре страны — Чад, Нигер, Венгрия и Австрия. Тем не менее, миссис Тэтчер устояла под давлением. Но теперь слово было за прессой — она показала, что четыре африканские страны уже высказались в поддержку запрета. Аргументу, что сами африканцы выступают против запрета, больше никто не верил. «Санди Миррор» опубликовала под заголовком «Скандал со слоновой костью» передовую статью, в которой говорилось: «Они (британские правители) могут — и должны — запретить любой ввоз слоновой кости в Гонконг, контролирующей большую часть нелегальной международной торговли. А чем могут помочь все остальные? А вот чем: ПЕРЕСТАНЕМ ПОКУПАТЬ СЛОНОВУЮ КОСТЬ!»

Официальной реакции до сих пор не последовало. Но тут, словно с неба свалилась возможность оконфузить британское правительство. Наш человек сообщил нам, что в аэропорту Хитроу была задержана партия слоновой кости, которую пытались провезти по фальшивым разрешениям КИТЕС. Кость шла из Заира в ОАЭ. Ну, теперь можно было смело отлавливать лису в курятнике. Эллан тут же запустил в прессу сообщение, что Британия используется как перевалочный пункт для транзита добытой браконьерами слоновой кости; новость была немедленно подхвачена газетами. Когда же департамент природы выдал свежие разрешения на растаможивание груза и на продолжение его пути в Дубай, во всех газетах, начиная с «Тудэй» и кончая «Таймс», поднялась волна возмущения.

Не знаю, этот ли случай явился решающим фактором, но 23 мая, то есть через одиннадцать дней после выхода в эфир последнего спецвыпуска Ай-ти-эн, Маргарет Тэтчер выступила в палате общин и заявила: «Мы считаем, что продажа вновь произведенной слоновой кости должна быть совершенно прекращена». Она также заявила, что выступит с предложением запрета на торговлю костью в рамках Европейского сообщества на следующей встрече министров ЕЭС по окружающей среде.

Это была резкая перемена. Да и не только это: днем раньше ВВФ заявил во всеуслышание, что поддерживает запрет. Похоже, ветер дул в наши паруса.

Задача заключалась в том, чтобы не выпускать проблему слонов из поля зрения общественности вплоть до судьбоносной конференции КИТЕС, и мы сотрудничали по возможности с любой газетой, желавшей получить от нас информацию. Впрочем, подчас мы оказывались недостаточно разборчивы в выборе партнеров. Как-то к Эллану обратился репортер

из газеты «Тудэй» Дэвид Джонс и сказал, что собирается в ОАЭ посмотреть, как дела на косторезных фабриках. Эллан снабдил Джонса всей необходимой информацией о фабриках: кто владельцы, где точное местоположение и т. д. и даже предоставил ему 12 оригинальных слайдов, снятых мной в помещении аджманской фабрики. Условились на том, что Джонс и отправляющийся с ним фотограф сделают снимки сами, но в случае неуспеха смогут воспользоваться слайдами ЕИА.

По соображениям, известным им одним, Джонс и его фотограф не заперли слайды в ящике письменного стола редакции «Тудэй», а взяли с собой в Дубай. Там они отправились на Аджманскую национальную фабрику ремесел и принялись снимать. Их тут же схватили рабочие и передали в руки аджманской полиции. Пленку у них конфисковали, равно как и наши слайды, которые они неизвестно зачем потащили на фабрику.

Отпущенные из каталажки, Джонс с фотографом отправились, следуя нашим указаниям, вместе с одним из советников шейха Дубая на фабрику «Белон Трейдинг». Вскоре после этого «Тудэй» гордо заявила, что все фабрики в ОАЭ на замке. Будь это правдой, мы были бы в восторге, но мы не были в восторге от того, как эта история была преподнесена публике. Репортаж не только приписывал газете «Тудэй» лавры разоблачителя фабрик и искоренителя торговца, но заверил ВВФ, что торговле в Дубае положен конец. О роли ЕИА во всей этой истории вообще не было сказано ни слова.

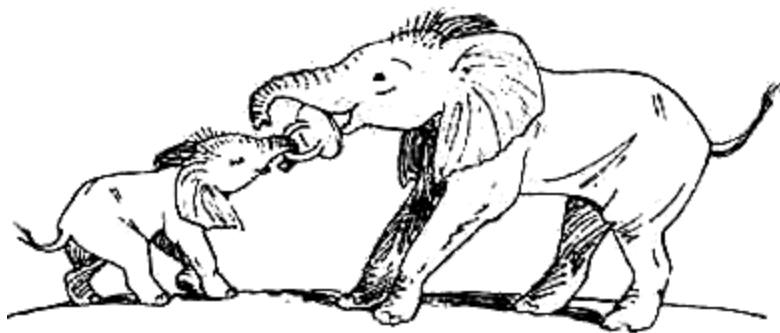
Мы начали понимать, что самореклама может повлиять на наш список приоритетов. Наша работа уже тормозилась из-за недостатка средств, и мы надеялись, может быть наивно, что все наше сотрудничество с прессой стяжает нам больше сторонников (на тот

момент в наших рядах насчитывалось едва 400 сторонников). Но сами мы мало что выгадали от всплеска активности в защиту слонов. Мы тиснули, конечно, несколько мелких объявлений в английских газетах, но не могли конкурировать с такими организациями, как ВВФ или вновь образованная, с претенциозным названием «Элефрэндз» («Друзья слонов»), где были профессиональные специалисты по зарабатыванию денег.

Больше всего средств стяжали для ВВФ, по-видимому, публикации в газетах. В частности, газета «Дейли Мейл», развернувшая, пожалуй, самую эффективную из всех газетных кампаний, всюду выпячивала название ВВФ и призывала читателей оказывать ему поддержку. После первой же недели кампании «Дейли Мейл» сообщила, что отделения ВВФ в Годэлмине и Сэрри буквально затоплены письмами, которых пришло 16 000. Неудивительно, что ВВФ пришлось изменить свою позицию в вопросе о торговле костью!

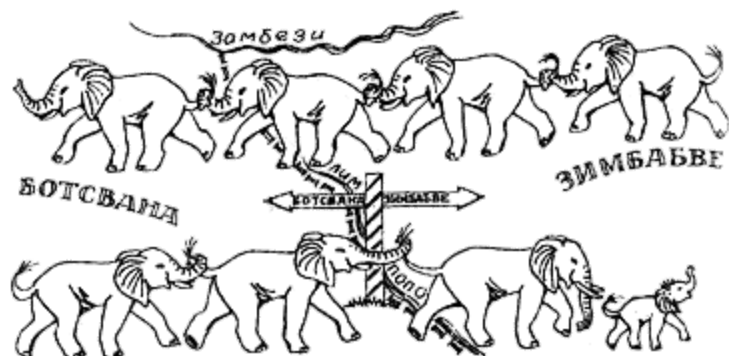
«Элефрэндз» являлась лоббирующей организацией, агитирующей людей собирать подписи в поддержку запрета и покупать афиши и значки. Такое лобби было жизненно необходимо, чтобы проблема слонов не выпадала из поля зрения общественности, и мы приветствовали создание «Элефрэндз» и снабжали необходимой информацией. Но оставался открытым вопрос: где взять деньги на нашу собственную исследовательскую работу? Нам предстояла поездка в Тайвань и, может быть, в Южную Африку, чтобы посмотреть, как там обстоят дела; также нам необходимо было присутствовать на конференции рабочей группы по африканским слонам в Габороне (Ботсвана) в июле. Деньги, которые Ай-ти-эн заплатила нам за фильм, нужно было растянуть на долгий путь.

Во вторник 6 июня — это был Всемирный день защиты окружающей среды — сбылось пророчество Кристины Стивенс: президент США Буш объявил, что его страна запретит любые операции с экспортом-импортом слоновой кости в течение недели. Это были сами по себе добрые новости, но еще труднее было поверить в то, что в тот же день подобный запрет издал и Дубай. Затем 9 июня к вышеназванным странам присоединились и страны — члены ЕЭС. Таким образом, в течение четырех недель после выхода в эфир спецвыпусков Ай-ти-эн — ЕИА торговля была запрещена странами, потреблявшими половину слоновой кости, поставлявшейся на мировой рынок. Конечно, этого было недостаточно, чтобы прекратить торговлю полностью, но не оставалось сомнения в том, что просвет в зловещих тучах, столь долго висевших над африканскими слонами, все же обозначился.

Глава шестнадцатая
Июль 1989
Габороне (Ботсвана)

Эллан

— Ни одно мало-мальски стоящее дело не обходится без тех или иных жертв, — сказал Коста Млэ. — Сама по себе потеря выручки от продажи слоновой кости не является аргументом против введения запрета. На карту поставлено выживание вида, неоценимо важного как для Африки, так и человечества в целом. О каждом поколении будут судить по тому, насколько у него хватило мужества взять под защиту виды, оказавшиеся под угрозой исчезновения.

Собравшиеся слушали, затаив дыхание. С момента появления Косты на заседании рабочей группы КИТЕС по африканским слонам в Габороне все искали встречи с ним. Каждый хотел поговорить с ним и услышать его мнение: делегаты из Америки и Японии, европейских стран, представители прессы и природоохранных групп... Его решительность и прямота говорили сами за себя. Сколько уж лет политика КИТЕС в отношении слонов делалась руками малодушных и легковнушаемых людей. В интервью для прессы в мае сего года сам генеральный секретарь КИТЕС Эжен Лапуэнт признал, что группа контроля за торговлей костью КИТЕС в Лозанне получила от гонконгских и японских дельцов 200 тысяч долларов. Кто после этого

поверит, что КИТЕС пойдет за слонов в огонь и в воду? И вот в лице танзанийца Косты Млэ у слонов появился настоящий защитник.

В заключение Коста остановился на ценности кости с чисто человеческих позиций.

— Слоновая кость не используется в здравоохранении и для изготовления лекарств. Но охота за костью уносит не то что благосостояние, но и сами жизни людей в нашей и других странах. Наш народ обрекается на смерть — слишком большая жертва, чтобы кучка людей за рубежами нашей страны сколачивала состояние.

Когда Коста кончил, на несколько секунд воцарилось молчание. Едва ли кто прежде осмеливался говорить столь откровенно на подобных собраниях.

Я оглядел конференц-зал, стараясь определить делегатов. Были представлены многие страны Центральной, Восточной и Южной Африки, а также страны — традиционные импортеры слоновой кости: США, Япония, Гонконг, Великобритания, Германия, Франция, Китай и Бельгия. Но, за исключением Сенегала, не было представителей от западноафриканских государств. Я указал на это ученому Пьеру Пфейферу, представителю Франции. Он понимающе кивнул.

— Видимо, потому, что страны Западной Африки твердо стоят за запрет торговли слоновой костью, — сказал он. — Зато приглашены все южноафриканские страны, противящиеся ему — Зимбабве, ЮАР, Малави, Мозамбик, Ботсвана и Замбия. Все они здесь. И если честно — секретариат собирается сделать их руками зеленую улицу торговцам костью.

Профессор Пфейфер — выдающийся биолог, тридцать лет проживший в Африке, изучая слонов. Два года назад он был изгнан с поста главы ВВФ за недвусмысленную поддержку запрета на торговлю

костью. Но это не сломило его: он начал с большим успехом кампанию «За амнистию слонам» во Франции.

— Секретариат даже пригласил десять французских журналистов в свою штаб-квартиру в Швейцарии на брифинг, чтобы настроить их против запрета, — сообщил мне Пфейфер.

Глядя на секретариат КИТЕС, я только сейчас начал понимать, какая сила нам противостоит. Я, конечно, понимал, сколь сильны здесь интересы наживы, но не представлял, что настолько. В первый раз меня посетили серьезные сомнения, что нам удастся одолеть таких противников.

Махинации генерального секретаря КИТЕС и ряда сотрудников этой организации совпали с мощной атакой Зимбабве и Южной Африки, направленной против запрета. Они мотивировали свой протест тем, что у них, оказывается, еще полно слонов, за которыми установлен надлежащий контроль, так что пусть для них торговля костью остается разрешенной. К этой атаке присоединились Гонконг и Япония, заявляя, что запрет на торговлю костью приведет к потере рабочих мест. Сама Ботсвана, принимавшая конференцию, была яркой сторонницей торговли — она даже развернула выставку бивней и изделий из кости в фойе габоронской гостиницы «Сан», где проходила конференция. Когда в первый день работы конференции я вошел в гостиницу, я заметил нового ответственного за контроль торговли костью секретариата КИТЕС Дуга Хайкла. Хайкл был, как и я, канадцем, и при нашей встрече на конференции КИТЕС в Найроби он оставил впечатление славного, в чем-то даже желторотого малого с университетским дипломом. Тогда с ним было приятно общаться. Теперь же его былая учтивость девалась неведомо куда. Решительным, будто вызывающим, шагом он подступил ко мне и спросил, что я здесь делаю.

— Как что? Сiju на заседаниях, — сухо ответил я.

— У вас есть на это разрешение председателя?

— Есть, есть, не беспокойся, — сказал я и отступил от него прочь, не желая ввязываться в словесную перепалку. К счастью для меня и для других представителей природоохранных групп, на этой неделе председательствовал Ричард Лики, вновь назначенный директор департамента живой природы Кении, который заботился об участии всех заинтересованных сторон — политика, весьма отличная от образа действий секретариата КИТЕС.

У Косты были проблемы с делегацией Зимбабве. С ней работал Хрис Хаксли, бывший чиновник секретариата КИТЕС, который впервые познакомил меня в Лондоне с Йаном Паркером. Зимбабве и Ботсвана оказывали сильное давление на Танзанию. Зимбабве даже предложила ввести годичный мораторий на торговлю слоновой костью, если Танзания отзовет свое предложение к Приложению I. К счастью, Коста проявил решительность. Теперь, когда Танзания настолько укрепилась в своем мнении, ее уже ничто не заставит отступить. Но оппозиция была хорошо организована и представительна, что вызывало тревогу. Сильную команду прислали зимбабвийцы, да и позицию Ботсваны отстаивали десять человек. Главным аргументом являлась все та же потеря выручки от продажи кости, которую Коста называл несущественной по сравнению с возможной гибелью слонов.

В ответ на слова Косты Зимбабве и Ботсвана заявили, что, согласно проведенным в этих странах исследованиям, там такой излишек поголовья слонов, что необходима выбраковка. Однако через несколько дней, после консультации со специалистами, я сильно усомнился в достоверности этих «научных исследований». Никто из тех, с кем я беседовал, не мог подтвердить этих данных. Зимбабве отказалась их опубликовать, распространяя лишь оценочные

сведения, вычисленные из этих взятых с потолка данных. Между тем оценка поголовья животных требует тщательной осторожности в отборе и сопоставлении данных, равно как и весьма квалифицированной подготовки. Публикация данных позволила бы сторонним наблюдателям подтвердить выводы Зимбабве в случае соответствия их действительности. Отказ зимбабвийцев опубликовать цифры и их утверждение, что, несмотря на плановый отстрел, поголовье слонов продолжает расти, вызвали во мне серьезные подозрения. Меня расстроила также благодушная позиция Ботсваны. Я узнал, что некий ученый, работавший в Ботсване, поделился с коллегой Йена Дугласа-Гамильтона мнением, что в Ботсване не проводилось никаких долговременных исследований растительности, которые могли бы определить воздействие на нее слонов; а раз так, то научный базис, на основании которого можно было бы сделать вывод, что их в избытке, оказывался чрезвычайно слаб.

Фактически единственной информацией, опубликованной рядом стран, явилась оценка популяции слонов в собственном государстве. Но поскольку государства граничат друг с другом, а слоны часто мигрируют с одной территории на другую, то, по мнению ряда ученых, с кем я беседовал, во многих случаях слонов считали дважды, и каждая страна включала в оценку популяции одних и тех же животных. Если бы мы могли найти свидетельства, которые поддержали бы эту теорию, мы могли бы нанести серьезный удар по этим оценкам. Эта мысль запала мне в голову.

Среди участников конференции распространялись во множестве тезисы и документы; к концу первого дня работы мне попал в руки листок, выпущенный гонконгским департаментом сельского хозяйства. Пробежав его глазами, я наткнулся на знакомую

фотографию. Это был снимок ящика со слоновой костью, сделанный ЕИА на фабрике Пуна в Гонконге. Сопроводительный текст сообщал, что ЕИА прибегла к лжи в фильме, выпущенном Ай-ти-эн. Ящик, изображенный на снимке, не содержал добытой браконьерами кости, как заявляла ЕИА. Власти Гонконга проследили путь груза по номеру авиарейса на ящике и выяснили, что он получен с фабрики Пуна в Сингапуре, а не в Дубае. Следовательно, заключал листок, ЕИА дала необъективную информацию, ославив Гонконг как центр нелегальной торговли слоновой костью.

Я тут же наскочил на Ричарда Чена из гонконгского департамента сельского хозяйства.

— Это вы распространяете здесь этот документ?

— Думаю, завтра будем, — уклончиво ответил он.

— В таком случае, — начал я, — есть две вещи, которые я опровергаю от имени ЕИА. Во-первых, вы воспроизвели кадр из фильма, снятого ЕИА, без нашего разрешения. Во-вторых, вы дали необъективную информацию о нашей телепередаче.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вы игнорировали тот факт, что в выпуске новостей Ай-ти-эн мы привели интервью с менеджером косторезной фабрики в Дубае Симоном Ли, сообщившим, что он по-прежнему направляет кость в Гонконг и что его фабрика покупает сырье, добытое браконьерами в Африке. Это не мы выдумали. Это его собственное признание. И наконец, тот факт, что ящик, изображенный на фотографии, получен из Сингапура, несколько не ослабляет наших аргументов. Сингапурская фабрика Пуна получила в прошлом году из Дубая двадцать тонн обработанной кости. Затем эта кость была направлена в Гонконг. Ящик, изображенный на снимке, почти наверняка проделал тот же путь.

Ричарду Чену крыть было нечем.

Тогда я продолжил:

— Я думаю, вы серьезным образом искажаете информацию ЕИА и для подтверждения этой необъективной информации используете фото, принадлежащее ЕИА. Гонконгские власти окажутся в двусмысленном положении в случае распространения данного документа, и заверяю вас, что ЕИА будет вынуждена обратиться в суд для защиты нашего материала и информации.

Чен был захвачен врасплох.

— Что ж, — нерешительно сказал он, — вообще-то я еще не решил, будем ли мы рассылать завтра этот документ. Я хорошенько подумаю. Возможно, я воздержусь от этого.

Конечно же, документ так и не появился на конференции. Вместо него Чен распространил краткий, тщательно отредактированный циркуляр, подчеркивающий «значительное усиление» Гонконгом ограничений, налагаемых КИТЕС.

Дейв подъехал сюда как раз к моменту открытия конференции и представления Йаном Паркером и Роуаном Мартином отчетов о торговле слоновой костью, которые были наконец-то закончены. К сожалению, эти отчеты были разосланы делегатам по почте только на предыдущей неделе, так что лишь немногие успели их получить, а в запасе экземпляров не было. Я заподозрил, не специально ли это сделано ради противящегося запрету лобби, так как в обоих докладах подтверждалось существование нелегальной торговли.

В докладе Мартина, завершеном за шесть месяцев до конференции, шла речь о торговле слоновой костью на юге Африки. Будучи в Америке, я встретился с Крэгом ван Ноутом из «Монитор Консорциум» — одной из дочерних американских природоохранных групп, заявлявшей, что Южная Африка экспортирует 100 тонн добытой браконьерами кости в год. Роуан Мартин в своем докладе оспаривал эту цифру, но, тем не менее,

допускал, что она может равняться 40 тоннам. Он также соглашался с тем, что браконьерство в Зимбабве растет.

Когда после первого дня работы конференции мы с Дейвом шли через гостиничный холл, я остановился, чтобы приветствовать Энтони Холл-Мартина из делегации Южной Африки. В начале 80-х годов этот ученый выразил опасение, что в перспективе в Африке может остаться едва 100 000 слонов. Теперь был повод напомнить ему об этом предсказании.

— Похоже, ваш план выполняется строго по графику, — сказал я с кислой миной на лице.

— Почему Южная Африка противится запрету? — спросил его Дейв. — Неужели кость имеет экономическое значение для такой богатой страны, как ваша?

Холл-Мартин пожал плечами.

— Из принципа. Хотим продемонстрировать региональную солидарность с Зимбабве. Нам важно региональное сотрудничество.

Выходило, что влияние на споры оказывала не только политика, но и экономика.

Был заслушан также доклад рабочей группы по исследованию торговли слоновой костью — независимого органа, состоящего из ученых и борцов за охрану природы, назначенного КИТЕС для исследования текущей ситуации, — но те оказались куда менее осторожны в своих выводах, нежели Роуан Мартин. Их изыскания подтверждали, что поголовье слонов на Африканском континенте сокращается повсеместно, и громко прозвучала тревога за их будущее. Неудивительно, что страны, заинтересованные в продолжении торговли костью, встретили доклад в штыки.

Выступавший от имени Зимбабве Роуан Мартин в своей критике изысканий ученых дошел до конфуза. Он

сообщил, что по своей плодовитости зимбабвийские слоны скоро догонят и перегонят кроликов.

— Наши слоники, — заявил он, — способны зачать детеныша в семь лет и родить к девяти.

Ответом был взрыв хохота присутствовавших в зале заседаний ученых. Все они твердо знали, что африканские слоны достигают половой зрелости лишь на втором десятке, причем самцы еще позже.

— Я как биолог поздравляю зимбабвийских слонов с невиданным прежде достижением, — сказал Пьер Пфейфер. — Остается только научиться рожать детенышей уже с бивнями!

Когда всеобщий смех умолк, Пфейфер продолжил:

— Как вы думаете, сколько времени еще продержится Зимбабве, когда по всему Африканскому континенту пронесся опустошительный смерч?

Это был весомый козырь. С того времени, как браконьерство вылилось в серьезную проблему, оно прошло волной по северу Африки, затем через Судан и Эфиопию по Кении, Уганде, Заиру и Танзании и докатилось до Замбии, Мозамбика и Анголы. Предполагать, что у Зимбабве есть какой-то особый иммунитет, не было оснований. Напротив, в докладе самого же Мартина прозвучала тревога, что проблема браконьерства уже заявила о себе в полный голос в ряде районов Зимбабве.

Осмеянный Мартин, тем не менее, продолжал нападки на рабочую группу, заявив, что Зимбабве якобы не пригласили для участия в исследованиях. Стив Кобб, который вел наблюдение за подготовкой отчета, остановил докладчика.

— Это неверно, Мартин. Вас пригласили для участия в прогнозировании популяции в рамках исследования. Вы ответили отказом. Вот что вы сказали, — Стив Кобб порылся в своих записях. — «У меня не такое большое

сердце, чтобы могло обливаться кровью за всех слонов в Африке».

Реплика вызвала бурную реакцию представителей природоохранных групп. В условиях, когда вид обречен на гибель, местнический подход к проблеме был недопустим.

Уязвленный замечанием Стива Кобба, Мартин теперь обратил всю свою желчь против Косты.

— Среди нас объявился крестоносец, — заявил он, — который открыл новую религию: спасение слонов. Сей крестоносец из Танзании молится по новой Библии, имя которой — «Отчет о работе группы по исследованию торговли слоновой костью». И ныне он ищет Святой Грааль, название коему — запрет на торговлю костью...

К моему изумлению, слова ударили по нему бумерангом. Коста равнодушно проглотил атаку Мартина, слишком хорошо зная эту персону, чтобы затевать мышиную возню. Но ряд других делегатов почувствовали, что в своих нападках Мартин зашел слишком далеко, и прилюдно набросились на него с упреками, чтобы он заткнулся.

Одной из проблем, с которой всегда приходилось сталкиваться при борьбе за выживание слонов, являлось пораженческое настроение многих африканских государств. Оно возымело место и на этой встрече.

— Вымирание слонов в Африке неизбежно, — сказал делегат из Конго, — они все равно вот-вот исчезнут.

Подобное отношение культивировалось годами, и одним из его проповедников неизменно был Йан Паркер. Он выдвигал аргументы, что Африка больше не сможет прокормить слонов; что непрерывный рост населения, обреченного на нищету, приведет к разрушению и эрозии почвы, необходимой для существования слонов. Что до магнатов из Гонконга, то, по рассуждениям Паркера, они ничуть не виноваты в

сокращении поголовья африканских слонов. Напротив, Паркер выставлял их благодетелями, которые спасают африканскую экономику, покупая кость.

Но туман, который он напускал год за годом, наконец-то стал рассеиваться. Знаком этого явился вызов, брошенный Ричардом Лики членам конголезской делегации.

— Как председатель этой встречи, я взялся сохранять нейтралитет, — сказал он, — но как специалист по эволюции могу разъяснить, что исчезновение африканских слонов не более неизбежно, чем исчезновение людей на планете.

При этих словах я почувствовал прилив оптимизма. Конечно, не стоило недооценивать силу оппозиции, но с каждым днем в Габороне раздавались все новые голоса в защиту слонов, отвечавшие торгашам уколom на укол, ударом на удар. Перспективы конференции КИТЕС в октябре становились обещающими.

* * *

ВВФ подвергся массовой атаке стран, ратующих за сохранение торговли костью. Изменение его позиции вызвало враждебную реакцию, в частности ЮАР и Зимбабве. Джоргену и его коллегам становилось все труднее сопротивляться давлению. К своему огорчению, я узнал, что они изъявили готовность пойти на компромисс, согласившись на четырехлетний мораторий взамен полного запрета.

— Как вы могли отступить от своего долга! — запротестовал я.

— Что же ты сам-то ни слова не сказал на встрече? — парировал Джорген. — Ну, брякни что-нибудь!

Что касается нас с Дейвом, то мы решили поберечь порох и дать остальным участникам встречи высказать все точки зрения за запрет. Но перспектива отступления ВВФ со своих позиций побудила меня к действию. Когда участники встречи вновь собрались в зале, я поднял свой мандат и Лики дал мне слово.

— Африканский слон, — начал я, — находится под угрозой исчезновения из-за международной торговли слоновой костью. Его полное истребление возможно еще при жизни нашего поколения. Международное общественное мнение твердо стоит за спасение слонов. Сотни миллионов людей хотят, чтобы эти прекрасные и грациозные создания были сохранены для будущих поколений.

Страны и люди, выступающие за продолжение торговли костью, имели возможность в течение четырнадцати лет взять эту губительную торговлю под контроль. За этот период истреблено свыше миллиона слонов, а так называемые контрольные системы КИТЕС потерпели позорный крах. Недостаточно, чтобы ученые приезжали на эту встречу только для критики труда других ученых, наблюдавших за торговлей слоновой костью. Если находятся такие, что заявляют, что в их странах слоны достигают половой зрелости в более молодом возрасте, чем в других странах, если, по их утверждениям, слоны в их стране размножаются быстрее, чем где бы то ни было, пусть они предъявят научные свидетельства, подтверждающие эти заявления.

В ответ странам, противящимся запрету, мы можем заявить следующее. Браконьерство пронеслось опустошительным шквалом с севера на юг континента и теперь подбирается к границам Зимбабве точно так же, как 15 лет назад оно только еще заявляло о себе в Кении.

— Господин председатель! — завершал я. — Мир ожидает от сидящих в этом зале поддержки международного запрета на торговлю слоновой костью. Международное общественное мнение уже повернулось лицом к трагедии африканских слонов. Сознание этой трагедии нарастает, и это значит, что те страны, которые поддержат этот запрет, выигрывают в глазах мировой общественности по сравнению с теми, которые будут противостоять ему. За три месяца, оставшиеся до конференции КИТЕС, общество еще более укрепитя во мнении и осудит тех, кто воспротивится запрету.

Если мы хотим, чтобы слоны остались жить, им нужна полная защита. Здесь компромиссы неуместны. Годы компромиссов привели лишь к массовому закланию африканских слонов. Международное общественное мнение не потерпит компромиссов.

Я сел.

Позиция ЕИА получила широкую поддержку, но далеко не все делегаты — сторонники запрета — настаивали на полном прекращении торговли. К нашему удивлению и огорчению, делегат из Германии Герхардт Эдмондс выступил в поддержку дополнения к одной важной резолюции, а именно Резолюции 5.11, которая прошла на предыдущей конференции КИТЕС. Эта резолюция провозглашает, что если редкий вид подпадает в Приложение I, то под запрет попадает любая торговля продуктами из этого вида, в том числе и теми, что еще остались на складах. Поправка, предложенная Эдмондсом, заключалась в том, чтобы костью, закупленной до конца 1989 года, можно было по-прежнему легально торговать и после введения запрета. По окончании заседания мы с Дейвом набросились на него.

— Ты можешь понять, к чему это приведет?! Контроля будет еще меньше, чем даже теперь, потому

что каждый исхитрится найти лазейку для отмывания новой кости, добытой браконьерами! — сказал Дейв.

— Понимаю, что такое возможно, — согласился Эдмондс, — но не забудьте, что на конференции КИТЕС в октябре нам нужно собрать как минимум две трети голосов. Или придется пойти на уступки странам, торгующим костью, или провал. А таких стран немало. Если проиграем, то потеряем всё.

Это и в самом деле дилемма, и не один он понимал это. На следующий день еще один-два делегата стали распускать слухи о возможности компромисса. Но Соединенные Штаты и большинство других стран, стоящих за запрет, оказали упорное сопротивление предложению представителя Германии, будучи, как и мы, уверены, что необходимо стоять насмерть, чтобы добиться запрета.

В последний день работы конференции, когда стало ясно, что консенсус по Приложению I не светит, было предложено поручить какой-либо стране «челночную дипломатию» с целью выяснить возможность компромиссов между двумя лагерями, на которые разделились африканские страны. Для этой миссии был избран делегат от Камеруна.

Все заключительные слова были сказаны, председательствующий Лики объявил об исчерпании повестки дня, и Делегаты уже повставали с мест, чтобы разойтись, как вдруг Жак Бернэ, назначенный генеральным секретарем секретариата КИТЕС, объявил, что у него есть несколько сообщений относительно оплаты за гостиницу, транспорта до аэродрома, и так далее. Многие остались на своих местах, чтобы выслушать, что же он скажет.

— Имею сообщить, что встреча пришла к консенсусу о принятии дополнения к Резолюции 5.11,— сказал Бернэ. — Теперь к вопросу об оплате за гостиницу...

Я был поражен. Бернэ как раз прервал дискуссию по вопросу о Резолюции 5.11, высказав предположение, что поправка должна быть принята; но никакого согласия об этом достигнуто не было. Но, коль скоро положение было высказано, оно могло попасть в протокол конференции, а это подорвало бы призыв к полному запрету на октябрьской конференции КИТЕС.

Я поднял мандат и лихорадочно осмотрел зал заседаний, чтобы увидеть, дошло ли до кого-нибудь значение того, что сказал Бернэ. И одновременно со мной поднял мандат представитель американской делегации Маршалл Джонс.

— Господин Председатель, — сказал он сурово, — позвольте заметить, что США не согласны с тем, что был достигнут консенсус в вопросе о принятии поправки к Резолюции 5.11. В связи с этим доводим до всеобщего сведения, что решение о принятии поправки к Резолюции 5.11 принято не было.

К моему облегчению, Лики согласился с этим:

— Возражение принято.

* * *

Перед отлетом домой мы с Дейвом решили написать пресс-релиз и отослать факсом Сьюзи и Чармиэн в Лондон для скорейшего распространения. Мы спросили у администратора, можно ли воспользоваться пишущей машинкой и ксероксом, и она отвела нас в офис управляющего. Копируя доклад Роуана Мартина, я заметил, что на факсимильный аппарат пришел факс на японском языке. На верху листа было написано мелкими буквами: «КИТЕС, Лозанна» и номер факса секретариата. Кроме нас, в офисе никого не было. Я быстро скопировал факс и вставил обратно в аппарат.

— Там должно быть нечто интересное, — сказал я Дейву.

— Возможно, планы японской делегации на отпуск, — пошутил тот.

Ему не следовало быть столь скептическим, но мы поняли это уже в Лондоне.

* * *

— Кто-нибудь из вас знает, кто такой Канеко? — однажды спросила Сьюзи, войдя к нам.

— Канеко? Да слышали краем уха. А что?

— Я попросила перевести этот факс. Он был послан господину Вада. А это еще кто такой?

— Вада был членом японской делегации в Габороне, но больше я ничего о нем не знаю, — сказал Дейв.

— Постой-ка, — сказал я. — Канеко — представитель Японии в секретариате КИТЕС.

Я порылся в бесчисленных папках и быстро нашел требуемое. Переводы вырезок из крупнейших японских газет.

— Вот, — протянул я. — Статья Канеко против запрета на торговлю костью.

— Вот те раз! — сказала Сьюзи.

— И что же там написано? — спросил Дейв.

— Факс от Канеко с инструкцией Ваде, на какие пункты, по его мнению, следует обратить внимание японской делегации на конференции КИТЕС в Габороне при выражении оппозиции запрету на торговлю костью.

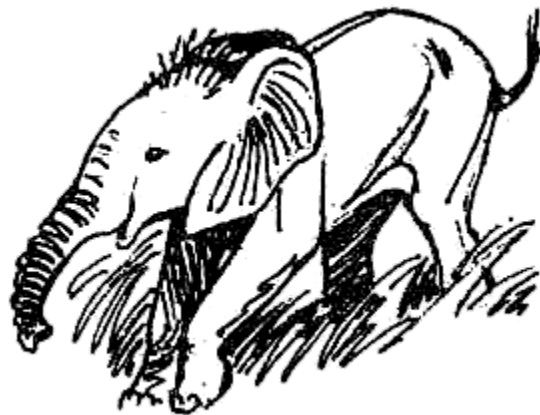
Мы с Дейвом прочитали перевод.

— Ну, каково? Стало быть, секретариат инструктирует делегатов с позиции японских торговцев, — сказал я.

— Вот и верь после этого, что КИТЕС займет нейтральную позицию, — сказала Сьюзи.

— Непременно включим эту историю в наш финальный доклад о торговле костью, — подумав, сказал Дейв.

— Может, хоть это заставит людей задавать вопросы, с кем же КИТЕС на самом деле.

Глава семнадцатая
Август — октябрь 1989
Лондон — Гонконг

Эллан

Программа исследований на месте была выполнена как нельзя полнее. Материала в нашем распоряжении имелось с избытком. Оставалась, пожалуй, самая ответственная часть всего нашего предприятия — на базе двухлетних исследований составить доходчивое и хорошо иллюстрированное изложение, разоблачающее торговлю слоновой костью, для распространения среди делегатов конференции КИТЕС в Лозанне в октябре 1989 года.

Весь штат ЕИА взялся за дело, засучив рукава. В течение нескольких последующих недель работа шла в таком нарастающем темпе, будто все ощутили прилив сил. Засиживались до девяти каждый вечер, а многие, в том числе Чармиэн, Сьюзи и Рос, которые теперь были у нас на полной ставке, работали и по выходным.

Тем не менее, оставалось еще много черновой работы, прежде чем наш труд будет готов к публикации. Следовало сличить данные статистических исследований и данные, добытые другими людьми, и, что особенно важно, сопоставить эти данные с нашими собственными выводами, чтобы было чем крыть аргументы наших противников. Становилось ясным, что угрозу введению запрета на торговлю слоновой костью

представляли три могучие группировки: первая объединяла торгашей из Японии и Гонконга, во вторую входили ЮАР и Зимбабве и третьей группировкой был секретариат КИТЕС. Политическая мощь первой из них сильно пошатнулась после выхода на телеэкраны фильмов, подготовленных ЕИА, и после введения в Америке и Европе запретов на импорт кости. Японское правительство также позитивно откликнулось на давление общественного мнения, и с 19 июня был запрещен ввоз кости из стран, не являющихся членами КИТЕС, а также из стран, где не было своего поголовья слонов. Ввоз обработанной кости также был запрещен. Департамент сельского хозяйства и рыболовства Гонконга ввел запрет на ввоз необработанной кости с 16 июня. Кроме того, была проведена «регистрация» уже накопленных в Гонконге запасов кости. Недавно Клайв с помощником по поручению ЕИА побывали в Тайване. Обнаружение ими там целого гнезда косторезных фабрик, получающих свежедобытую кость непосредственно из Африки, вызвало такой скандал, что мы лелеяли надежду забить последний гвоздь в гроб торговли слоновой костью на Дальнем Востоке.

Но два оставшихся очага сопротивления причиняли особую головную боль. К тому же появились признаки нежелательной для нас позиции прессы по данному вопросу: группировки, стоящие за продолжение торговли костью, публиковали свои взгляды и тем самым создавали себе рекламу. Недавние комментарии ситуации, высказанные Роуаном Мартином на пресс-конференции, были распространены по всему свету агентствами новостей, отчеты об этой пресс-конференции были опубликованы в газетах и журналах. Даже «Таймс», прежде поддерживавшая запрет, и та уделила внимание его словам.

«Почему мы должны страдать из-за просчетов в руководстве стран Восточной Африки? — вопрошал

он. — Эти страны безнадежно погрязли в болоте коррупции». Респектабельный журнал «Нью сайентист» опубликовал явно с подачи Роуана Мартина статью, в которой обвинял Танзанию чуть ли не в создании новой религии с поклонением слону. «Их сознание закрыто для других философских взглядов», — добавил автор. В британских и американских газетах на целые полосы раскинулись статьи под заголовками «СПАСАЙТЕ СЛОНОВ! ПОКУПАЙТЕ СЛОНОВУЮ КОСТЬ!», пропагандирующие точку зрения Зимбабве, что лучший способ сохранения слонов как раз и заключается в использовании их как источника дохода — надо только не лениться в уборке урожая слоновой кости.

Все это выглядело более чем прискорбно. Но не меньшее беспокойство вызывала и позиция секретариата КИТЕС. Резолюция, принятая в 1985 году, гласила, что, хотя секретариату КИТЕС и дозволяется давать рекомендации, он призван сохранять нейтралитет. Стало ясно, что секретариат КИТЕС плевать хотел на эту традицию. Дело не ограничилось скандальным факсом, найденным нами в Габороне: в своем телеинтервью генеральный секретарь КИТЕС Эжен Лапуэнт открыто заявил о своей оппозиции запрету на торговлю костью. Впрочем, могло ли быть иначе, когда с 1986 года отдел контроля за торговлей костью КИТЕС получил от торговцев 200 000 долларов!

Двурушничество генерального секретаря КИТЕС, которого должность обязывала сохранять нейтралитет, не могло оставить равнодушным. Мы помним, как он лез вон из кожи, чтобы добиться легализации бурундийской кости. Недавно он еще и разослал всем 102 членам КИТЕС пакет предложений по многочисленным альтернативам запрету. Неужели никто и бровью не поведет, глядя на его действия? И вот мы решили поручить опытной тележурналистке Морен Плантагенет

заглянуть за кулисы КИТЕС и взять под наблюдение работу отдела контроля за торговлей костью.

Кроме того, нам не доставало знаний по югу Африки. Роль ЮАР и Зимбабве в этом споре была слишком важна, чтобы ею пренебречь. Единственным путем дать отпор и опровергнуть их аргументы было изобличить вкравшиеся в них упущения и натяжки. За это была готова взяться Рос, а я составил для нее детальный план действий. Ей предстояло расследовать все аспекты политики Зимбабве в отношении слонов: научные наблюдения за их численностью, подробности незаконной торговли и браконьерства, миграции слонов из сопредельных стран, и так далее. Кроме того, нам вместе с Рос предстояло заглянуть, что делалось в Южной Африке.

Кроме написания доклада стояла задача продолжать лоббирование. Я накатал за несколько дней передовую статью в 3000 слов для журнала, издаваемого Американским отделением «Гринпис», подробный доклад для отделения «Гринпис» в Германии и ответ на статью в «Нью сайентист». В этот период мы с Дейвом давали интервью всякому, кто хотел писать о торговле слоновой костью или рассказать об этом по радио или телевидению, в том числе Японскому телевидению, двум американским телевещательным станциям и ряду газет и журналов.

Мы решили открыть небольшой офис в Вашингтоне. Это не только дало бы нам блестящую возможность развернуть широкое поле деятельности в США, а может быть, и стяжать средства для нашей деятельности (мы наконец-то нашли специалиста по финансовым вопросам), но благодаря действующему в Америке Акту о свободе информации мы могли получить доступ к информации, которую не получили бы ниоткуда больше. Находясь несколько дней в Вашингтоне для решения ряда оргвопросов по поводу нового офиса, я посетил и

штаб-квартиру ВВФ. Там Бафф Боулен сообщил мне, что в ходе своих визитов в Европу и Вашингтон гонконгские власти побывали и в штаб-квартире ВВФ США, пытаюсь добыть для себя исключение, если запрет о торговле слоновой костью будет принят.

— Я не скажу, чтобы мы отнеслись к ним с симпатией, — с улыбкой сообщил мне Бафф.

После того, как Джорген разработал предложение по Приложению I, отношение Баффа к ЕИА и торговле костью кардинально изменилось. Похоже, теперь он был предан идее полного запрета и признал ЕИА силой, с которой приходится считаться.

С разрешения Джоргена я принялся копировать собранные ВВФ документы по слонам и вдруг наткнулся на нечто такое, от чего я почувствовал, что ноги у меня подкашиваются. Это был пресс-релиз ЮНЕП — Программы ООН по окружающей среде, — датированный маем 1986 года. Крупная статья, превозносящая систему контроля КИТЕС; но больше всего меня в ней заинтересовало высказывание Эжена Лапуэнта, похвалявшегося, что его усилиями за торговлей костью налажен такой строгий контроль, что легче верблюду пролезть через игольное ушко, нежели торговцу найти обходной путь. «К нам на поклон приходили воротилы нелегальной торговли, — добавил он, — и предлагали огромные деньги, чтобы мы легализовали их запасы слоновой кости».

Не обращая внимания на то, что после этого могут возникнуть подозрения, через каких-нибудь несколько месяцев Йан Паркер отправился в Бурунди для легализации накопившейся там кости, добытой браконьерами. Вскоре после этого Хрис Хаксли побывал в Сингапуре и легализовал там 270 тонн кости.

Морен Пантагенет, нанятая нами для проведения расследования, уже пыталась пролить свет на работу системы КИТЕС по контролю за торговлей слоновой

костью. Она опросила ряд бывших членов секретариата и открыла, что Роуан Мартин был принят туда на работу в 1985 году для выработки структуры новой системы контроля за торговлей слоновой костью. На базе одной секретариат КИТЕС выработал длинную резолюцию, призвавшую страны «регистрировать» имеющиеся у них запасы кости, добытой браконьерами.

Первоначальным назначением этой регистрации было удостовериться, что объемы запасов кости, хранящейся в тех или иных странах, известны властям. Но впоследствии секретариат КИТЕС стал интерпретировать понятие «регистрация» как «амнистия». Однако до 1986 года слово «амнистия» нигде зафиксировано не было. Похоже, что сама идея легализовать бурундийские и сингапурские запасы кости возникла чуть ли не за одну ночь, во всяком случае, мы не встретили ни одной заметки о том, что это входило в намерения секретариата. Не сыграла ли здесь свою роль взятка? Нам бросился в глаза конфликт интересов в рамках секретариата КИТЕС. Поскольку, как мы могли заметить, секретариат испытывал нужду в средствах для проведения своей политики, легализация запасов кости послужила, с одной стороны, прикрытию позиций крупнейших воротил бизнеса на слоновой кости, с другой — притоку их денег в секретариат. Теперь оба благодетеля, нажившиеся на амнистии, ведут кампанию против запрета на торговлю костью. С какой стороны ни глянь, все к худшему.

Мы пошли с добытой нами информацией в газету «Мейл он Санди»; там проявили живой интерес к истории с секретариатом КИТЕС. «Это же абсолютный скандал, — сказал заместитель главного редактора Йен Уолкер. — Мы пошлем нашего корреспондента по вопросам окружающей среды Джо Ревилла сначала в Швейцарию для беседы с Лапуэнтон, а затем в Найроби взять интервью у Паркера. Если все сказанное вами

подтвердится, мы дадим крупную статью, посвященную секретариату КИТЕС и лично господину Паркеру, как раз за две недели до конференции КИТЕС — так она вызовет наибольший эффект». Газета «Мейл он Санди» оказалась преданной кампании в защиту слонов. Как только ее корреспонденты, пройдя по нашим следам, убедились, что все сказанное нами — правда, последовали шквал звонков и множество интервью с этими репортерами.

* * *

— Или слоны в Зимбабве действительно растут как на дрожжах, — сказала Рос, — или там незнакомы с азами арифметики.

Проведенные Рос изыскания показали, что, по мнению Зимбабве, число слонов в этой стране за последние два года увеличилось на 17 тысяч, и, что выглядело особенно странным, из этих «новых» слонов около 9 тысяч насчитали в парке Хванге на границе с Ботсваной. Когда мы узнали о том, что департамент парков Зимбабве устроил в парке Хванге многочисленные искусственные водоемы, все стало ясно. Последние шесть лет Ботсвану охватила засуха, и слоны перешли оттуда в Зимбабве в поисках воды.

— Подсчет слонов в Зимбабве, — сказала Рос, — проводился в сентябре 1988 года, когда в парке находились и ботсванские. Ботсвана же проводила свой подсчет четыре месяца спустя, когда слоны вернулись обратно. Хитрый ход, не правда ли?

— И теперь обе страны смело заявляют, как хорошо у них поставлено управление поголовьем слонов, хотя на самом деле происходит совсем иное, — сказал я и вытащил несколько вырезок из свежих зимбабвийских газет. — Вот три независимые друг от друга источника,

подтверждающие, какого размаха достигло браконьерство в Зимбабве. Мы также имеем сведения от наших людей, что в одном только парке Гонарежу по границе с Мозамбиком, где дислоцирована армия Зимбабве, валяется до тысячи скелетов слонов. Это подтвердила и группа контроля за торговлей костью. И при всем этом Зимбабве утверждает, что проблема браконьерства здесь не стоит!

Затем у нас с Рос была серия встреч с коллегами из Южной Африки. Они сообщили нам, что главный заправила торговли слоновой костью в Южной Африке — китаец по имени Пон. Рассказывали, что он вошел в сделку с южноафриканскими спецслужбами, сумев наладить ввоз нужных им товаров, иначе они разорили бы их санкциями. За это спецслужбы закрыли глаза на его сделки со слоновой костью и рогами носорога.

Годом раньше уважаемый американский борец за охрану природы Крэг ван Ноут уведомил Конгресс США об участии личного состава Южно-Африканских сил обороны в контрабанде слоновой кости и рогов носорога. У Рос накопилась целая папка написанных с тех пор статей, каждая из которых подтверждала разоблачения Крэга. Похоже, его выводы не вызывали сомнения. Информация, в большинстве своем из южноафриканских газет, разоблачала крупную сеть контрабандистов, орудующих в Южной Африке при очевидном сотрудничестве с Южно-Африканскими силами обороны. Мы узнали, что за последние 12 месяцев имело место немало случаев задержания нелегально добытой кости. Однако наиболее вопиющим моментом в заявлении Крэга явилось то, что Южно-Африканские силы обороны оказывают военную помощь — оружием, амуницией и т. д. — антиправительственной группировке «Унита» в Анголе, за что получают плату в виде браконьерски добытой кости. Гражданская война в Анголе, равно как и в

Мозамбике, оказалась превосходным прикрытием контрабанды слоновой кости. Зимбабвийские войска, дислоцированные в Мозамбике, также обвинялись в участии в операциях. Не оставалось сомнения в том, что немало кости шло из Мозамбика в Южную Африку и затем вывозилось через порты этой страны.

Затем к нам позвонил некто, назвавший себя «просто Дональд», который укрепил нас во мнении, что проблема, с которой мы связались, создаст нам забот выше головы. Дональд сообщил, что он работает на независимую антибраконьерскую группу, базирующуюся на юге Африки и в Лондоне и финансируемую обеспеченными благотворителями, преданными делу спасения слонов и носорогов. Он сказал, что большинство из примерно 60 членов этой бригады ранее были членами южноафриканских спецслужб — все как на подбор молодцы, готовые в огонь и в воду. Я сначала думал, что это неправдоподобная, если не умышленно лживая, история, но проверка показала, что все сказанное Дональдом — правда. Скоро он появился у нас — действительно красивый парень, с которым хоть в огонь, хоть в воду — и принес нам документы по нелегальной торговле слоновой костью и рогами носорога по всему югу Африки, со всеми подробностями о сделках контрабандистов, их агентах по перевозкам и деловых контактах. Многие из того, что он сообщил нам, просто подтверждало открытое нами ранее, но многое и представило в новом свете взаимоотношения браконьерства и политики южноафриканских государств. Он указал нам даже на свежие следы — мы были просто не в состоянии вести расследование по всем.

Помимо всего прочего, бригада Дональда раскрыла северокорейский след в торговле рогами носорога и браконьерской слоновой костью в странах юга Африки.

Дональд пожаловался, что данные были переданы им правительствам всех стран этого региона, но никаких мер предпринято не было. Дело против этих стран приобретало стройный характер. Так как же могут представители этих государств, в свете всех имеющихся налицо свидетельств, заявлять о том, что дела с поголовьем слонов у них идут неплохо?!

По мере приближения октябрьской конференции Исабель Мак-Кри, возглавлявшая отдел живой природы Британского отделения «Гринпис», приняла на себя инициативу приглашения всех заинтересованных британских природоохранных групп на пресс-конференцию, с трибуны которой мы призвали британское правительство поддержать идею полного запрета на торговлю костью, особенно в Гонконге. Миссис Тэтчер по-прежнему воздерживалась от обещаний. Во время пресс-конференции я подверг массивной атаке Южную Африку и пообещал, что в докладе, который мы готовили к публикации, будут преданы гласности пикантные подробности замешанности ЮАР в торговле слоновой костью.

Мои комментарии получили широкое распространение, и ответная реакция Южной Африки не замедлила появиться. Официальная пресса выступила с многочисленными клеветническими заявлениями устами видных политиков в адрес ЕИА и меня лично; мои заключения и выводы объявлены «смехотворными»; всю неделю телефон ЕИА раскалялся от звонков, и каждый раз чей-то голос на африканском наречии спрашивал: «Вы — Эллан Торнтон?» Хотя некоторые из звонивших были журналисты, было много и анонимных звонков с угрозами. Передовицы газет по всему югу Африки кляли меня на разные лады.

Правда, был во всем этом вот какой момент. Поскольку южноафриканские журналисты толпами приходили ко мне за интервью, аргументы ЕИА смогли

дойти до куда большего числа читателей, чем при любой другой ситуации.

* * *

Всё стягивалось воедино. Папки с документами, картотеки, отчеты и газетные вырезки — всё громоздилось уже на полу моей жилой комнаты, устлав собой ковер. Ситуация в доме у Дейва была та же самая. Данных было накоплено целые горы. Сличение и составление из них последовательного и неопровержимого аргумента против торговли слоновой кости представлялось неподъемной задачей.

Эту задачу мы поделили на части. Дейв взял на себя страницы, посвященные Объединенным Арабским Эмиратам, Сингапуру, Гонконгу, Тайваню и Японии; я же взял на себя Африку и КИТЕС. Мы работали каждый у себя дома и звонили друг другу по десять раз на день, выясняя, кто использовал какие источники информации, и сличая документы. Каждый фрагмент свежей информации поднимал новый животрепещущий вопрос, для ответа на который приходилось разыскивать новый документ. Работа приобрела характер гонки со временем. Каждый из нас работал до трех-четырех часов утра, затем на пару часов заваливался в постель, а после начинал снова. Но дело двигалось.

Центральным вопросом в нашем докладе мы ставили причины провала систем контроля КИТЕС за торговлей костью. Мы излагали, как была установлена система, выявляли двусмысленный характер проведенных КИТЕС «амнистий», а затем выявляли пути слоновой кости из Африки в Азию через Средний Восток. Назывались поименно лица и компании, даты сделок; назывались источники, давшие информацию, по возможности так, чтобы не ставить их под удар. В

общем, должен был получиться обоснованный доклад, а не легковесное изложение для журналистов. Если мы хотим, чтобы нас восприняли всерьез, наш труд должен был не уступать академическим изданиям в аккуратности и точности ссылок. И главное, он должен быть на должном уровне отпечатан, чтобы не затеряться среди всей той макулатуры, которая будет предлагаться участникам конференции КИТЕС. К счастью, нашелся щедрый попечитель, который обещал издать этот труд тиражом в пять тысяч экземпляров, не взяв с нас ни гроша. Наконец к 15 сентября материал был готов для передачи в печать. В тот же день мы послали экземпляр рукописи в «Санди таймс».

Реакция не заставила себя ждать. Уже 19 сентября к нам в офис заявился корреспондент «Санди таймс» по живой природе Брайан Джэкмен собственной персоной, принеся с собой нашу рукопись.

— Убойный материал, — восторженно сказал он. — Непременно в печать! Я тут же переговорю со своими.

Час спустя нам позвонил заместитель главного редактора «Санди таймс». Он сообщил, что хотел бы поместить большую статью на основании нашего доклада за день до открытия конференции КИТЕС, и предлагал семь с половиной тысяч фунтов за эксклюзивное право. Надо сказать, что наше финансовое положение было столь шатким, что мы не заставили себя долго упрашивать.

Между тем цена слоновой кости на мировом рынке резко пошла вниз, и, поскольку торговцы почувствовали, что запахло жареным, за кулисами торговли костью возымел место всплеск насилия. В Бельгии был застрелен бурундийский торговец Али Сулейман; другого воротилу, связанного с одним из крупных синдикатов, нашли мертвым в своем автомобиле в Южной Африке.

— Страсти накаляются, — сказал Дейв и оказался прав. После того, как мы договорились с Брайаном Джэкменом о публикации материала в «Санди таймс», он еще разок зашел к нам в офис за недостающими документами. Перед уходом он выглянул на улицу из окна.

— Боюсь, как бы не было за вами слежки, — тихо сказал он.

Когда же к окну подошел я, тот, за кем наблюдал Брайан — если там действительно кто-то был, — успел исчезнуть, но все же я воспринял его подозрения всерьез. За два дня до того, возвращаясь пешком домой, я обратил внимание, что за мной следует машина с двумя сидящими в ней людьми; я был уверен, что дело тут нечисто.

На следующий день Брайан позвонил мне.

— Я оказался прав, — сказал он. — Когда я ушел от вас, за мной всю дорогу от самого офиса следовал человек.

— Как он выглядел?

— Среднего роста, брюнет, с бородой. Да, кстати, на нем были весьма специфические ботинки. — Тут мой собеседник язвительно захихикал. — Ты не поверишь, но это специальные южноафриканские ботинки для ходьбы по лесам. Что-то странное совпадение, тебе не кажется? — Тут Брайан перешел с шутливого тона на серьезный. — Право, будь осторожен! Наши корреспонденты в Южной Африке сообщили нам, что службы безопасности в этой стране питают интерес к тому, что вы собираетесь разоблачать. Они устроили налет на квартиру нашего корреспондента в Йоханнесбурге. Все перевернули вверх дном. Мои коллеги даже собрались нанять охрану для меня и моей семьи. Так что будь бдителен, о'кей?

Вскоре после этого разговора наш старый друг Дональд попросил меня встретиться с ним в кабачке.

— Положение тревожное, — предупредил он. — Службы безопасности ЮАР забегали, когда до них дошло, как много вам известно. Будь осторожен ближайшие несколько дней!

Я решил принять меры и созвал всех сотрудников ЕИА.

— Вплоть до конференции КИТЕС вам надлежит быть сверхбдительными, — предупредил я. — Берите на заметку всё подозрительное, всяких субъектов, шляющихся возле офиса. Если что — бегом ко мне!

Сьюзи — так, на всякий пожарный — сняла копии со всех конфиденциальных документов и спрятала их вместе с фотографиями фабрик Пуна в сейф, укрытый в безопасном месте.

За две недели до открытия конференции КИТЕС Дейву пришлось вылететь в Гонконг для участия в работе созданной департаментом сельского хозяйства и рыболовства Гонконга (АФД) пресс-конференции, призванной решить судьбу скопившихся в этой стране шестисот семидесяти тонн слоновой кости. Ситуация была слишком важной, чтобы упускать такой случай. Если дело повернется так, что эта кость окажется в центре дискуссий на конференции КИТЕС, а мы окажемся безоружными, то грош нам цена.

Дейв

Запрет правительства Гонконга на ввоз необработанной слоновой кости действовал уже четыре месяца, и тут возникла опасность, что он мог дать задний ход. В Гонконге вовсю шла «регистрация» накопившейся к тому времени слоновой кости, и нам в душу закралось подозрение, что регистрация окажется лишь прелюдией к «амнистии». Как в воду смотрели.

Ставя целью добиться для себя исключения из Резолюции 5.11, департамент сельского хозяйства и рыболовства Гонконга созвал пресс-конференцию в надежде получить поддержку. Он уже получил таковую от секретариата КИТЕС. Это означало, что, даже если слоновая кость попадет в Приложение I, Гонконг сможет по-прежнему торговать накопившейся у него костью. Но кто сможет сказать, сколько времени назад был добыт тот или иной бивень? Да и за то время, что существует торговля слоновой костью, технология отмывания браконьерской кости на рынке Гонконга доведена до совершенства, и заклание слонов будет продолжаться по-прежнему. Таковы были наши аргументы против данного решения — те же, что и в Габороне, где впервые был поднят этот вопрос.

Природоохранные организации не были приглашены на эту пресс-конференцию, так что я позвонил Брайану Джэкмену из «Санди таймс», и тот снабдил меня рекомендательным письмом с предписанием оказывать мне всяческую поддержку, так как я собираю для его газеты материал по торговле слоновой костью. К участникам конференции обратился директор департамента сельского хозяйства и рыболовства д-р Лоуренс Ли. Он зачитал краткую, заранее подготовленную речь, в которой отстаивал позиции

Гонконга. Суть заключалась в том, что Гонконг воспринимает беду слонов так близко к сердцу, как никто другой, но для осуществления защиты слонов на практике нужен прагматический подход.

— В настоящее время происходит мощный прилив эмоций со стороны разбросанных по всему миру природоохранных групп, требующих полного запрета на торговлю слоновой костью, — заявил он. — Однако, согласно разумному и взвешенному мнению правительства Гонконга, введение такого запрета повлечет за собой значительные проблемы.

Он перешел к перечислению означенных проблем — практически все они были связаны с финансовыми трудностями, с которыми предстояло столкнуться торговцам.

— Подведем итоги, — сказал д-р Ли. — Гонконг искренне поддерживает усилия по сохранению африканских слонов и делает все возможное, чтобы служить добрым примером в этом деле. Мы стоим за то, чтобы не допускать никакой торговли вновь добытой слоновой костью, пока будущая конференция КИТЕС не введет более эффективные меры контроля. Но торговля легально приобретенной слоновой костью из уже накопленных запасов, с нашей точки зрения, может быть разрешена. Теперь, — тут д-р Ли мягко улыбнулся собравшемуся в зале журналистскому корпусу: — прошу пишущую братию, пожалуйста, вопросы! Я и мои коллеги постараемся отвечать наилучшим образом. Спасибо.

Огульное заявление о «легальном» характере всех накопившихся в Гонконге запасов кости нельзя было оставить без ответа.

— Доктор Ли! — начал я. — Как известно, борьба за введение запрета на торговлю слоновой костью вызвана полным крахом системы разрешений, выдаваемых КИТЕС. Как же вы можете быть уверены, что шестьсот семьдесят тонн гонконгской кости приобретены легальным путем?

Тем более что не один гонконгский торговец в Дубае сознался, что поставляет в Гонконг нелегально приобретенную кость.

Доктор Ли ласково улыбнулся.

— Мы не можем взять на себя ответственность за этих торговцев только из-за их гонконгского происхождения. Торговец, о котором вы говорили, владеет компаниями в десяти странах и, возможно, путешествует с французским паспортом.

Очевидно, он имел в виду Джорджа Пуна.

Я не отступал.

— Вы сказали, что призыв к запрету исходит от неправительственных организаций. Но вы не могли не

знать, что предложение по Приложению I было выдвинуто сначала Республикой Танзания, затем подхвачено другими странами, в том числе США и Кенией. По заявлению Танзании, 94 процента кости, продаваемой на мировом рынке, добыто браконьерами, а так называемые сертификаты КИТЕС оказываются клочками бумаги. Что вы ответите на это?

Доктор Ли пришел в замешательство. Вполне понятно. Он никак не ожидал, что задуманный им пресс-брифинг выльется в допрос.

— Ну... — заколебался он, — если мы обнаружим, что документы не в порядке, мы снимем кость с торгов.

В перекрестный допрос вмешался еще один репортер.

— Какова позиция правительства Великобритании в вопросе о гонконгской кости?

— Мы разъяснили им, чего мы добиваемся, — ответил доктор Ли, почувствовав более твердую почву под ногами. — По их мнению, позиция Великобритании осложняется тем, что, являясь членом ЕЭС, она вынуждена считаться с другими членами. Но при всем этом она полностью на нашей стороне.

Теперь слово взял репортер из Австралии.

— Мне кажется, ваши ответы противоречивы, доктор Ли. С одной стороны, вы заявляете, что поддерживаете запрет, с другой — вы хотите продолжать торговать костью и собираетесь изменить свою позицию, если торговать костью захочет, скажем, Зимбабве. Так вы поддерживаете запрет или нет?

На этот раз улыбка Ли показалась натянутой.

— Если удастся поддерживать поголовье слонов на должном уровне, — осторожно ответил он, — тогда что мешает разрешить торговлю? Что касается Зимбабве, то многочисленные правительственные и неправительственные организации сообщали нам, что Зимбабве удастся держать поголовье слонов под

контролем. Если они захотят торговать костью, мы сможем внести поправки в ситуацию.

— Короче говоря, вы не поддерживаете запрет, — кивнул австралиец и записал что-то себе в блокнот.

Я снова взял слово.

— Доктор Ли! Верно ли, что Гонконг предложил внести поправку в Резолюцию 5.11 таким образом, чтобы накопленной костью можно было продолжать торговать повсеместно, а не только в Гонконге? (Слухи об этом дошли до меня, когда я вылетал из Лондона.)

Мой вопрос застал доктора Ли врасплох.

— Вообще-то да, — признался он, — Гонконг выступил с предложением такой поправки, но, когда мы внесли ее в секретариат КИТЕС, нам ответили, что такое предложение к ним уже поступило. Видите ли, в июле в Ботсване прошла международная конференция, которая обратилась в секретариат с проектом подобной резолюции.

Я не мог поверить своим ушам! Выходило так, что, несмотря на твердую оппозицию Маршалла Джонса в конце конференции в Габороне, судьбоносная резолюция все-таки прошла! Я был вне себя.

— Позвольте оспорить сказанное вами, доктор Ли, — вмешался я. — Я знаю, о какой конференции идет речь. Вы имеете в виду встречу рабочей группы по африканским слонам?

— Именно так, — кивнул тот.

— Я был на этой встрече, — заявил я, и при этом многие другие репортеры обернулись ко мне. — Секретариат действительно сделал попытку трактовки данного решения как принятого, но ряд стран резко возразил против такой интерпретации.

Очевидно, доктор Ли не придавал столь важного значения трактовке решения, как я. Он оглядел зал, чтобы увидеть, нет ли еще желающих задать вопросы.

— Почему так трудно идет борьба за запрет? — сделал попытку вмешаться еще один репортер.

Доктор Ли пожал плечами.

— Как почему? Пока есть спрос, будет и торговля, — сказал он.

— Доктор Ли, — снова взял слово я, — знаете ли вы, что после введения запретов в Европе, США и Японии цена необработанной кости в Африке упала на шестьдесят процентов?

— Нет, не знаю, — нетерпеливо ответил он, — да и вообще ситуация с этим сложная. Даже несмотря на снижение спроса, торговля продолжается. Представьте себе, что вы — законный торговец, который законно приобрел запас кости. Что вы будете делать? — спросил он и сам же ответил на свой вопрос: — Естественно, бороться за право торговать. И при необходимости продавать кость вне рамок КИТЕС.

— Когда представителя Кении Ричарда Лики недавно спросили, как лучше поступить с гонконгской костью, он ответил, что ее следовало бы выбросить в море. Что вы на это скажете? — допытывался я.

— Что ж, хоть бы и так. Только пусть сначала заплатят нам за кость, — улыбнулся он.

Между тем ведущий оглядел аудиторию.

— Пожалуйста, последний вопрос. Нам надо освободить зал к четырем.

Все присутствующие устремили взоры на меня. Собравшиеся понимали, что я-то уж не дам спуску доктору Ли. И я не собирался оставлять их разочарованными.

— Насколько я знаю, Гонконг проголосовал за Резолюцию 5.11 от 1985 года, гласящую, что если исчезающий вид вносится в Приложение I, то всякая торговля продуктами этого вида прекращается через девяносто дней после этого. Или, может, я ошибаюсь?

По залу пронесся смех. Я улыбнулся в ответ, в знак того, что воспринимаю реакцию как должное.

— Простите, что снова вынужден брать слово. Но Великобритания совершенно точно голосовала за резолюцию. Так на каком же основании вы голосуете за добавление, изменяющее ее смысл? Разве речь идет о чрезвычайных обстоятельствах, требующих чрезвычайных мер?

Реакция доктора Ли была неприкрыто враждебной.

— Не знаю, как там Великобритания поддержала Резолюцию 5.11, зато я знаю, что Гонконг в это время активного участия в деятельности КИТЕС не принимал. — Он встал. — Спасибо, джентльмены, что уделите нам время, — твердо сказал он.

Как только Ли покинул зал, ко мне подошел Тони Кларк, первый секретарь-ассистент по финансовым службам Гонконга.

— Похоже, вы славно разбираетесь в этом, — с любопытством сказал он, явно подбирая ключи, чтобы раскрыть мою личность.

— Да так, с недавних пор наблюдаю за развитием событий, — как бы невзначай бросил я.

Тут ко мне подступил журналист из ЮПИ.

— Как я понял, вы представляете какую-то природоохранную организацию? — спросил он.

Я заметил, как при этих словах Тони Кларк содрогнулся.

— Да, — сознался я, — но в данный момент я прибыл сюда от лондонской газеты «Санди таймс».

— Как называется ваша организация? Ваше имя и должность? — не унимался представитель ЮПИ.

Я собирался участвовать в работе конференции инкогнито, но теперь не было смысла таиться.

— Наша группа называется Агентство по исследованию природы. Мое имя — Дейв Кэрри, я исполнительный директор, — ответил я. Было бы глупо

упускать такой шанс дальнейшей рекламы нашего дела.

* * *

Когда я вернулся в Лондон, до начала конференции КИТЕС оставалось всего четыре дня. Доклад ЕИА, озаглавленный «Система истребления» с подзаголовком «Трагедия африканского слона» объемом в 46 страниц, включая две страницы ссылок, уже был напечатан. На обложке была моя фотография убитых слонов, сделанная год назад в парке Цаво; поверх снимка мы наложили текст: «ОДОБРЯЕМ. СЕКРЕТАРИАТ КИТЕС», похожий на официальную печать, от чего композиция приобрела сатирический характер. Свидетельства обвинения группировались по тринадцати разделам, каждый из которых характеризовал какой-то отдельно взятый аспект торговли слоновой костью. Дав характеристику положения дел в таких крупных странах, как Южная Африка, Объединенные Арабские Эмираты, Гонконг и Япония, мы посвятили целую страницу деяниям Йана Паркера. Еще пять страниц были отведены деятельности секретариата КИТЕС; в своих выводах мы назвали вещи своими именами. «Генеральный секретарь и большинство штата КИТЕС заслуживают обвинения, мягко говоря, в грубейшей некомпетентности. Им нельзя верить объективное выполнение решений сторон. Они доказали свою некомпетентность в несении ответственности, налагаемой сторонами, и должны быть лишены доверия». Сигнальные экземпляры были разосланы прессе. Но пока что только в одном мы могли быть уверены: проигнорировать этот доклад не сможет никто.

Пресса по-прежнему не уставала изобличать торговлю слоновой костью. «Мейл он Санди» опубликовала, как и обещала, разоблачения секретариата КИТЕС на трех страницах. Этот огромный материал немедленно вызвал интерес других британских газет. Неделю спустя газета «Мейл он Санди» опубликовала разоблачения роли Йана Паркера в деятельности секретариата. Авторитет означенного органа был серьезно подорван всего за несколько дней до конференции КИТЕС.

Но вместе с тем до нас дошли и тревожные новости. Секретариат КИТЕС взял под контроль фонд, организованный с целью финансирования прибытия на встречу КИТЕС делегатов из бедных стран. В формировании этого фонда приняли участие все — и борцы за охрану природы, и правительственные учреждения, и коммерсанты; ранее Йан Паркер жаловался, что защитники природы оплатили дорожные расходы некоторым делегатам, а затем потребовал от них голосовать за ряд угодных ему мероприятий. Большинство африканских делегатов получили финансовую помощь для прилета в Женеву, но их путь лежал через Амстердам, где они останавливались на один-два дня. Получая от секретариата средства на дорогу, африканские делегаты извещались о неформальной встрече, организуемой делегатом от Малави, возглавлявшим предвыборное совещание делегатов от Африканского региона. Однако, судя по всему, больше ни с кем из африканских делегатов не консультировались по поводу данной встречи, и мы опасались, как бы на них не было оказано давление с целью добиться от них оппонирования полному запрету на торговлю костью.

Тележурналистка Морен Плантагенет и Эллан полетели в Амстердам разобраться в ситуации на месте, я же остался в Лондоне, чтобы давать

разъяснения прессе, что к чему. Мы договорились, что я присоединюсь к остальным семерым членам команды ЕИА в первый день работы конференции. В ближайшее воскресенье «Санди таймс» готовилась опубликовать крупную статью на базе нашего доклада «Система истребления», после чего следовало ожидать прилива желающих взять интервью.

Я взбодрился, когда утром в воскресенье раскрыл «Санди таймс» и прочитал разоблачение деятельности секретариата, явившееся поддержкой нашей атаки. Газета процитировала слова одного из западноевропейских делегатов: «Нарастает ощущение, что секретариат КИТЕС слишком много на себя берет. Организация встреч, подобных амстердамской, за пределами его полномочий». Кстати, до меня дошло, что внезапный десант ЕИА и журналистского корпуса на тайную ассамблею в Амстердаме поверг делегатов в такой конфуз, что сборище так и не состоялось.

Накануне моего отлета в Лозанну меня пригласили в студию Ай-ти-эн и объяснили, чего от меня хотят при расследовании деятельности секретариата КИТЕС. Генеральный секретарь КИТЕС Эжен Лапуэнт тоже давал интервью — в Лозанне — и пытался отстаивать свою позицию. Этим же вечером телекомпания Би-би-си показала великолепный и волнующий фильм «Войны из-за слоновой кости» Филиппа Кейфорда; техническим консультантом картины был Джорген Томсен. На следующее утро та же телекомпания Би-би-си взяла интервью у Эллана, находившегося в Лозанне. Торговля слоновой костью подверглась обстрелу из всех калибров. Судя по откликам на программы, общественность горой стояла за введение запрета. Если бы эта публика еще имела право голоса по данному вопросу...

Мы до сих пор слабо представляли себе, как отреагирует сама конференция на предложение

Танзании. Хотя не было сомнения, что многие делегаты стояли за запрет, южноафриканские государства, Гонконг, Япония и секретариат КИТЕС составляли вместе могучее лобби, и невозможно было предугадать, на какие политические кнопки они будут нажимать.

Нашим главным аргументом был труд «Система истребления. Трагедия африканского слона». Наша задача заключалась в том, чтобы красноречиво и доходчиво довести материал до сведения остальных делегатов. В понедельник, 9 октября 1989 года, я вылетел в Швейцарию, чтобы соединиться с моими коллегами.

Занавес поднялся.

Глава восемнадцатая
Октябрь 1989
Лозанна

Эллан

— Их расхватывают, как горячие пирожки, — сказала Чармиэн и наклонилась за очередной пачкой экземпляров доклада ЕИА к одной из множества коробок, громоздящихся на полу. То же самое собралась сделать и Сьюзи.

— Она не шутит, — сказала Сьюзи. — Их и в самом деле у меня с руками отрывают. Хватит ли у нас?

Мы привезли с собой в Лозанну 1000 экземпляров, и теперь я жалел, что мало. Наш доклад вызвал колоссальный интерес. По всему холлу дворца Больё в Лозанне сидели делегаты и представители природоохранных организаций, уткнув носы в «Систему истребления» в ожидании начала конференции КИТЕС 1989 года.

Вокруг нас собрались представители различных обществ живой природы, чтобы получить экземпляр доклада.

— Теперь и у меня есть! — поддразнив, сказал Джорген.

— Вот это доклад! — сказал Крэг ван Ноут, пробежавшись по страницам. — Здорово же вы пригвоздили эту Южную Африку!

— Блестящая работа, — одобрительно кивнул Стив Кобб. — Я сам мечтал бы написать такую же.

Похвала из уст человека, который сам написал отчет о работе группы контроля за торговлей слоновой костью, была особо ценной.

Телеоператоры и журналисты со всего света сновали по холлу и допытывались у каждого имевшего на груди значок с именем, что они думают о будущем африканских слонов. На конференцию КИТЕС выносилось обсуждение и судьбы других видов, но в данный момент прессу интересовали только слоны.

— Эллан! К вам обращается Радио Би-би-си. Вы могли бы дать интервью о позиции секретариата КИТЕС?

— Эллан! С вами говорит Питер Пюшель из отделения «Гринпис» в Германии. Немецкое телевидение желает взять у вас интервью о слоновой кости, которая шла с фабрик Пуна через Франкфурт.

— Привет, Эллан! Майк Мак-Карти из газеты «Таймс». Могу я спросить вас о мнении ЕИА относительно позиции правительства Великобритании по вопросу о торговле слоновой костью в Гонконге?

— Привет, Эллан! Ай-ти-эн. Мы тут засняли южноафриканскую делегацию за чтением доклада ЕИА, и именно раздела, посвященного махинациям Пуна в Южной Африке. Могли бы мы также заснять ваш разговор с южноафриканской делегацией?

Я переговорил по телефону с Дейвом и узнал, что в Лондоне его тоже рвут на части представители прессы. Как мы и надеялись, журналистов интересовало всё. Это было вознаграждением за адский труд. Я старался не оставлять без внимания ни одной просьбы, хотя одурел битый час повторять одни и те же аргументы. Когда же мне удалось наконец перевести дыхание, я увидел стоящую рядом со мной Рос. Последняя коробка с экземплярами нашего доклада была почти пуста.

— Хотела бы я знать, собираешься ли ты дать экземпляр Лапуэнту?

— Всеми свое время, — подумав, сказал я. — Пока не надо.

Я видел, как в зале нарастает напряжение. К нашей конференции было приковано внимание всего мира, что возбуждающе действовало на участников, не исключая и меня. Вероятно, охватившее меня чувство сходно с тем, что испытывает актер перед выходом на сцену. На моей памяти была конференция КИТЕС 1987 года в Оттаве, когда лобби, ратующее за продолжение торговли слоновой костью, было настолько сильным, что мы с Дейвом оказались бессильны его остановить. Теперь, кажется, в соревновании с ними вперед вырывались мы.

Во главе зала слегка возвышался президиум, где должны были занять свои места председатель и ведущие ораторы.

Перед началом конференции в президиум быстрым шагом поднялся нидерландский принц Бернгард, в прошлом президент ВВФ, известный своей преданностью природоохранному делу. Его пригласили сюда в качестве почетного гостя. Принц занял место между американцем Ральфом Моргенвиком, председателем одного из комитетов КИТЕС, и заместителем исполнительного директора Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) Уильямом Мэнсфилдом. В президиуме также заняли места мэр Лозанны и представитель Франции, которому выпала честь председательствовать на открытом пленарном заседании. Последним в президиум восшествовал, придавая важность каждому своему шагу, сам генеральный секретарь секретариата КИТЕС Эжен Лапуэнт — плечи назад, грудь колесом — и несколько мгновений спустя председатель объявил Конференцию открытой.

Обращаясь к собравшимся со вступительным словом, принц Бернгард подчеркнул ключевые, с его

точки зрения, пункты, которые делегатам предстояло обсудить в ближайшие дни. Нам польстило его заявление о преданности делу спасения слонов.

— В случае колебаний между сохранением торговли слоновой костью и сохранением слонов, — заявил он, — следует склониться в сторону последнего. Равным образом представляется важным, чтобы секретариат занимал объективную и нейтральную позицию...

По мнению принца, пожертвования денег в адрес КИТЕС избавили бы эту организацию от необходимости «добывать средства из посторонних источников». Не было сомнений, что на выступление принца оказала влияние критика деятельности КИТЕС со стороны ЕИА.

С ответной речью от имени секретариата выступил сам Эжен Лапуэнт; он вообще прославился даром произносить гладкие речи. Его язык был подобен тому, каким говорят политики, стремясь вызвать к себе доверие, а заодно и обойти стороной острые углы. Его голос, не говоря уже о внешности, был сама респектабельность, умеренность и аккуратность. Только у меня перед глазами всё стояли мертвые слоны в парке Цаво, с головами, изуродованными мачете. Пока такие, как Эжен Лапуэнт, в течение десяти лет уверяли общественность, что ничего страшного не происходит, оказалась истребленной половина африканских слонов.

Настало время действовать. Пока Лапуэнт с кафедры произносил свою речь, я встал и взял несколько экземпляров нашего доклада. Затем медленным шагом, так, чтобы не особенно привлекать к себе взгляды собравшихся, я направился в сторону президиума и положил экземпляр, прежде всего, на пустующее кресло Лапуэнта. Он бросил на меня резкий взгляд, но продолжал свою речь. Я же уверенной поступью прошелся вдоль президиума и вручил по экземпляру каждому из находившихся там светил. Уильям Мэнсфилд — у которого Лапуэнт фактически

находился в подчинении — бросил на меня хмурый, неодобрительный взгляд. Принцу Бернгарду тоже пришлось не по душе это нарушение этикета. Но сейчас было не до политесов.

Когда я возвращался на свое место, на меня с одобрением смотрели десятки лиц. Я сел и чувствовал, как у меня колотится сердце. Лапуэнт по-прежнему изливался в красноречии. Коллега, сидевший позади, наклонился ко мне.

Даже Роуан Мартин смеялся над этим трепом, — прошептал он.

Остаток дня был посвящен приветственным речам и административным объявлениям. Рабочая часть конференции начиналась только со следующего дня; к тому времени из Лондона должен прилететь Дейв. Я уже потерял терпение.

Подготовка закончилась. Мы были готовы в бой.

Дейв

Американский делегат поднял мандат.

— Господин председатель! На нас смотрит весь мир.

Хотя США твердо стоят на позиции «разумного использования» дикой природы, в случае с африканскими слонами мы столкнулись с силами, контроль за которыми не в состоянии установить ни одна страна. Из вышесказанного следует вывод о невозможности любого регулирования торговли слоновой костью.

Я наклонился к Эллану.

— Слава Богу, США поддержат Приложение I.

Эллан кивнул в знак согласия. Влияние США было огромным и могло вызвать мощную поддержку стран, кичащихся тем, что они в одном лагере с американцами. Если судить по этому дню, всё должно было пойти удачно. Но в череде речей в пользу запрета была пробита брешь, причем с самой неожиданной стороны.

Слова попросил директор Международного союза за охрану природы и природных ресурсов (ИЮКН) Мартин Холдгейт.

— Представляется неадекватным единое для всех африканских стран решение проблемы, — сказал он. — ИЮКН предлагает вынести африканского слона в Приложение I на большей части Африки, но в странах, где в наличии объективные критерии, он может быть внесен в Приложение II. Этим странам следует объявить добровольный мораторий на торговлю костью, возможно, до следующей конференции КИТЕС.

Я не мог поверить услышанному.

— Это же попытка похерить запрет! — сказал я с тревогой.

— Да, похоже, трудненько будет нам в ближайшие дни, — скорчил гримасу Эллан.

ИЮКН представляет собой объединение различных правительственных организаций и природоохранных групп. Он организован на научной основе, является филиалом ВВФ и имеет мощное влияние. Но предложение Мартина Холдгейта было неприемлемым, с какой стороны ни посмотри. Двухлетний мораторий на торговлю костью означал бы только то, что в 1991 году мы окажемся перед лицом той же ситуации, что и сегодня. Если даже небольшому числу южноафриканских государств оставить разрешение официально экспортировать кость, то Гонконг и Сингапур по-прежнему смогут легитимно оперировать ею, а это означает, что у браконьеров останется рынок, где они смогут отмывать добытую ими кость. Разрешить любую торговлю значило благословить браконьеров орудовать, как прежде. Двухлетний мораторий ни в коей мере не менял дела — или, может быть, Мартин Холдгейт считает, что за этот срок удастся восстановить поголовье слонов?!

Выступление Холдгейта послужило для оппозиции сигналом к атаке. Роуан Мартин, выступавший от имени делегации Зимбабве, был склонен преуменьшать ущерб от браконьерства в своей стране.

— С 1984 года мы объявили партизанскую войну браконьерам, охотящимся за носорогами, — заверял он, — а что касается убитых браконьерами слонов, то вряд ли их число удвоилось с этого срока по настоящее время.

Я почти чувствовал, как на голове у Эллана волосы встали дыбом. Он поднял мандат.

— Господин председатель, — энергично запротестовал он, — делегат от Зимбабве заявляет, что браконьерство в его стране едва ли могло удвоиться. Но в его же собственном докладе прозвучало признание,

что браконьерство резко возросло во многих районах Зимбабве. ЕИА располагает сведениями, что в прошлом месяце одна тысяча скелетов слонов была обнаружена в национальном парке Гонарежу и что активное участие в браконьерстве принимает зимбабвийская армия.

Стремясь разгромить зимбабвийцев по возможно большему числу пунктов, Эллан дошел до самого существенного.

— Нас также очень беспокоит двойная бухгалтерия, происходящая на границе Зимбабве и Ботсваны. Есть свидетельства тому, что Зимбабве считает своими слонов, мигрировавших к ним из Ботсваны, а когда они вернулись обратно, Ботсвана засчитала их как своих.

В ответ на это разоблачение по рядам пронесся глухой шепот. Очевидно, наш доклад прочитан далеко не всеми присутствующими. Но теперь к обсуждению присоединился и ряд стран — потребителей кости. Они мотивировали свои протесты тем, что торговля костью обеспечивала средствами к существованию многих граждан этих стран. Эти заявления задела Косту за живое. Он попросил слова для выступления от имени Танзании.

— Господин председатель! Позвольте поблагодарить Австрию, Венгрию и Соединенные Штаты за дальновидность и мудрость, проявленные при поддержке предложения к Приложению I. Нам больно слушать о том, что торговля слоновой костью обеспечивает средствами к существованию граждан стран-потребителей, в то время как в Танзании и других странах Африки люди кладут свои жизни, пытаясь защитить слонов.

То, что торговцы и косторезы в странах-потребителях добывали себе средства для жизни ценой жизней африканцев, явилось важным фактором, с которым не могли не считаться и другие выступавшие. Бюрократам, безразличным ко всему, что не имеет

отношения к бизнесу да торговому сальдо, ничего не стоило пренебречь даже столь вопиющим фактом. Но Коста и его союзники, у которых перед глазами стояли бойцы из антибраконьерских бригад, сраженные браконьерскими пулями, игнорировать это никак не могли.

К моменту закрытия заседания трудно было сказать, какая из сторон набрала больше очков. Я чувствовал себя тревожно. Видно, я слишком рано посчитал битву выигранной, оценив ситуацию лишь по бурной реакции общественности на наши фильмы. Элементарные вопросы, которые задавали делегаты, наводили на мысль, что об аргументах в пользу запрета они узнают впервые. Значит, им неизвестно реальное положение вещей, и то, к чему склонится их мнение, будет зависеть только от услышанного за эти несколько дней. Все ли мы сделали как надо? Самые ли правильные слова нами сказаны? Эти вопросы не давали мне покоя.

В главном вестибюле разместилось несколько киосков с разъяснительными материалами. В трех из них — Института защиты животных, возглавляемого Кристиной Стивенс, «Гринпис» и Гуманитарного общества США — демонстрировались фотографии и киноматериалы, снятые ЕИА. Постоянно работала видеоаппаратура, демонстрируя разоблачающий фильм Ай-ти-эн «След слоновой кости» и отрывки из более раннего фильма ЕИА «Пусть они живут». Пока мы с Элланом осматривали экспозицию, к нам подскочил делегат из Бурунди.

— Привет, друзья! — начал он, стараясь снискать наше расположение.

Вскоре стало ясно, для чего он вертит хвостом. Ему хотелось склонить нас поддержать поправку к Резолюции 5.11, чтобы Бурунди могла продолжать торговать костью.

— Вы знаете, что Бурунди хочет продать свой запас кости, — вкрадчивым голосом сказал он. — Мы поддерживаем Приложение I, так за что же нас наказывать?

— Наказывать? — парировал Эллан. — Вы шутите. Вы прекрасно знаете, что своих слонов у вас нет. Следовательно, вся кость, что у вас есть, добыта браконьерами. Неужели вы думаете, что мы примем вас всерьез?

Бурундиец сконфужен.

— Наше новое правительство горой стоит за охрану природы. Но поймите же, что нам надо продать нашу кость.

— Сочувствую, только вы стучитесь не в ту дверь. Никто больше не захочет покупать у вас кость, вы поняли это? — сказал я с удовлетворением. С тех пор как Америкой и Японией были введены ограничения, спрос на слоновую кость резко упал. Какую бы ставку ни делала КИТЕС на эту конференцию, отношение общественности в Европе и Америке к истреблению слонов было предельно ясным. Делегат из Бурунди был безутешен. Против факта падения цен на слоновую кость возразить было нечего.

Служба всемирных новостей Би-би-си изъявила желание взять интервью у основных участников дебатов вокруг слонов; и вот мы вчетвером — я, Коста, Роуан Мартин и Жан-Патрик Ле-Дюк — катим в такси в студию. Ле-Дюк, в прошлом участвовавший во французском Движении за защиту природы, теперь был нанят КИТЕС для усиления ее позиций и для работы с прессой.

Ле-Дюк был в шутливом настроении.

— И вы еще утверждаете, что я нечист на руку? — спросил он, пока мы в студии ждали появления телеведущего. — Вот я заплатил за такси, так что считайте, что я вас подмаслил.

— ЕИА никогда не обвиняла вас в коррупции, — возразил я. — Но, по нашему мнению, предстоит получить ответ на множество вопросов, накопившихся за последние годы деятельности секретариата КИТЕС. В особенности в том, как она соотносится с этикой.

Коста и Роуан Мартин не принимали участия в нашем обмене репликами. Коста все смотрел в окно — он явно был подавлен. Он чувствовал, что настроение участников встречи оборачивалось против Танзании; ранее он даже сообщил Эллану, что звонил к себе в министерство и его слова: «Мы можем проиграть» — были встречены коллегами с недоверием. Конечно же, они не имели права проиграть. Но Коста не был уверен в благополучном исходе.

Но и по поведению Роуана Мартина нельзя было сказать, что он чувствовал себя победителем. Он вышагивал по комнате круг за кругом, куря папиросу за папиросой. Я догадывался, что причиной тому было выступление госпожи Виктории Читепо, вдовы знаменитого борца за свободу и министра природных ресурсов Зимбабве. Она обладала огромной властью в Зимбабве и только что заявила на пресс-конференции, что категорически отказывается поддержать любой мораторий на торговлю слоновой костью в Зимбабве. Предложение одно-двухгодичного моратория в обмен за то, чтобы слоны Зимбабве и Южной Африки оставались в Приложении II, склонило немало людей на сторону Зимбабве. Оно создало этой стране имидж умеренной, готовой к компромиссам нации. Теперь госпожа Читепо одним махом разрушила все, и у Роуана Мартина не оставалось пространства для маневров. Так что, возможно, пораженческое настроение Косты было преждевременным.

И Роуан Мартин, и Ле-Дюк использовали отведенное им эфирное время не столько для свежей полемики со мной и с Костой, сколько для защиты своего

начальства. Мартин пытался оправдать выпад госпожи Читепо, а Ле-Дюк безуспешно старался спасти честь мундира Эжена Лапуэнта, попавшего под обстрел со всех сторон. Складывалось впечатление, что пороода обоих ораторов начала выявляться.

* * *

— Гонконгу вряд ли удастся вызвать к себе чью-нибудь симпатию, — с такими словами ко мне подступила Исабель Мак-Кри из «Гринпис», когда мы вернулись с заседания Азиатской региональной группы, куда были приглашены в качестве наблюдателей.

— Кроме британской делегации, — сухо ответил я. — Они никому не доложат о британской позиции.

Исабель механически поджала губы.

— По-моему, тому есть одна причина. Они собираются поддержать или воздержаться при голосовании за резолюцию, которая перечеркнет пункт 5.11. Если у них это пройдет, Гонконг сможет, как прежде, торговать слоновой костью.

Британская пресса делала все возможное, чтобы выцарапать у главы британской делегации Хриса Фолландса признание, какова же позиция Британии в отношении Гонконга, но он упрямо твердил одно и то же: «Комментариев не даем». Эти уклончивые ответы все более беспокоили репортеров. Британское правительство набрало очки в глазах общественности, приняв решение о запрете торговли слоновой костью в своей стране, и его нежелание разъяснить свою позицию в отношении Гонконга расценивалось не иначе как ханжеское. Ранее на этой неделе газета «Таймс» вынесла на первую полосу заголовок: «Британия оскандалилась из-за гонконгской слоновой кости». Тема была подхвачена и другими газетами.

Но критика, по-видимому, произвела слабое впечатление на Фолландса, который по-прежнему хранил тайну до решающей минуты. «Сначала выслушаем все аргументы и, смотря по обстоятельствам, примем решение» — таков был его обычный, ни к чему не обязывающий ответ.

Эллан

Слоны были не единственным исчезающим видом, вынесенным на обсуждение на конференцию. Время от времени до нас доходили слухи и о заседаниях на другие темы. Порой сообщались все более вопиющие факты о деятельности секретариата.

— Я что-то слышал о махинациях секретариата со шкурами кайманских ящериц. Ты не в курсе? — спросил я Джоргена.

Тот бросил на меня уничтожающий взгляд — тише, мол! — и, втолкнув в соседнюю комнату, тщательно закрыл за собой дверь.

— Секретариат получил восемьдесят тысяч долларов с продажи конфискованных шкур ящериц в Гайане, — прошептал он. — Этот вид ящериц не встречается в Гайане, так что шкуры были ввезены контрабандой откуда-то еще. Насколько я знаю, секретариат заключил сделку с каким-то японским торговцем, с тем, чтобы деньги со сделки были перечислены на банковский счет КИТЕС. Сделка такого рода, безусловно, носит незаконный характер: согласно своей же директиве секретариат не имеет права получать деньги с продажи конфискованных товаров.

— И куда же они девали деньги? — спросил я.

— Вот то-то и оно-то! — кисло улыбнулся Джорген. — Секретариат не включил эти восемьдесят тысяч в свой отчет по бюджету на конференции КИТЕС.

Я искоса взглянул на него.

— Вот это да! И кто-нибудь намерен что-либо предпринять?

— По этому вопросу собирается выступить американская делегация на заседании комитета по бюджету в секретариате, — сказал Джорген и бросил на

меня предупреждающий взгляд, как бы предвосхитив мои намерения. — Пока до этого не дойдет, молчок. О'кей?

Я послушно дотерпел до заседания комитета по бюджету и сразу же бросился к Майку Мак-Карти из газеты «Таймс», принеся ему сногшибательную новость Джоргена. Как я и надеялся, сообщение о незаконном платеже распространилось мгновенно. К тому времени, когда должно было закончиться заседание по бюджету, собралась толпа журналистов, готовая засыпать вопросами секретариат и американскую делегацию. У секретариата не оставалось другого выхода, как назначить на конец текущего дня пресс-конференцию с целью попытки отстоять свою позицию.

Для большинства природоохранных групп это последнее разоблачение явилось последней каплей. После консультации с различными группами я направил письмо Мостафе Толба, возглавлявшему Программу ООН по окружающей среде, с призывом об отставке Лапуэнта. За два часа это обращение подписали 24 группы со всего мира. На следующий день число подписей возросло до 38.

К всеобщему возмущению, сам Эжен Лапуэнт не появился на пресс-конференции секретариата.

— Почему нет господина Лапуэнта? — негодовал один из журналистов.

Представлявший Лапуэнта Жак Бернэ делал все, чтобы защитить действия секретариата, но его аргументы звучали все более неубедительно и путано. Среди собравшихся был распространен текст письма в адрес Мостафы Толба.

— Что вы имеете ответить на требование перечисленных организаций об отставке господина Лапуэнта? — спросил Майк Мак-Карти.

— Мне нечего сказать, потому что я этого требования не видел, — сказал Бернэ, поджав губы.

— Что вы имеете возразить на замечание главы американской делегации, что Эден Лапуэнт превысил свои полномочия и попытался войти в сделку с ЮНЕП?

Бернэ показал спину.

— Соединенные Штаты вольны делать все, что им заблагорассудится.

Мак-Карти предпринял новую попытку.

— Могли бы вы сообщить нам, когда г-н Лапуэнт сможет лично встретиться с прессой?

Бернэ пожал плечами.

— Господин Лапуэнт очень занят. Я не знаю, когда он освободится.

Ситуация была тупиковая.

Тем не менее, имелись некоторые свидетельства, что до Лапуэнта доходило недовольство его руководством. Я был приглашен в качестве гостя на прием, устроенный французской делегацией, и за бокалом шампанского мы обсуждали с главой японской делегации политику его страны и изменение ее отношения к охране окружающей среды. В тот момент, как глава японской делегации наполнял мой бокал, в зал неожиданно ввалился Эжен Лапуэнт и направился напрямик к группе людей, стоявших позади меня. Внезапно кто-то толкнул меня под локоть, и шампанское пролилось мне прямо на костюм.

— У-пс! — сказал Лапуэнт с невинным видом.

Я повернулся и посмотрел ему в лицо. Он настороженно оглядел меня. Я вспомнил, что когда-то читал, что в прошлом он помогал тренировать хоккейную команду у себя на родине в Канаде.

— Эх, мистер Лапуэнт, какого тренера по хоккею вы в себе загубили! — спокойным тоном сказал я. — Право, мне жаль.

Лапуэнт воспринял мои слова с тенью улыбки.
— Мне тоже, — сказал он.

Дейв

Хотя Лапуэнт по-прежнему появлялся на различных заседаниях, мы заметили, что его функции все в большей мере выполняли другие члены секретариата. Видимо, скорее, по причине требования об отставке, чем по какой-либо другой, он все менее охотно высывал голову из укрытия. Но теперь Лапуэнт отошел на второй план.

Нам сообщили о расколе в японской делегации. Половина стояла за запрет, половина против. Огорчения добавил и разговор с делегатом из Японии г-ном Такимото — он сказал, что ИЮКН повернулся к нам спиной. Предложение ИЮКН моратория на один-два года для Южной Африки, Ботсваны и Зимбабве могло разрушить всю нашу работу, как мы и опасались, когда оно было впервые внесено. Все, что мы могли — повторять наши аргументы снова и снова. Снова и снова. «Продолжение торговли в любом случае оставит нелегальным торговцам широкие возможности для контрабанды». Так я и сказал г-ну Такимото: «Нет ни одной системы контроля за торговлей костью, которая доказала бы свою способность к работе. Сама история доказывает это».

Но г-н Такимото по-прежнему неумолимо стоял на позиции ИЮКН. Мы подозревали, что идея раскола оказалась чрезвычайно привлекательной для делегатов, которые в действительности были против запрета, но не хотели этого показывать. К нашему ужасу, и ВВФ склонялся к такому выбору.

Делегация ЕИА по-прежнему стремилась подсчитать, какие страны как собираются голосовать. Чтобы предложение к Приложению I было принято, необходимо большинство в две трети голосов. Если

судить по объявленным намерениям, мы были близки к тому, чтобы набрать требуемое количество, но оставалось еще 10-15 стран, скрывавших свои намерения и, возможно, не решивших, по какую сторону баррикады им быть. Мы пока не могли прибегнуть к давлению.

...Пятница, 13 октября 1989 года. На заседании Комитета I нарастало напряжение. Наступила критическая фаза. Комитет I занимался вопросами изменений в Приложениях. Если здесь пройдет предложение к Приложению I, его одобрение на пленарном заседании будет пустой формальностью. Многими делегатами овладело сильное чувство, что, если голосование по поводу Приложения I будет отложено на следующую неделю, это сильно подорвет наши перспективы.

— Ряд стран предлагает к обсуждению судьбу других исчезающих видов, — заметил Коста. — Они начинают испытывать разочарование, и если мы сейчас же не проголосуем, мы их разгневаем.

Всю вторую половину дня продолжалась бесплодная дискуссия. Никто не сказал ничего нового. Каждый раз начиналась сказка про белого бычка. Наконец запротестовал австрийский делегат:

— Господин председатель, мы устали от этого трепа! Мы призываем проголосовать по Приложению I немедленно!

Согласно правилам процедуры голосования, в случае выдвижения требования о голосовании оно должно проводиться немедленно. Однако председательствующий делегат из Швейцарии Петер Доллингер, который встречал критическими замечаниями всякого, кто заикался о поддержке Приложения I, отказался поставить вопрос на голосование.

— Сейчас мы голосовать не будем, — настаивал он.

Заявление вызвало протесты.

— Выражаем несогласие с тем, как председательствующий ведет собрание! — сказал один из делегатов. — Предлагаю этот вопрос на голосование.

С неохотой поддаваясь давлению, Доллингер сказал:

— Кто «за», прошу поднять мандаты.

Никто не понял, что он имеет в виду. Несколько человек нерешительно подняли мандаты, помахали в воздухе и снова опустили.

— Теперь поднимите мандаты, кто «против».

По аудитории пронесся ропот.

— Господин председатель! — крикнул один из делегатов. — Мы не знаем, за что голосуем!

Голосование захлебнулось в волне вопросов и возгласов.

— Объясняю еще раз, — сказал Доллингер, доведенный до белого каления. — Если вы согласны с тем, как я веду заседание, вы голосуете «нет». Если вы поддерживаете — простите, я хотел сказать, если вы не поддерживаете — голосуете «да».

На сей раз были сконфужены даже говорящие по-английски делегаты; те же, кто не владел языком, были окончательно сражены. «Господин председатель! Господин председатель!» — в зале нарастала суматоха.

Доллингер оглядел аудиторию и остановил свой взгляд на Жаке Бернэ.

— Сейчас секретариат разъяснит, за что голосуем, — сказал он, кивая на своего дружка.

— Ну и ну, — сказал Эллан. — Содом и Гоморра!

Бернэ включил свой микрофон.

— Разъясняю: если вы не согласны с тем, как председатель ведет заседание, вы голосуете: «за». Если вы против того, как председатель ведет заседание, голосуете «против».

Никто уже давно не улавливал, в чем заключается руководство председателя. Разочарование, охватившее делегатов, грозило превратить заседание в хаос.

Эллан повел бровями.

— И в руках таких-то людей находится судьба слонов!

Наконец разобрались, за что голосуем, и вопрос поставлен на голосование.

К нашему разочарованию, большинство стран, вместо того чтобы требовать немедленного голосования по Приложению I, поддержало линию председателя. Таким образом, голосование по Приложению I было отложено до следующей недели. Но, когда заседание было объявлено закрытым, многие из делегатов, не говоривших по-английски, покидали его в дурном настроении.

— Некоторые из них и сейчас думают, что голосовали за немедленную постановку вопроса, — безнадежно сказал Коста.

* * *

— Похоже, ситуация складывается не в нашу пользу, Дейв, — подавленно сказал Эллан, когда заседание по Приложению I было прервано. — Если нам не удастся склонить ВВФ и ИЮКН голосовать за полный запрет, слонам конец.

Я разделял его пессимизм.

— Что же мы можем сделать?

В глазах Эллана неожиданно блеснула надежда.

— Попробую поговорить с ними.

— О'кей, — согласился я. — А я пойду на встречу неправительственных организаций. Посмотрю, что смогу там сделать.

Встреча неправительственных организаций происходила по завершении каждого заседания для обсуждения вопросов, поднятых в этот день. Сегодня встречу вел председатель Международной организации «Гринпис» Джефф Кэнин. Когда все собрались, он сказал: «Дейв хочет выступить по важному вопросу» — и дал мне слово.

— ЕИА приходит к выводу, что проводимое ею лоббирование подрывается действиями ИЮКН и ВВФ. Мы все боремся за введение полного запрета на торговлю слоновой костью, и, как я понял, ВВФ также публично заявил о том, что преследует эту цель. В данный момент они собрались в отдельном зале, и я полагаю, что нам следует сообщить им все, что мы о них думаем.

— Дейв прав, — сказала Кристина Стивенс из дальнего конца зала. — Я думаю, ВВФ должен будет ответить за свои поступки. Ведь общественность поверила, что они будут лоббировать полный запрет.

По залу пронесся одобрителный гул. Среди представителей природозащитных групп, почувствовавших, что ВВФ их предал, давно вскипали горечь и разочарование.

— А что, если нам прямо сейчас пойти туда, где заседает ВВФ, и вызвать их на обсуждение вопроса? — сказал глава отделения «Гринпис» в Германии Петер Пюшель.

— Я думаю, Эллан как раз сейчас договаривается с ними о встрече, — сказал я.

Эллан

Я снова нарушил этикет, но у меня не было другого выхода. Если бы я не выступил, запрету на торговлю слоновой костью грозило бы остаться несбыточной мечтой. Я легонько постучал в дверь, за которой проходило заседание группы ВВФ по торговле, и вошел. Двадцать лиц обернулось в мою сторону.

— Простите мое вторжение к вам на собрание, — извинился я, — но среди других неправительственных организаций нарастает чувство, что борцы за защиту природы разделились во мнении по вопросу о Приложении I и в результате нас ждет жестокое поражение.

Том Милликен, возглавлявший группу ВВФ по управлению торговлей, запротестовал:

— Как же так, Эллан? Мы стояли твердо на нашей позиции в течение всей конференции. Мы объявили о допущении, что ряд стран юга Африки может быть освобожден от включения в Приложение I, если они приостановят торговлю слоновой костью на два года.

— Возможно, Том, но большинство делегатов в замешательстве. Если вы вместе с ИЮКН заявляете о приемлемости менее жесткой меры, чем полный запрет, следовательно, ваши взгляды отличаются от взглядов других борцов за защиту природы.

Прежде чем кто-нибудь из них смог возразить, я продолжил:

— Прокор в позиции ВВФ заключается в том, что исключение из правил нельзя ограничить строго рамками Зимбабве, Ботсваны и Южной Африки. Коль скоро создается прецедент исключения, это будет нарастать как снежный ком. Сегодня три страны, завтра девять — может быть, уже к понедельнику!

Видите, сегодня предлагалось еще две резолюции! Если мы твердо не определимся в единой позиции, мы потерпим поражение, — предупредил я, — и сокрушительное поражение!

По крайней мере, они меня слушали. Я видел, как Джорген о чем-то переговаривался с соседями. Затем они обернулись ко мне:

— Поговорим чуть позже, Эллан. Нам надо поработать над Приложением I.

— Как вы думаете, что, если несколько человек от вашей группы встретятся с несколькими представителями других неправительственных организаций с целью выработки общей стратегии? Давайте соберемся в баре этажом ниже, когда закончите вашу встречу.

— Все согласны? — спросил Джорген.

Послышался шепот в знак одобрения.

— Прекрасно, — кивнул Джорген, — давайте за час завершим нашу встречу и соберемся в баре этажом ниже.

Мы пришли в бар, как и было намечено, но «несколько человек» от каждой группы вылилось в тридцать, и споры разгорелись так жаростно, что не поддавались управлению. Через полтора часа мы с Дейвом предложили собраться в вестибюле по несколько человек от каждой стороны. Теперь нас было всего десять, можно было продолжать дискуссию. В числе собравшихся были Джорген, Кристина, Стив Кобб, Сью Либерман, Том Милликен и, конечно, мы с Дейвом.

— Нам нужно прийти к единой позиции, — повторил я. — Мы знаем, что ВВФ, группа по торговле и ИЮКН хотят разрешить раду южноафриканских стран, чтобы их слоны оставались в Приложении II с тем, что они введут мораторий на торговлю костью сроком на два года. Но Зимбабве только что объяснила, что ни при каких условиях не станет поддерживать запрет, так что

эта стратегия исключена. Значит ли это, что теперь ВВФ и группа торговли поддержат введение полного запрета?

Джорген попытался объяснить, чем вызвана позиция ВВФ, приведшая к расколу.

— Дело в том, что, если слоны будут внесены в Приложение I, по существующим правилам их очень трудно будет вернуть обратно в Приложение II. Мы хотим оставить возможность, чтобы те страны, в которых удастся наладить регулирование поголовья слонов, могли выйти из Приложения I.

Начался очередной виток дискуссии. Через двадцать минут слово взяла Кристина:

— Я, к сожалению, вынуждена покинуть вас, но я скажу, что это самый важный вопрос, когда-либо поднимавшийся на конференции. — Она взглянула на Джоргена. — Я хочу, чтобы ВВФ задумался вот над чем. Я не умею достойно проигрывать. И если мы проиграем по вине ВВФ, я напишу каждому, кто вас поддерживает, что это поражение случилось по милости вашей организации. — С этими словами Кристина покинула нас.

Джорген выглядел как оплеванный.

— Такого мы от нее не ожидали! — воскликнул он.

— Разрушительно! — согласился Стив Кобб.

«Один — ноль в пользу Кристины, — подумал я. — Этот выпад был для них неожиданным. Кристина весьма уважаемая фигура в природоохранных кругах Вашингтона, и столь нехарактерный для нее срыв подчеркнул глубину ее переживания за это дело. Она не собиралась вот так, сплеча, дискредитировать ВВФ. И мы не собирались».

Но надо было разобраться с позицией ВВФ. Раскол в природоохранном движении был худшим для нас вариантом. Возможно ли было снова оказаться по одну сторону баррикады? С большой натяжкой можно было

понять аргумент Джоргена: если страны, где еще много слонов, поймут включение в Приложение I как навечно, они едва ли будут счастливы поддержать его.

— О'кей, — подумав, сказал я, — согласится ли ВВФ поддержать предложение по Приложению I, если будет достигнута договоренность, что будут установлены критерии, которые позволят тем или иным странам выйти из этого Приложения в будущем?

Том и Джорген переглянулись.

— Ну что ж, — осторожно сказал Джорген. — С этим мы все согласны.

Это был крупный прорыв. Когда наконец-то забрезжила надежда на соглашение, импровизированная встреча была объявлена закрытой. Когда я выходил из вестибюля, ко мне присоединился Джорген. Он по-прежнему выглядел настороженным.

— Дайте личное обещание, что поддержите, — сказал он.

— Не беспокойся. Поддержу, — кивнул я.

Вообще-то поправка, которую я собирался предложить, уже выносилась на обсуждение сомалийским делегатом в пятницу, но было уже слишком поздно, чтобы вести дискуссии по ней. Непосвященным может показаться, что она мало чем отличается от предложения ИЮКН о введении моратория, но в действительности она предлагала куда более строгие меры. Странам, которые после двух лет моратория желали бы возобновить торговлю костью, предстояло доказать, что дела у них идут нормально, — в отличие от предложения ИЮКН, согласно которому в 1991 году право на торговлю возобновлялось автоматически. Разница существенная. Это означало, конечно, что в 1991 году нам предстояла новая схватка, когда страны юга Африки возжелают снова записать своих слонов в Приложение II; но это как-никак заставит их взять под серьезный контроль поголовье слонов и

торговлю, а уж ЕИА сделает все, чтобы они не могли, как прежде, пускать пыль в глаза общественности.

В воскресенье вечером состоялась новая встреча неправительственных организаций, и я разъяснил новые предложения ЕИА. Они почти не встретили возражений. К концу встречи наконец-то все природоохранные группы объединились вокруг Приложения I. Теперь наша задача была убедить всех остальных голосовать за предложение, выдвинутое сомалийцами. А сделать это было непросто: поскольку предложение не было зачитано, большинство делегатов и не слышали о его существовании, и у нас было слишком мало времени, чтобы обратить внимание на это предложение. За несколько часов до начала заседания ЕИА, состоявшая из 8 человек, начала лоббировать.

Утром в понедельник был роздан документ, содержащий резолюцию по Приложению I и три других.

Первое предложение, вынесенное Зимбабве, Ботсваной, Малави и Мозамбиком, состояло в попытке исключить из Приложения I слонов перечисленных стран. Они также хотели исключить Намибию и Анголу, хотя эти страны никогда не состояли в КИТЕС. Второе предложение было аналогичным, с той только разницей, что претендентами на исключение были Камерун, Конго и Габон. Третьим предложением как раз и было сомалийское.

Как раз перед вынесением предложений на голосование впервые от имени ВВФ, явно не без влияния Джоргена, выступил Симон Листер. Он чуть ли не на коленях умолял делегатов поддержать предложение Сомали.

Но первыми на голосование выносились предложения Зимбабве и Габона. Если они не наберут необходимых двух третей голосов, на голосование

будет вынесено предложение по Приложению I — за полный запрет. Если и это не наберет двух третей, выносится сомалийское предложение. Если хоть одно из этих предложений пройдет, его предстояло утвердить на пленарном заседании КИТЕС, но это было чистой формальностью. Нередко на заседаниях Комитета I присутствовало лишь меньшинство делегатов; но на сей раз Комитет I явился в полном составе — такой был интерес к проблеме слонов.

Если ни одна из резолюций не пройдет, дебаты пришлось бы начать снова.

— Первым ставится на голосование предложение Зимбабве, — сказал Доллингер, разъяснив процедуры голосования.

Роуан Мартин немедленно поднял мандат от имени Зимбабве.

— Господин председатель, Зимбабве предлагает тайное голосование по своему предложению.

В воздух взмыли десятки мандатов в знак протеста. Страны, публично заявлявшие о поддержке защиты слонов, могли бы в таком случае безнаказанно проголосовать за обратное.

— Есть ли страны, поддерживающие это предложение? — быстро спросил Доллингер.

Гамбия, Замбия и Ботсвана подняли мандаты.

— Слово представителю Гамбии, — объявил Доллингер. Но сделанный им выбор оказался неверным.

— Гамбия против предложения Зимбабве о тайном голосовании, господин председатель.

Доллингер выглядел раздраженным.

— Гамбия высказала свое мнение. Это значит, что я должен поставить предложение Зимбабве на голосование. Кто за тайное голосование, прошу поднять мандаты.

В воздух поднялось несколько считанных карточек. Я с интересом присмотрелся: Швейцария, Китай,

Зимбабве, Замбия, Ботсвана, Мозамбик, Бурунди, Южная Африка, Венесуэла, Швеция. Никаких особых сюрпризов.

— Кто против тайного голосования? — спросил Доллингер.

В ответ поднялось целое море красных мандатов, словно море гнева.

— Предложение Зимбабве о тайном голосовании отклоняется, — сказал Доллингер. — Теперь голосуем по предложению Зимбабве, обозначенному в документе под номером 7.43.6.

Дейв, Рос и я обменялись взглядами.

— Ну, теперь в бой, — сказал я.

* * *

...Австрия — против, Бангладеш — против, Белиз — против, Бенин — против, Боливия — против, Ботсвана — за, Бразилия — против, Бурунди — за, Камерун — за...

— Не прошло, — сказал Дейв задолго до того, как была определена позиция всех 90 стран.

— Двадцать — за, семьдесят — против. Предложение отклоняется, — сказал Доллингер и заглянул в свои записи. — На очереди предложение Габона, обозначенное в документе под номером 7.43.7.

Предложение Габона было поддержано еще меньшим числом стран.

— Восемь — за, восемьдесят три — против, — несколько минут спустя объявил Доллингер и прокашлялся.

— Теперь переходим к голосованию по Приложению I без дополнений, в том виде, в каком оно предложено Австрией, Гамбией, Венгрией, Кенией, Танзанией и США.

...Белиз — за, Бенин — против, Боливия — за, Ботсвана — против, Бразилия — против, Бурунди — против, Камерун — против, Канада — за, Центрально-Африканская Республика — за, Чад — за, Чили — за, Китай — против, Колумбия — против, Конго — против...

Дела складывались не в нашу пользу.

— Предложение отклоняется как не набравшее необходимого большинства голосов, — бесстрастно сказал Доллингер. — Пятьдесят три — за, тридцать шесть — против.

Когда до сознания собравшихся дошел результат голосования, по залу пронесся легкий шум.

— И не хватало-то всего шести голосов, — выдохнула Рос.

— По крайней мере, Великобритания проголосовала за, — сказал я.

* * *

— Ну, сейчас начнется самое главное, — сказал Дейв, когда Доллингер поставил на голосование предложение Сомали: Приложение I с правом исключить из него, при наличии особых критериев, поголовья слонов в тех или иных странах на любом последующем заседании КИТЕС.

— Китай — против; Колумбия — за; Конго — против; Коста-Рика — за...

Пока велся подсчет голосов, в моем сознании вставали картины впечатлений за прошедшие два года. Я вспомнил Сидни, рисковавшего своей жизнью, идя по следу торговцев в Танзании; Дафну Шелдрик и ее питомник для осиротевших слонят; я подумал о старце, который послал нам тысячу фунтов с припиской: «Не нахожу лучшего применения этим деньгам, чем направить их на то, чтобы слоны выжили для будущих

поколений». Я думал об антибраконьерской бригаде Пола Сарикикья; эти люди, рискуя жизнью, защищали слонов за десять фунтов в месяц. Надежды стольких людей были связаны с этим моментом...

— Руанда — за, Сент-Люсия — за, Сент-Винсент — за, Сенегал — за, Сингапур — за, Сомали — за, Южная Африка — против...

Мы с Дейвом переглянулись, как бы ища друг у друга поддержки, а затем стали смотреть каждый в свою сторону. Я понял, что он чувствует, что наша берет, и он понял, что я это чувствую. Но никто из нас не осмеливался поверить в это. Нужно было дождаться официального объявления результатов голосования.

— Результаты голосования следующие, — объявил Доллингер. — При четырех воздержавшихся и одиннадцати против, семьдесят шесть за. Таким образом, предложение принято.

На какой-то момент в зале воцарилась тишина. Никто не проронил ни слова, стараясь вникнуть в сказанное Доллингером.

Торговля слоновой костью, существовавшая с незапамятных времен и безжалостно подталкивавшая слонов к полному истреблению, наконец-то объявлена вне закона.

Сначала раздалось несколько жидких хлопков, потом зал огласили рукоплескания — поначалу негромкие, но нараставшие, как шквал. Я обернулся к Дейву, и мы заключили друг друга в объятия, а затем принялись обниматься, обмениваться поцелуями и рукопожатиями со всеми остальными членами команды ЕИА. У всех в глазах стояли слезы. Аплодисменты вокруг нас переходили в овацию. Люди вскакивали с мест с одобрительными возгласами и хлопали.

Напрасно Доллингер пытался навести порядок в зале.

— Это табло неисправ... — начал он, но его слова потонули в шквале рукоплесканий. Профессор Пфейфер, сидевший с остальными членами французской делегации впереди меня по другую сторону прохода, поймал мой взгляд и засвистел в знак одобрения.

Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения Доллингера.

— Вывести его! Вывести его! — орал он, показывая на меня. Он думал, что это я свистел, хотя на самом деле свистел один из самых уважаемых делегатов.

— Во-он его! Во-он его! Секретариат! Вы-ыведите его! — вопил он вне себя от ярости, то и дело показывая на меня пальцем.

Сотни людей поворачивали головы то в мою сторону, то в сторону Доллингера. Жак Бернэ встал с места, явно намереваясь направиться ко мне и привести приговор в исполнение, когда кто-то что-то шепнул ему, указав на профессора Пфейфера. Протянутая в мою сторону рука Доллингера дрогнула, когда до него дошло, какую он совершил ошибку, а Бернэ плавно опустился в кресло. Доллигер залился краской от смущения.

— Никогда бы не подумал, что делегат способен на такое, — пробормотал он, забыв о том, что каждое его слово будет схвачено микрофоном.

Драма подошла к концу. Публика повставала с мест и стала расходиться.

«Всё», — в бессилии подумал я. Затем оглянулся и улыбнулся, увидев, как народ окружил Косту и поздравляет его. Я сделал знак сияющему Джоргену, подняв большой палец вверх — мол, здорово! — а затем, когда мы с Дейвом собрались уходить, мы столкнулись лицом к лицу с Кристиной — нашим меценатом, нашим наставником, вдохновителем наших

побед! Ее глаза сияли от счастья, а выражение лица говорило само за себя. Мы взяли друг друга за руки.

— Спасибо, Кристина, за то, что ты столько сделала ради слонов!

— Спасибо, Кристина! — подхватил Дейв.

Но торжествовать, как оказалось, было рано. Битва еще не была закончена. Назавтра пленарное заседание должно было утвердить резолюцию; обычно это было не более чем пустой формальностью, но нам пришлось пережить еще несколько тревожных часов, когда узнали, что в повестку дня внесены изменения и голосование по резолюции откладывается.

Оказывается, Зимбабве и Ботсвана заявили о своем выходе из КИТЕС в случае, если им не будет разрешено вынести на пленарное заседание ходатайство об исключении их слонов из Приложения I. Я был вне себя. По моему мнению, с которым был согласен и Дейв, если делегации южноафриканских стран не хотят быть связанными голосованием, прошедшим на демократической основе, пусть выметаются куда хотят. Но складывалось впечатление, что бюро поддалось шантажу, и хуже всего то, что ему поддался и ВВФ. Симон Листер и Бафф Боулен пришли на заседание бюро для обсуждения проблемы, можно ли провести переголосование.

Не находя себе места от мысли, что такой поворот судьбы может поставить барьер на пути полного запрета на торговлю слоновой костью, я бросился звонить дежурному по Международной организации ВВФ и попросил передать лично генеральному секретарю ВВФ Шарлю де Хэсу послание следующего содержания: «В случае предпринятия ВВФ каких-либо шагов, поддерживающих или принимающих отмену результатов голосования по Приложению I, мы будем вынуждены прибегнуть к мерам по разоблачению ВВФ в глазах общественности как предателей запрета на

торговлю костью». Мы не имели права проиграть. Это было бы слишком чудовищно.

И мы не проиграли. Проведя утро в томительном ожидании, мы узнали, что бюро не удалось достичь договоренности по вопросу об исключении. Сама же Зимбабве подорвала его. Если бы не категоричное заявление г-жи Читепо, что она ни при каких обстоятельствах не допустит моратория, компромисса, может быть, и удалось бы достигнуть. Упрямство сгубило зимбабвийцев. А за часы отсрочки Джорген и Стив Кобб выработали проект резолюции, определившей четкие критерии, дающие право в будущем переводить слонов из Приложения I в Приложение II. Предложенные ими критерии были строгими и бескомпромиссными, требовали безусловных доказательств умелого регулирования поголовья слонов в стране, претендующей на исключение из Приложения I. Стабильность поголовья животных и действенность мер борьбы против браконьерства, равно как и эффективность контроля за торговлей, должны проходить соответствующую проверку комиссией экспертов, назначаемой КИТЕС.

Наконец в два часа пополудни открылось пленарное заседание. Когда председательствующий поставил на голосование Приложение I, в зале зажглись огоньки телекамер. Повестка дня была нарушена делегатом от Зимбабве, который выступил с заявлением от имени Зимбабве, Ботсваны, Южной Африки и Малави. Они потребовали для себя исключения из Приложения I. Заявление было поддержано также Бурунди. «Исключение» означало, что они отказываются связать себя решениями КИТЕС; но это был бесполезный жест. Поскольку все страны — потребители слоновой кости — уже согласились связать себя решением о прекращении импорта, вышеозначенным африканским странам крайне трудно будет найти рынок сбыта для своей

кости. Победа всё равно оставалась за нами. Через несколько мгновений председательствующий на пленарном заседании делегат из Франции объявил о принятии рекомендации Комитета I.

В этот день нам предстоял еще ряд баталий, но мы уже были на гребне волны. При столь единодушной поддержке решения КИТЕС у его критиков не осталось шансов. Попытка Гонконга добиться для себя исключения из запрета позорно провалилась. Та же участь постигла попытку подорвать Резолюцию 5.11, добившись разрешения торговать костью из ранее накопленных запасов, а также притязание Бурунди легализовать накопившуюся там кость. Мы победили почти на всех фронтах.

Когда повестка дня формально была исчерпана, журналисты и борцы за охрану природы снова собрались, чтобы обменяться поздравлениями. Даже делегат от Бурунди, который ранее назвал нас «врагами народа», и тот подошел к нам с улыбкой: «Поздравляю».

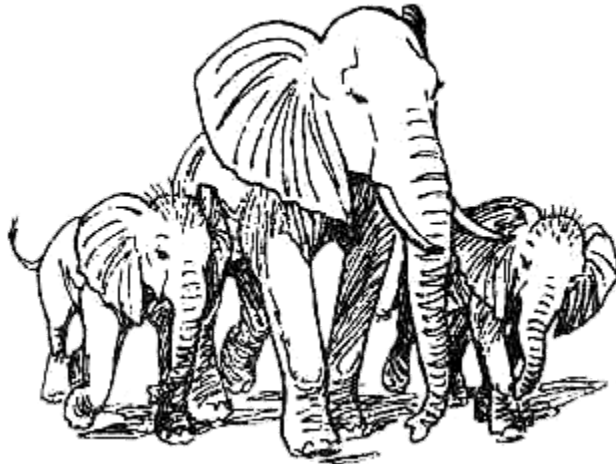
Но, пожалуй, самая ценная для нас благодарность была получена от д-ра Рона Оренстайна, канадского борца за охрану природы, защищавшего нас от нападок бурундийского делегата.

— ЕИА удалось добиться того, чего мы ждали годами, — объявил он. — Удалось разоблачить нелегальную торговлю слоновой костью, ради чего они рисковали жизнью. Поблагодарим их всех за это!

Когда мы вышли из зала, нас осаждали со всех сторон толпы поздравителей. В порыве эйфории мы одну за другой пожимали тянущиеся к нам руки. Мы принимали поздравления и, в свою очередь, поздравляли других делегатов и членов неправительственных организаций — в нашей победе была и их заслуга. Сегодня нам удалось повернуть ход истории. Мы свершили то, что другие люди считали невозможным.

Война за спасение слонов еще не была окончена. Возможно, она никогда не будет полностью окончена. ЕИА предстояло проделать огромный объем работы до следующей конференции КИТЕС, намеченной на весну 1992 года. Торгаши так просто со своими барышами не расстанутся. Но теперь слоны, по крайней мере, получили передышку. Более того, забрезжила надежда, что у них появилось будущее.

— Не знаю, как ты, Дейв, — сказал я, — а я чувствую, будто у меня на душе праздник. — Я улыбнулся и добавил: — А как ты смотришь на то, чтобы повидать живых слонов?

Эпилог

Ноябрь 1989

Танзания

Стук бивней о стволы деревьев отзывался эхом в лесах. Мы осторожно ехали по другой стороне кратера и остановили машину на лужайке, на которой валялось несколько стволов деревьев. Нашим глазам открылась сцена, похожая на сон. Мы наблюдали, как полдюжины огромных слонов чередой вошли на лужайку и принялись щипать побеги с поваленных деревьев. Полуденное солнце играло на их сморщенной коже и загнутых бивнях невиданной величины.

Это были самые старые слоны, которых мы когда-либо видели. Их бивни достигали такой длины, что загибались и касались кончиками друг друга. Несмотря на все ужасы, они спаслись от истребления в убежище, созданном самой природой: впечатляющем кратере потухшего танзанийского вулкана Нгоронгоро диаметром двадцать километров, последний раз извергавшегося десять тысяч лет назад. Эти старцы, защищенные от браконьеров крутыми стенками кратера, показались нам неким видением прошлого, и мы возлелеяли надежду, что это — и видение будущего.

Слоны задумчиво пережевывали свою пищу, не обращая внимания на наблюдавших их двоих людей.

Люди для них никогда не были причиной страха. Чуть позже, насытившись до отвала, они величественно зашагали под защиту тени леса и скрылись из виду.

Постскриптум Октябрь 1991

С октября 1989 года, когда африканские слоны были причислены к Приложению I КИТЕС, спрос на изделия из слоновой кости в Европе и Америке резко упал. Как следствие, резко упала цена на слоновую кость на мировом рынке, что вызвало снижение браконьерства на большей части территории Восточной, Центральной и Западной Африки.

За прошедшие два года значительные перемены произошли и на политическом фронте. Под давлением широкомасштабной критики его деятельности Эжен Лапуэнт был освобожден от должности генерального секретаря КИТЕС; мы надеемся, что под началом нового генерального секретаря, Изгрева Топкова, КИТЕС подойдет к природоохранному делу с гораздо большей ответственностью.

Избавление от браконьерства позволило многим африканским странам начать претворение в жизнь новых планов по спасению слонов. Но ряд стран юга Африки подрывает запрет КИТЕС, отвоевав себе

пространство для деятельности: ныне Зимбабве, ЮАР, Ботсвана, Малави, Замбия и Намибия подписали соглашение об учреждении центра маркетинга на рынке слоновой кости с местонахождением в Ботсване.

Зимбабве и Южная Африка возглавили силы, готовые подорвать Приложение I на следующей конференции КИТЕС в марте 1992 года в Киото. В ответ на это Агентство по исследованию природы провело тайные операции по изучению нелегальной торговли слоновой костью в этих южноафриканских государствах.

В противоположность остальной Африке, где браконьерская охота на слонов пошла на убыль, во многих странах юга Африки, продолжающих нелегальную торговлю, браконьерство возросло. Попытки Зимбабве и ЮАР торпедировать Приложение I воодушевили браконьеров, и ныне они концентрируют свои усилия на этом участке африканского региона.

Наши расследования привели к разоблачению самых чудовищных случаев прикрытия браконьеров и контрабандистов зимбабвийской армией. Контрабандистская сеть охватывает Мозамбик, Южную Африку, Замбию, Малави и Намибию.

В январе 1990 года капитан Зимбабвийской национальной армии Эдвин Бхундани Нлейя был найден повешенным на дереве в зимбабвийском национальном парке Хванге. Нлейя раскрыл крупную операцию о браконьерской охоте на слонов и носорогов, проведенную высшими чинами зимбабвийской армии, дислоцированной в Мозамбике. Убийцы преследовали Нлейю на поезде из Хараре в Хванге. Как раз перед гибелью Нлейя позвонил жене и предупредил, что находится в смертельной опасности.

Браконьерство и контрабанда с участием сил зимбабвийской армии оставили множество следов в парке Гонарежу в Мозамбике. Ряд самых мужественных

и преданных делу сохранения природы зимбабвийских природозащитников передали правительству подробные свидетельства о взаимодействии армейцев-браконьеров и чиновников из департамента живой природы. Но эти обращения были проигнорированы президентом Мугабе.

Усилия зимбабвийских борцов за охрану природы, стремящихся противодействовать растущему интересу военных к браконьерской охоте на слонов и носорогов, натолкнулись на грубое противостояние, начиная с угроз смертью и кончая убийством Нлейи.

Нелегальная торговля расцвела пышным цветом в Южной Африке, несмотря на отчаянные усилия бригады по защите вымирающих видов. В Южную Африку стекается слоновая кость из Заира, Замбии, Зимбабве, Малави и Мозамбика; из Южной Африки она направляется в Тайвань.

Слоновая кость движется взад и вперед между Южной Африкой и Мозамбиком, попадая в хитросплетенную сеть, в которой замешаны и вооруженные повстанческие отряды Ренамо, и правительство Фрелимо, покрывающие сеть браконьеров, контрабандистов и разведчиков, опустошающих природу Мозамбика.

Интенсивной остается и браконьерская охота на слонов в Замбии. Силы безопасности также замешаны в браконьерстве — в частности они одалживают свое оружие бандам браконьеров. Малави стала центром накопления браконьерски добытой слоновой кости перед отправкой в Южную Африку.

Чем более вопиющими становятся действия зимбабвийских и южноафриканских властей, покрывающих действия браконьеров, тем громче звучат из этих стран аргументы в пользу торговли слоновой костью. Разумеется, эти аргументы обходят стороной

участие в браконьерстве и контрабандистских операциях высших военных чинов.

Судьба слонов во всем мире может оказаться в зависимости от того, захочет ли мировая общественность слепо верить хвастливым заявлениям южноафриканских стран о наличии у них эффективного контроля за контрабандой слоновой кости и умелого регулирования поголовья слонов.

Будет ли мир рисковать истреблением слонов в 30 странах Африки, разрешая горстке государств торговать костью? Наши расследования призывают ответить на этот вопрос решительным «НЕТ!».

ЕИА и впредь будет делать все для защиты и усиления международного запрета на торговлю слоновой костью и изделиями из нее. Этим мы вносим свой вклад в требующую неподкупности и мужества деятельность борцов за охрану природы, во имя тех жителей Африки, которые борются — часто с риском для своей жизни и благополучия — за спасение слонов.

*Дейв Кэрри, Эллан Торнтон
Октябрь 1991*